

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
Актуальные вопросы современной филологии

Межвузовский сборник статей

Выпуск 1

Киров
2012

УДК 81.11-112+82
ББК 81.0+83.0
Н12

Ответственный редактор – О. В. Редькина, канд. филол. наук

Н12 На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы современной филологии: межвуз. сб. ст. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – 134 с.

ISBN 978-5-456-00142-9

В сборник вошли статьи, посвященные проблемам общего и сопоставительного языкознания, романо-германской филологии, русистики, лингводидактики, литературоведения.

УДК 81.11-112+82
ББК 81.0+83.0

ISBN 978-5-456-00142-9

© НРГ «Университет-Плюс», 2012
© Авторы статей, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора</i>	5
---------------------------	---

<i>Попова Л. Г. (г. Москва)</i> О возможности определения исторического пересечения языков и культур	6
<i>Лунькова Л. Н. (г. Коломна)</i> О понятии стиля в художественной литературе.....	8

ЛИНГВИСТИКА

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Амриддинова Н. Ш. (г. Самарканд)</i> К вопросу об общих принципах структуризации фразеосемантики (на материале современного английского языка) ...	13
<i>Белютин Р. В. (г. Смоленск)</i> Театральная метафора в немецком спортивном дискурсе.....	16
<i>Бережных Е. Ю. (г. Москва)</i> О способах морфемного словопроизводства в современном английском языке.....	20
<i>Добрынин С. В. (г. Оренбург)</i> Основные семантические типы просторечных слов ...	21
<i>Ерофеев Ю. В. (г. Самара)</i> Стилистические средства выражения унижения в немецкоязычных интернет-анекдотах про женщин	26
<i>Ефремова Е. Е., Мартынова Н. А. (г. Нижний Новгород)</i> Изменение языка в эпоху глобализации. Английский язык как субъект глобализации.....	30
<i>Жаровская Е. В. (г. Благовещенск)</i> Значимость мелодии для классифицирования контактоподдерживающих реплик.....	33
<i>Журавлева В. Ю. (г. Омск)</i> Французские заимствования в английской терминологии архитектурного дизайна	38
<i>Звонарева Ю. В. (г. Челябинск)</i> Тактика самооценки в автобиографическом дискурсе Г. Коля.....	41
<i>Звонарева Ю. В. (г. Челябинск)</i> Стратегия самопрезентации и тактики убеждения в автобиографическом дискурсе Г. Коля.....	43
<i>Звонарева Ю. В. (г. Челябинск)</i> Реализация тактики обвинения в автобиографии Г. Шрёдера	45
<i>Каверина О. А. (г. Иркутск)</i> Языковая репрезентация эпистемического модуса в высказываниях с союзами <i>as if/as though</i>	47
<i>Костерина Ю. Е. (г. Омск)</i> Эпонимные термины: структурный аспект.....	53
<i>Молчкова Л. В. (г. Самара)</i> Категориальные признаки фразеологизмов.....	55
<i>Молчкова Л. В. (г. Самара)</i> К вопросу о моделированности фразеологизмов.....	58
<i>Павленко (Васильева) Е. А. (г. Санкт-Петербург)</i> Особенности британского газетного текста с точки зрения функционирования различных типов текстовых включений.....	60
<i>Плотникова Ю. А. (г. Белгород)</i> Роль метафоры в моделировании концепта INTEREST	62
<i>Янькова Н. А. (г. Улан-Удэ)</i> Внутренний мир человека: концептуализация сокровенного метафорической моделью ДОМ в английском языковом сознании	65

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Киселёв Д. А. (г. Самарканд)</i> Осмысление эллиптированного глагола в условиях ситуативного эллипсиса	69
<i>Копачева А. Р. (г. Челябинск)</i> Особенности актуализации концепта «белый цвет» (“blanc”) в составе французских паремий.....	73

РУССКИЙ ЯЗЫК. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Вдовиченко Л. В. (г. Сургут) Идеологема «порядок» в контексте политической жизни современной России</i>	78
<i>Иванова Т. К. (г. Казань) Сложные наименования лица по предметному признаку в словообразовательной системе русского и немецкого языков</i>	83
<i>Куркина Т. В. (г. Самара) Особенности терминологии технологии лекарственных форм</i>	88
<i>Полекаускас М. С. (г. Смоленск) Терминологические сочетания в исторических нормативно-научных текстах</i>	90
<i>Редькина О. В. (г. Киров) Новации в словообразовании русского языка рубежа XX–XXI веков (опыт системного анализа)</i>	93
<i>Редькина О. В. (г. Киров) Семантический потенциал субстантивированных форм, предваряющих прямую речь</i>	104
<i>Туфанова Ю. В. (г. Иркутск) Извинение как конфликтная коммуникативная ситуация</i>	106
<i>Шамне Н. Л., Лиховидова Е. П. (г. Волгоград) Современные интернет-технологии в социально-культурной сфере</i>	109

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Терехова С. А. (г. Волгоград) Лингводидактические принципы обучения контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности</i>	116
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бородин П. А. (г. Москва) Эдён фон Хорват и его рассказ «Спасенное семейство»</i>	121
<i>Жиндеева Е. А., Тюлякова А. А. (г. Саранск) Сновиденческая традиция в современной русской литературе</i>	125
<i>Игнашов А. В. (г. Самара) Авторский субъективизм книги А. Полторака «Нюрнбергский эпилог»</i>	129

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ131

От редактора

Уважаемые коллеги!

Перед вами первый выпуск сборника «На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы современной филологии».

Очень радостно, что уже у первого выпуска столь обширная география: в него вошли статьи вузовских преподавателей и аспирантов из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Самары, Саранска, Волгограда, Смоленска, Белгорода, Коломны, Кирова, Оренбурга, Сургута, Омска, Челябинска, Иркутска, Благовещенска, Улан-Удэ, Самарканда.

Сборник открывается статьями докторов филологических наук Л. Г. Поповой (Москва) и Л. Н. Луньковой (Коломна). Профессор Л. Г. Попова освещает вопросы пересечения языков в историческом аспекте, рассматривая лингвистический материал с привлечением данных психологии и культурологии. Л. Н. Лунькова поднимает проблему определения стиля вообще и в лингвистической науке в частности.

Статьи, вошедшие в сборник, разнообразны по тематике. Материалы структурированы в соответствии с принадлежностью отраслям филологического знания и составляют разделы «Лингвистика» и «Литературоведение». Структура раздела «Лингвистика» определяется классификацией языков, факты которых анализируются в статьях, и разделами языкознания, в рамках которых работают исследователи. Раздел «Литературоведение» включает статьи, отражающие результаты изысканий в области русской и зарубежной литературы.

В перспективе выпуск сборника планируется сделать регулярным. Хочется верить, что у нас появятся постоянные авторы, чьи научные результаты будут публиковаться на страницах издания. Ждем и новых исследователей-филологов, а значит, новых научных тем и вопросов.

О. В. Редькина

О возможности определения исторического пересечения языков и культур

В статье предлагается подход к установлению моментов исторического пересечения языков и культур исходя из этимологической характеристики слов. Во внимание берется тот тематический пласт лексики, который отличается устойчивостью и сохранением самых древних лексических единиц.

Ключевые слова: пересечение, языки, история.

В рамках данной статьи хотелось бы поделиться мнением о возможности установления истории пересечения культур и языков. Под пересечением понимается встреча языков, культур, вероятность их взаимодействия [6]. Но сам процесс пересечения культур считается довольно разработанным вопросом психологии, где основательно разрабатывается направление кросс-культурной психологии, занимающейся изучением закономерностей развития и функционирования психики в контексте обусловленности ее формирования социальными, культурными и экологическими факторами [5].

В культурологии, где исследуются механизмы управления культурой деловой коммуникации, межкультурному общению уделяется большое внимание, основательно рассматриваются особенности национального характера в межкультурном взаимодействии в сфере бизнеса [1]. В этом плане следует упомянуть работу Р. Р. Гестеланда, в которой в рамках маркетинговых исследований рассматривается кросс-культурное поведение в бизнесе [2]. Кросс-культурные исследования могут быть сосредоточены на сравнительном исследовании, объектом и предметом которого выступает культура. Первыми их стали проводить представители социальной и культурной антропологии. Целью служило выяснение того, как один и тот же культурный артефакт (брачные церемонии, системы родства) функционирует в различных культурах. Они интересовались также тем, почему в одной культуре нечто считается нормой, а в другой – отклонением.

Ограничим себя пересечением языков и культур, сосредоточившись лишь на историческом моменте их пересечения. В качестве примера для анализа возьмем один из древних пластов лексики русского языка, а именно тематическую группу орудий труда. К разряду таких слов относится слово «грабли».

Русское слово «грабли» обозначает сельскохозяйственное орудие труда в виде колодки с зубьями, насаженной на длинную рукоятку, для сгребания сена, для разрыхления земли на грядках. Грабель или грабки – это род грабель, приделанных к косе, с длинными, выгнутыми по косе зубьями, для кошения хлеба, особенно овса и ячменя. Грабилкой называют маленькие

грабли, как рука с пальцами, для собирания ягод, например с низких кустов брусники, черники [3, с. 361].

По своему происхождению слово «грабли» обладает следующей этимологической характеристикой: оно сходно с украинским граблі, сербохорватским грабље, словенским grablje, чешским hrabě, польским grabie. Слово родственно литовскому greblỹs (грабли), латышскому greblis, древнеисландскому gref (грабли), швейцарскому немецкому grebel (мотыга) – [4, с. 450].

Этимологическая характеристика слова показывает явные контакты русского языка с родственными ему языками. И если мы констатируем сходство значений этого слова со словами в близких родственных (славянских) языках, то оно естественно и с рядом слов отдельных дальних родственных языков. Считаю неслучайным явление сходства этого слова с древнеисландским словом gref и со словом grebel современного швейцарского варианта немецкого языка. Можно предложить следующий вывод. В далекой древности существовало орудие труда «грабли», используемое в ходе некоторых сельскохозяйственных работ: обработка земли, уборка урожая. Отсюда в русском языке образуются и другие похожие слова, называющие новые, созданные народом орудия труда в земледелии. Древнее назначение сохранилось и до наших дней во всех перечисленных выше словах за счет исторического пересечения родственных языков.

Однако со временем меняется и само назначение данного орудия труда. И уже в Швейцарии создается орудие труда, используемое и как мотыга, но имеющее старое название.

Историческое пересечение языков, обусловленное их родством, со временем может как проявить себя, сохранившись в сходстве значений, так и уступить место новациям в языках. И данный процесс выражает диалектику развития языка. Изучение такого вида пересечения языков может прояснить что-то новое как в истории языков, так и в истории культур носителей этих языков.

Примечания

1. Бондаренко Н. Как проявляются «особенности национального характера» в межкультурном взаимодействии? // Управление корпоративной культурой. М.: Изд. дом Гребенникова, 2010. № 2 (06).

2. Гестеланд Ричард Р. Кросс-культурное поведение в бизнесе. Маркетинговые исследования. Днепропетровск: ООО «Баланс-Клуб», 2003.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. (Совмещенная редакция изданий В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ). М.: ОЛМА Медиа-групп, 2008.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб.: Азбука, 1996.

5. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/> [назв. с экрана]. (Дата обращения: 03.09.2012).

6. Словари. URL: <http://slovari.yandex.ru> [назв. с экрана]. (Дата обращения: 03.09.2012).

О понятии стиля в художественной литературе

Статья посвящена проблемам понятия «стиль» как в гуманитарной науке в целом, так и в лингвистической науке в частности. Рассматриваются вопросы дефиниции, объема понятия, некоторые авторские подходы к определению стиля в художественной литературе.

Ключевые слова: стиль, стилистика, художественный текст, форма, содержание.

Согласно теории Сепира и Уорфа, наш мир лингвистически структурирован, из чего следует, что мы всегда ограничены определенными лингвистическими рамками. Но это, тем не менее, не лишает нас возможности использовать все доступные способы альтернативного описания реальности, не лишает нас права выбора средств и способов ее описания, что в конечном счете приводит к бесчисленному количеству вариаций.

Идентичные языковые формы могут по-разному функционировать в разных текстах и, следовательно, продуцировать отличные значения в зависимости от контекста и от внутритекстового взаимодействия с языковыми структурами разных уровней. И поэтому интерпретация той или иной структуры не может быть сведена к однозначной и неизменной корреляции между формой и значением. Значение может формироваться в результате конвергенции (тесного взаимодействия) элементов всех языковых уровней, включая пунктуацию.

Когда язык описывает события реального или вымышленного мира в устном или письменном тексте, то он рассказывает об определенном опыте. Такое использование языка является важным формирующим элементом стиля, особенно в нарративном дискурсе. В связи с этим стиль можно определить как осознанный выбор. Согласно Холлидэю, наша «умозрительная картина реальности» [1: 106] состоит из множества событий, которые можно описать различными способами. Фактически ресурсы языковой системы могут предложить сразу несколько способов изображения одного и того же события или явления. С точки зрения стилистики интересно то, почему автор предпочитает одну языковую структуру другой, или почему из всех возможных способов репрезентации события выбирается один конкретный способ изложения. Авторский стилистический выбор всегда чем-то мотивирован, даже бессознательно, и в полной мере влияет как на структуру и природу самого текста, так и на последующую интерпретацию последнего.

А теперь мы можем попытаться пересмотреть теорию стиля. Вряд ли теоретическая лингвистика способна дать определение тому уровню языка, который мы называем «стиль». С другой стороны, в силу того, что пока еще не было более или менее работающей теории, которая выделила бы катего-

рию «языка литературы», представляется безосновательным считать категорию стиля исключительно литературной категорией. Стиль – одно из специальных формальных свойств текста. Однако в целом ни одна наука, изучающая текст, не способна дать определение «стилю» безотносительно к лингвистической науке.

Среди многочисленных лингвистических и литературоведческих определений понятия «стиль» трудно выделить одно, которое лаконично и однозначно вмещало бы в себя его многогранную природу. Если начать исследование понятия с энциклопедических источников, то уже на этом этапе становится очевидным, насколько многомерным, объемным является термин «стиль». Так, большой энциклопедический словарь «Языкознание» предлагает толкование на двух страницах, аккумулируя наиболее принятые и распространенные точки зрения: «1. разновидность языка, принятая в данном обществе [...], 2. то же, что *функциональный стиль*; 3. общепринятая манера, обычный способ исполнения к.-л. конкретного типа речевых актов [...]; 4. индивидуальная манера [...]; 5. то же, что языковая парадигма эпохи [...]» [2: 494]. Однако в статье присутствует указание и на основной общий инвариантный признак понятия: «Стиль всегда характеризуется принципом отбора и комбинации наличных языковых средств, их трансформаций; различия С. определяются различиями этих принципов» [Там же].

Стилистический энциклопедический словарь русского языка также довольно развернуто – на десяти страницах – трактует термин «стиль», то отсылая исследователя к хрестоматийному определению В. В. Виноградова (1955 г.), то определяя его очень абстрактно как «фундаментальное понятие стилистики» [3: 508] или «одно из ранних понятий гуманитарного знания» [Там же], то сужая его до «индивидуальной манеры» и «общепринятой манеры» [...] и т. д. Тем не менее, ключевым, на наш взгляд, тезисом в данном справочнике становится утверждение о том, что «в языкознании нет единого определения понятия С., что обусловлено многомерностью самого феномена и изучением его с различных точек зрения» [Там же]. Добавим, что единое определение стиля оказывается пока недоступным не только языкознанию, как общей науке о языке, но и прочим гуманитарным наукам.

В свою очередь энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий хотя и предлагает обширную статью, однако обсуждает лишь стили произношения, или произносительные стили русского языка, разделяя их на разговорный, нейтральный и высокий [4: 537]. Совершенно очевидно, что такого рода словарные статьи отражают лишь некоторые элементы, или грани, масштабного явления стиля.

Дальнейшее перечисление и цитирование дефиниций, вероятно, будет выглядеть бессмысленным, поскольку «нельзя объять необъятное» и невозможно поместить подобную глобальную категорию в прокрустово ложе сухого определения. Ясно, что для исследователя уместно и логично изучать лишь типы, аспекты, составляющие стиля и т. п.

Безусловно, наиболее часто понятие стиля возникает в связи с художественной литературой, интерпретацией и анализом художественного текста.

Современная наука о стиле, связанная с изучением художественного текста, – стилистика – происходит, как известно, из классической риторики: древнего искусства словесного убеждения, которое всегда имело непосредственную связь с литературой. Понимание стиля в современной стилистике скорее сводится к формулировке «языковая единица Y может быть использовано вместо языковой единицы X, где Y и X означают практически одно и то же» [5: 80]. Это означает, что стиль предполагает выбор формы без изменения содержания. Стиль включает в себя выбор формы, но не ограничен лишь этой функцией. Стиль – это также причины и эффект такого выбора. И тогда трудно отделить осознанное авторское усиление высказывания от внутренней семантики языковой единицы. Скажем, если автор художественного текста ставит своей задачей подчеркнуть присутствие сверхъестественного начала в своем произведении и останавливается на лексических единицах с характерными фонестемическими обертонами, а не на их нейтральных синонимах, означает ли это, что писатель сделал стилистический выбор, а не семантический? И это лишь один из многочисленных вопросов, который в связи с определением понятия «стиль» остается открытым для обсуждения исследователей. Что такое стиль в языке вообще? Как он создается? Как его идентифицировать и описать? Является ли стиль неотъемлемой чертой языка в целом? и т. д.

Изучение стиля в художественной литературе в общем виде можно определить как анализ определенной формы выражения в языке и описание ее целей и эффекта на реципиента. Тогда стиль в художественной литературе может быть определен как конкретный способ, или манера, использования языковых средств с целью достижения конкретной эстетической цели и конкретного эффекта на получателя сообщения.

Осуществляя стилистический анализ художественного текста, исследователь, безусловно, не фокусирует свое внимание на каждой языковой форме и структуре, но лишь на тех элементах, которые определенно выделяются на общем фоне. Подобные заметные структуры, без сомнения, имеют стилистическую ценность и, следовательно, воздействуют на эмоции и восприятие читателя. Этот психологический эффект в стилистике принято называть термином, заимствованным из живописи, – выдвигание, или актуализация (англ. foregrounding). Актуализированные элементы текста могут представлять собой параллельные структуры, реализованные с помощью графических, фонетических, лексических, грамматических, синтаксических средств. В других случаях потенциальными маркерами стиля могут быть семантические повторы, нарушения общих языковых норм или норм конкретного типа текста.

Все это бесспорно означает, что понимание стиля самым прямым образом предполагает выбор. Такое умозаключение основано на фундаментальной предпосылке о том, что, осуществляя различный выбор, отправитель сообщения создает различные стили и добивается каждый раз различного эффекта на получателя.

Необходимо сделать еще одно важное замечание относительно стиля в художественной литературе, поскольку это понятие может рассматриваться как с точки зрения стилистики кодирования, так и с точки зрения стилистики декодирования. С позиции автора, стиль предшествует словам. Автор более или менее определенно знает, что он собирается сказать и как он предполагает это сделать, задолго до того, как появится окончательная словесная формулировка на бумаге. С позиции читателя происходит обратный процесс: сначала отдельные слова и их комбинации, затем стиль в общем. И только через восприятие стиля читатель воспринимает литературное произведение.

Когда язык описывает события реального или вымышленного мира в устном или письменном тексте, то он рассказывает об определенном опыте. Такое использование языка является важным формирующим элементом стиля, а стиль определяется как осознанный выбор. Согласно М. А. К. Холлидью, наша «умозрительная картина реальности» состоит из множества событий, которые можно описать различными способами. Ресурсы языковой системы могут предложить сразу несколько способов изображения одного и того же события или явления. С точки зрения функциональной стилистики интересно то, почему автор предпочитает одну языковую структуру другой, или почему из всех возможных способов репрезентации события выбирается один конкретный способ изложения. Авторский стилистический выбор всегда чем-то мотивирован, даже бессознательно, и в полной мере влияет как на структуру и природу самого текста, так и на последующую интерпретацию.

Идентичные языковые формы могут по-разному функционировать в разных текстах и, следовательно, продуцировать отличные значения в зависимости от контекста и от внутритекстового взаимодействия с языковыми структурами разных уровней. И поэтому интерпретация той или иной структуры не может быть сведена к однозначной и неизменной корреляции между формой и значением. Значение может формироваться в результате конвергенции (тесного взаимодействия) элементов всех языковых уровней, включая пунктуацию.

В целом термин «стиль», если мы не говорим о специфическом лингвистическом употреблении, используется настолько часто в повседневной речи, что на первый взгляд не вызывает никаких проблем в толковании и понимании. Он используется активно и так естественно, что нам просто в голову не приходит подумать о том, что мы имеем в виду. Стандартные контексты использования представляют собой обсуждение моды и дизайна, или того, как кто-то что-то делает (например: «Мне не нравится его стиль руководства»). Подобным же образом мы рассуждаем о манере письма, общения, актерского исполнения. И тогда мы говорим: «Она пишет в каком-то странном стиле» или «Она всегда общается в таком стиле» и т. д. Такие повседневные фразы способны положить начало развернутой и основательной дискуссии о том, что же тогда такое стиль в языке. Но так или иначе все эти высказывания обладают одним общим смыслом: стиль – это отличительная форма выражения. Тогда стиль в языке художественной литературы может

быть определен как отличительная форма *языкового* выражения. Стиль всегда разнообразен, комбинации и импликации практически бесконечны. Стиль нужно изучать, ему нужно обучать.

Примечания

1. Halliday M. A. K. Learning how to mean: Explorations in the development of language. New York [etc.]: Elsevier, 1977. XII, 164 p.

2. Языкознание: Большой энцикл. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е (репринт.) изд. М.: БРЭ, 1998. 685 с.

3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

4. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 2. М.: Флинта: Наука, 2008. 816 с.

5. Verdonk P. Stylistics. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 125 p.

ЛИНГВИСТИКА

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Н. Ш. Амриддинова

Самаркандский институт иностранных языков (г. Самарканд)

К вопросу об общих принципах структуризации фразеосемантики (на материале современного английского языка)

В статье рассматриваются основные положения структуризации фразеологической семантики, семантико-функциональная заданность образа, а также семантические признаки и свойства фразеологических единиц. Материалом послужили примеры из англоязычной художественной прозы.

Ключевые слова: фразеосемантика, фразеологическая единица, коннотация, образность, внутренняя форма.

В значении фразеологической единицы (ФЕ) имеются две стороны: план содержания (десигнат) и план выражения (материальная оболочка ФЕ). План содержания составляют сигнификативный и денотативный аспекты. Сигнификативный аспект значения связан с объемом информации, выражаемой ФЕ в отношении обозначаемого ею элемента внеязыковой действительности.

Денотативный аспект связывается с предметной соотнесённостью – соотнесённостью с определённым лицом, предметом, действием, состоянием, ситуацией и т. д. Сигнификативный и денотативный аспекты значения ФЕ – самостоятельные составляющие семантики ФЕ, находящиеся в тесном диалектическом взаимодействии. Изучая особенности актуализации семантики ФЕ, данные аспекты можно рассматривать нерасчленённо, как денотативно-сигнификативный аспект значения ФЕ, поскольку развёртывание как сигнификативного, так и денотативного аспекта значения ФЕ в контексте в целом основывается на идентичных условиях и лексических средствах [1].

Денотативно-сигнификативный аспект значения ФЕ представляет собой основу фразеологической семантики, где взаимодействуют понятийная (логическая) и предметная сфера.

Предметная сфера может рассматриваться как определённая связь между значением ФЕ и обозначаемым ею предметом или явлением (денота-

том). Логическая сфера значения ФЕ – это связь между значением ФЕ и сформированным ею понятием (сигнификатом).

Так, ФЕ “cross the Rubicon” («перейти Рубикон») имеет денотат “решительный поступок, имеющий поворотное значение в жизни”. Контекстное использование данной ФЕ может выявить референт ФЕ, т. е. действие или конкретную ситуацию, при которой делается решительный шаг, принимается смысловое решение. То же можно сказать и о ФЕ “turn (give) the cold shoulder to smb.”, “be in the seventh heaven”, “be in one’s bright colours” и др. Как видно, важной составляющей семантики ФЕ является коннотативный аспект значения.

Фразеологическая коннотация связывается с лингвистическим процессом отделения значения ФЕ от значения входящих в его состав слов. Коннотация ФЕ включает такие элементы, как оценку, эмоциональность, экспрессивность и функционально-стилистическую принадлежность. Например, “to quarrel with one’s bread and butter” – «бросить занятие, дающее средства к существованию»; “take smb. for a ride” – «убить, прикончить, укокошить кого-либо»; “(not to) know smb. from Adam” – «не иметь ни малейшего представления о ком-либо»; “carry coal to Newcastle” – «заниматься бесполезным делом»; “(as) poor as a church mouse” – «беден, гол, как сокол»; “high and mighty” – «высокомерный, надменный, властный, заносчивый»; “be at the top of the tree” – «занимать видное общественное положение» и др. Приведём примеры с использованием двух последних ФЕ:

“It’s like dealing with the devil”, he said. “Why don’t you speak? At first you were so high and mighty with me I hardly dared to creep about my own deck. Now I can’t get a word from you...” (J. Conrad. *End of the Tether*, ch. 8).

“...I want to get on. I make no secret of that I am one of the sort that means to get on. These are the men to make use of, sir. You haven’t arrived at the top of the tree, sir without finding that out – I dare say”.

She found it was not such a wonderful thing to be in the chorus... After a few days she had her first sight of those high and mighties – the leading ladies and gentlemen (Th. Dreiser. *Sister Carrie*, ch. XXXVIII).

The girl sneered. “Oh, him! He was a-braggin. High and mighty” (J. Steinbeck. *The Grapes of Wrath*, ch. XX).

He ought to stop doing nothing and criticizing everybody. If he had some work, he wouldn’t be so high and mighty (J. Lindsay. *Betrayed Spring*, ch. II).

I’d be your patron Tom. I’d take you under my protection. Let me see the man who should give the cold shoulder to anybody I chose to protect and patronize if I were at the top of the tree, Tom (Ch. Dickens. *Martin Chuzzlewit*, ch. XII) (J. Conrad. *End of the Tether*, ch. 9) [2].

Под коннотацией ФЕ понимается сочетание эмоциональных, оценочных, экспрессивных и функционально-стилистических компонентов узуального и окказионального характера, присущих ФЕ как единицам языка. При этом отдельного рассмотрения требуют и другие аспекты значения ФЕ – образность и внутренняя форма, которые являются специфическими парамет-

рами ФЕ, в меньшей степени характерными для лексем. Семантико-функциональное назначение образа заключается в передаче новой мысли, новой идеи наиболее экономным и одновременно наиболее выразительным способом.

Подобная семантико-функциональная заданность образа в большинстве случаев определяет его повышенную информативность, по сравнению с другими способами выражения мысли [3].

Под лингвистическим образом (следовательно, и под образностью ФЕ) понимается созданное средствами языка двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой: "He's got a woman up there." "Whose leg do you think you're pulling?" (Ph. Hardy. *Fair Dinkum*, p. 48).

He could not realize how important every penny seemed to those who worked hard for their living. Men born with a silver spoon in the mouth were like that (K. S. Prichard. *Black Opal*, p. 1–17) [4].

Для появления образа, формируемого ФЕ, необходимы сравнения предметов или явлений, выражаемых единицами разных лексико-семантических разрядов, так как, например, если сравнить львицу со львом, образность сравнения исчезнет [4]. Образность ФЕ в ряде случаев оказывается связанной с внутренней формой ФЕ, т. е. с тем комплексом ассоциаций, который лежит в основе значения данного оборота.

Семантические признаки и свойства ФЕ зачастую сигнализируют о связи между значением переменного словосочетания и значением образованной ими ФЕ. Такая связь может быть явной и скрытой (стёртой): ...The Latter Day Saints were as busy as the bees whose hive they have chosen for their emblem in the fields; and in the streets rose the same hum of human industry (Conan Doyle. *A Study in Scarlet*, p. 201).

Применительно к внутренней форме ФЕ следует отметить, что выделение данного аспекта значения осложняется, во-первых, раздельнооформленностью ФЕ и, во-вторых, переосмыслением компонентов, составляющих форму выражения ФЕ [5].

Наиболее убедительным и отражающим сущность рассматриваемого вопроса является определение внутренней формы как семантической мотивированности ФЕ.

Таким образом, в структуре значения ФЕ выделяются денотативно-сигнификативный аспект, коннотация, образность и внутренняя форма. Известно, что любая языковая единица, в том числе и ФЕ, при её использовании в речи оказывается относительно однозначной – она обозначает какой-то предмет, действие, состояние и т. д., сочетаясь с другими словами, отражает те или иные признаки и свойства данных предметов или действий. Другими словами, происходит снятие многозначности языковой единицы. И действительно, во фразеологической системе полисемия встречается реже, чем в лексической системе языка. Ср. следующий пример: I have established a right of way through the centre of old Middleton's park, slap across it, sir, within a hundred yards of his own front door.

We'll teach these magnates that they cannot ride roughshod over the sights of the customers... (Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles, ch. 11). Здесь соотнесение ФЕ "ride roughshod over smth" с лексемой "magnates" не раскрывает в полной мере его значения, несмотря на насыщенный в информативном плане фразовый контекст. Для этого требуется информация из более широкого контекста. Как видно, однозначность использования ФЕ в контексте является недостаточной для её полной актуализации. Поэтому актуализация связана в основном с теми параметрами, которые позволяют определить различную степень полноты контекстного развёртывания значения ФЕ.

Примечания

1. Wiegand E. Contrastive Lexical Semantics. Amsterdam: Benjamins, 1998. IX. 270 p.
2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
3. Коралова А. Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИИЯ, 1975. 29 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк.; Дубна: Изд. центр «Феникс», 2005. 471 с.
5. Backman G. Meaning by Metaphor: An Exploration of Metaphor with a Metaphoric Reading of Two Short Stories by Steven Crane. Uppsals: Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Anglistica Upsaliensia, 2008. 203 p.

Р. В. Белютин

Смоленский государственный университет (г. Смоленск)

Театральная метафора в немецком спортивном дискурсе

В статье исследуется потенциал театральной метафоры в репрезентации концептов спортивного дискурса. Анализ примеров показывает, что соположение концептов «Спорт» и «Театр» в когнитивной базе представителей немецкой этнолингвокультуры носит многовекторный, объемный, однако упорядоченный, системный характер. Фреймы, обнаруживающие сходство в семантическом плане, структурируются в единую понятийную область, которая находит свое языковое воплощение в виде метафорической модели «Спорт – это Театр».

Ключевые слова: спортивный дискурс, концепт, театральная метафора, фреймирование, метафорическая модель.

В отечественной лингвистике концептосистема «Театр» как область-донор изучается в основном применительно к политическому дискурсу. Так, например, в работе А. П. Чудинова дается исчерпывающая характеристика театральной метафоры в российской и американской политической коммуникации. Ученым выявлены и описаны фреймовые и слотовые участки данной тематической группы, обоснован прагматический подтекст театрализации дискурсов, представлены национальные особенности соответствующих моделей в русской и американской картинах мира [1].

Немецкий лингвист К. Бальдауф также выделяет в своей монографии "Metapher und Kognition" театральную метафору в качестве одного из наиболее

лее действенных способов осмысления политической действительности в Германии. По ее мнению, прототипическая констелляция, основанная на посещении театра, включает в себя следующие составные концепты-сценарии: “Auf einer meist erhöhten *Bühne* spielt sich vor den Augen des *Publikums* eine von *Schauspielern* dargestellte *Handlung* ab, in die das *Publikum* nicht eingreifen kann. Dem *Zuschauer* nicht sichtbare Aktivitäten hinter den *Kulissen* garantieren einen reibungslosen *Ablauf* der *Aufführung*. Die *Handlung* kann durch *Pausen* unterbrochen werden und gilt als beendet, wenn sich der *Vorhang* zum letzten Mal schließt” [2, 187]. Один из главных выводов, который К. Бальдауф делает в отношении специфики функционирования театральной метафоры в немецком политическом дискурсе, заключается в значительном смещении вектора оценочности в сторону отрицательных коннотаций. Ср.: “Politik wird zur Show, verliert hier ihre Ernsthaftigkeit, politisches Auftreten wird inszeniert, verborgenes Handeln hinter den Kulissen weckt negative Konnotationen” [Там же, 187–188]. К аналогичным заключениям приходит А. П. Чудинов: «Она (театральная метафора. – *Р. Б.*) акцентирует неискренность политиков, их несоответствие народным ожиданиям, стремление привлечь внимание яркой формой выступлений, создать атмосферу карнавальности и тем самым в той или иной мере отвлечь избирателей от серьезных проблем. Театральная метафора используется как средство сатиры ...» [1, 202–203].

Распространенность театральной метафоры в спортивном дискурсе также имеет свое объяснение. В связи с этим интересны и убедительны размышления историка и литературоведа Х. У. Гумбрехта, который в определении спорта сосредоточился на его социально-зрелищной функции и эстетической привлекательности: «Так же как в случае с оперой, симфонической музыкой или балетом, зрители на стадионе переживают спортивные выступления как зрелище» [3, 42]. Правда, ученый делает оговорку, что формы спортивного зрелища носят особый характер, так как они проникнуты ценностями агона (соревновательности) и арете (стремления к превосходству). В противовес многим академическим прочтениям спорта спортивные соревнования ничего не выражают, в них нечего «вычитывать». Они очаровывают нас телами, которые «что-то значат». Типология чарующих объектов спорта, составленная ученым, обнаруживает определенное прототипическое сходство со сценарием «Театр»: Х. У. Гумбрехт говорит о страданиях, грации, воплощенных формах игры как эпифании, острого чувства времени.

Параллели с театральной жизнью проводятся применительно к разновидностям зрительского опыта в спорте. Х. У. Гумбрехт вспоминает Б. Брехта с его идеалом дистанцированного зрителя, курящего табак во время просмотра, анализа и, в конечном счете, политического озарения, возникающего от приобщения к пьесе «эпического театра». Другой, аристотелевский тип зрителя, воплощает собой то, что Брехт считал смертным прегрешением против интеллектуальной бдительности, а именно стремление к отождествлению с действующими персонажами на сцене. Ср. также используемые в работе «театральные» понятия «аполлонистический зритель», «дионисийский зритель» и др. [Там же, 137–140].

Примечательно, что если брать за основу тот фреймовый состав сценария «Театр», который выделен А. П. Чудиновым, то его можно практически полностью экстраполировать на спортивную коммуникацию.

1. *«Виды зрелищных представлений»*. В театре: драматический театр, музыкальный театр, театр оперетты, театр одного актера и др. В спорте: одиночные виды спорта, командные соревнования, национальные чемпионаты, первенства мира и Европы, Олимпийские игры и др.

2. *«Работники театра»*. В театре: автор пьесы или сценария, создатели спектакля, актеры и их амплуа. В спорте: руководители клубов, тренеры, консультанты, спортсмены, запасные игроки и т. д.

3. *«Театральное здание и реквизит»*. В театре: театральное здание, арена, сцена, подмости, рампа, суфлерская будка, касса, первые ряды, декорации, костюмы, маски, муляжи и пр. В спорте: стадион, спортивная площадка, футбольное поле, зрительские места, фансектор, вип-зона, освещение, касса, скамейка запасных, техническая зона, спортивная форма, судейская форма, разметка и пр.

4. *«Жанры и элементы представлений. Игра актеров»*. В театре: комедия, мелодрама, опера, трагикомедия, акт, антракт, выход на бис, мизансцена, балет, действие, исполнение роли, игра, произнесение монолога, импровизация и др. В спорте: отборочные соревнования, квалификационные раунды, финалы, полуфиналы, суперкубки, выступление на спортивных площадках, индивидуальное мастерство, дриблинг, прессинг, пируэты, прыжки, подкаты, исполнение штрафных ударов, тайм, период, перерыв, тайм-аут, свисток рефери, означающий остановку, выход на бис (напр. в гимнастике или фигурном катании) и пр.

5. *«Публика и прием, оказанный спектаклю»*. В театре: аплодисменты, бис, bravo, овация, свист, скандирование, фиаско, аншлаг и пр. В спорте: аплодисменты, освистывание, исполнение гимна, речевки, баннеры, скандирование, «волна», аншлаг, игра без зрителей и пр.

Как показывают примеры, в немецкой картине мира модель «Спорт – это Театр» является устойчивой, ее содержательная структура достаточно насыщена и многообразна. Актуализация модели происходит по всем названным выше фреймовым участкам:

1. *Löw spielte auf die Galavorstellung im November 2011 an, als die Nationalelf mit einem überragenden Klose die Fans verzückte* (http://www.kicker.de/news/fussball/em/startseite/570446/artikel_loew-tobt_so-kriegen-wir-probleme.html). *Dennis Ronert wird per Zufall zur Hauptattraktion: Der Koblenzer steht vor einer internationalen Boxkarriere* (http://www.rhein-zeitung.de/sport/regionalsport_artikel,-Box-Nacht-im-Westerwald-Dennis-Ronert-wird-per-Zufall-zur-Hauptattraktion-_arid,323202.html).

2. *Mittlerweile ist der Mittelfeld-Regisseur wieder eine feste Größe beim FC* (<http://www.handelsblatt.com/sport/em2012/vor-duell-in-gruppe-d-spekulationen-um-laurent-blanc/6756028-2.html>). *Hauptdarsteller Mario Götze genoss die Euphorie eher still. Und auch Joachim Löw vermied nach der umjubelten Gala*

gegen Brasilien jeden Superlativ (<http://www.focus.de/sport/fussball/fussball-goetze-gala-und-samba>). Bastian Schweinsteiger wurde bei der Niederlage gegen Chelsea zum **tragischen Helden** (<http://www.tz-online.de/sport/fc-bayern/champions-league-finale-2012>).

3. Der Höhepunkt einer emotionalen Achterbahn für den Slowaken – sein letzter **Auftritt auf der großen Fußballbühne** (http://www.focus.de/sport/fussball/fussball...grossen-buehne_aid_785460.html). Zum Heulen: Häfler Fußballfans kommen nach deutschem EM-Trauerspiel fast die Tränen (http://www.schwaebische.de/region/bodensee/friedrichshafen/stadtnachrichten-friedrichshafen_artikel,-Zum-Heulen.html).

4. Fußball-Bundesligist VfB Stuttgart hat seine **Generalprobe** verpatzt (<http://m.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.1:2-gegen-nottingham-vfb-stuttgart-verpatzt-die-generalprobe.202cd799-b105-486a-a460-a05d71da124c.html>). Es sollte die einzige nennenswerte Torszene der ersten Hälfte bleiben (<http://de.yahoo.com>). Genauso stimmungsvoll wie der **Auftakt** klang auch der **Schlussakkord** des WM-Empfangs (http://m.bfv.de/cms/seiten/bfv_news_article_59261.html).

5. Hannover 96 meldet gleich zweimal ein volles **Haus**: Die Heimspiele gegen Borussia Dortmund sowie gegen Bayern München (http://www.focus.de/sport/fussball/bundesliga1/bundesliga-zwei-96-heimspiele-bereits-ausverkauft_aid_658813.html). Getragen vom **Beifall** in der **Arena** sprintet Magdalena Neuner zu Gold. (<http://campingfuehrer.adac.de/winterspecial/wintermaerchen/grubhof-und-biathlon-weltmeisterschaft-ruhpolding.php>).

Итак, на основании полученных результатов можно заключить, что театральная метафора заняла свою нишу в спортивном дискурсе, ее использование носит не окказиональный, а вполне системный характер. Судя по всему, обе концептуальные области накладываются друг на друга за счет большого количества сходных дискурсивных формул, которые задают практически одинаковый сценарий поведения большинства агентов и клиентов этих дискурсов. Безусловно, метафоры, которые вовлекаются в профилирование отдельных «спортивных» концептов, аксиологичны, но в спортивном дискурсе, в отличие от политического, они окрашивают высказывания в различные оценочные модальности, причем положительные образы используются не менее активно, чем метафоры отрицательной оценки.

Примечания

1. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

2. Baldauf, Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997. 358 S.

3. Гумбрехт Х. У. Похвала красоте спорта / пер. с англ. В. Фещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 176 с.

О способах морфемного словопроизводства в современном английском языке

Настоящая статья посвящена образованию лексики в английском языке путем морфемного словопроизводства. Доказывается факт создания новых слов по аналогии, т. е. по образцу уже существующих в языке и всегда оформленных как определенная часть речи (имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие и т. д.) со всеми признаками этой части речи. Рассматриваются комбинации морфем, обладающие различными значениями и приводящие к образованию качественно новых единиц.

Ключевые слова: деривация, морфологическое словопроизводство, морфема.

Лексика английского языка, как и любого другого, находится в состоянии непрерывного изменения. Одна из закономерностей развития словарного состава языка – пополнение его новыми словами путем присоединения к производящей базе специальных языковых средств. Морфологическое словопроизводство в английском языке является одним из действенных и продуктивных способов деривации и может быть представлено в лексических минимумах образцами всех возможных вариантов: аффиксацией, безаффиксальным способом образования, аббревиацией и сложением. При изучении современной лексики сделаем попытку установить, насколько употребителен в английском языке каждый из этих способов.

Итак, в современном английском языке для обозначения результата или средства действия широко используется суффикс: *-ment* (*government* – правительство; *development* – развитие, развертывание, обнаружение; *enforcement* – давление, принуждение); для описания состояния или наличия качества используется суффикс *-ness* (*preparedness* – готовность; *effectiveness* – эффективность; *awareness* – осведомленность). Другими словообразующими элементами для существительных, в частности продуктивными для обозначения лиц, являются суффиксы *-er* или *-or* (*rescuer* – спасатель, *officer* – офицер, *governor* – правитель, *dictator* – диктатор).

В языке присутствуют суффиксы и префиксы, ставшие в той или иной степени интернациональными: *-sion*, *-tion* (*permission* – позволение, разрешение; *extension* – расширение; *protection* – защита, *evacuation* – эвакуация); суффикс *-ism* употребляется для образования имен существительных со значением учения, политического движения или наиболее полного воплощения, типичности какого-либо явления (*socialism* – социализм; *terrorism* – терроризм, *Americanism* – американизм). Из префиксов, получивших интернациональное использование, необходимо отметить: префикс *anti-* (в рус. против-, анти-) (*anti-hero* – анти-герой; *anti-contamination* – противозаражение); префикс *re-* (рус. пере-, ре-) (*to reorganize* – реорганизовать; *to reconstruct* – перестраивать, реконструировать) и т. д.

Основными суффиксами имен прилагательных для выявления качества лексики английского языка являются: *-al* (*political* – политический; *chemical* –

химический; *ecological* – экологический); -ous (*dangerous* – опасный; *poisonous* – ядовитый; *hazardous* – рискованный, опасный); -ic (*ballistic* – баллистический; *hydraulic* – гидравлический; *pyrotechnic* – пиротехнический).

Достаточно широко при образовании новой лексики в английском языке используется и способ словосложения. Так, в языке имеется ряд устойчивых и продуктивных в настоящее время моделей: существительное + существительное (*serviceman* – человек, находящийся на службе; *wartime* – военное время; *crewlist* – список личного состава); существительное + глагол (*earthquake* – землетрясение; *landslide* – оползень; *rainfall* – осадки); прилагательное + прилагательное (*high-risk* – высокого риска; *well-trained* – хорошо обученный; *well-coordinated* – хорошо скоординированный).

Таким образом, рассмотренные выше примеры, относящиеся к часто используемой лексике в современном английском языке, доказывают тот факт, что разные виды морфем обладают качественно разной семантикой, что и является спецификой морфологического значения. Комбинации морфем, обладающих различными значениями, приводят к образованию качественно новых единиц, более высокого уровня языка – слов. Кроме того, одной из характерных особенностей образования лексики в современном английском языке является использование способа словосложения, что может стать отдельной темой для изучения.

Показательным является и тот факт, что словообразование системно организовано как часть общей деривационной системы языка, а потому, в свою очередь, является мощным системообразующим фактором лексики [2, 15].

Примечания

1. Мюллер В. Англо-русский словарь. М., 1999. 688 с.
2. Николаев Г. А. Очерки по историческому словообразованию русского языка. Франкфурт; Берлин; Берн; Нью-Йорк; Париж; Вена, 1992. 253 с.

С. В. Добрынин

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург)

Основные семантические типы просторечных слов

Особенностью данного исследования является сочетание функционального и семасиологического аспектов описания лексического просторечия. Такой подход позволяет применить комплексную методику семасиологического анализа к просторечным единицам с целью их многоаспектного описания, что имеет общетеоретическое значение для изучения языка как системы.

Ключевые слова: семасиологический подход, метод синтагматических оппозиций, дефиниционные процедуры компонентного анализа, смысловая структура слова.

Развитие и усложнение процессов теоретического познания обусловило возрастание интереса лингвистов к проблеме языковой периферии. Это естественно, поскольку явления центра языковой системы изучены гораздо

подробнее и тщательнее, в то время как подобные исследования в специфических условиях периферийных подсистем только обозначились. Такое положение объясняется, с одной стороны, особенностями объекта исследования, а с другой – несовершенством методов и научно-исследовательских приемов анализа. Сказанное в полной мере относится к семасиологическому описанию лексики вообще, просторечной лексики – в частности.

Как известно, наиболее разработанной в описании лексического просторечия оказалась та его часть, которая касается стилистической отнесенности этого слоя лексики. Однако определение сущности и статуса просторечной лексики, на наш взгляд, не будет полным до тех пор, пока не будут обнаружены и интерпретированы также и семасиологические особенности просторечных единиц (ПЕ).

Объектом исследования в данном случае являются американские просторечные существительные – наименования лица. Дело в том, что американское просторечие и его основной компонент – сленг – занимают особое положение среди прочих ареальных вариантов английского языка. Американский сленг оказывает наибольшее непосредственное и опосредованное влияние на остальные варианты английского просторечия на всех языковых уровнях [1, 13; 2, 6; 3, 4; 4, 70; 5]. Что касается просторечных наименований лица, то, как показывает опыт предыдущих исследований [6; 7; 8], они представляют собой центр лексической системы американского просторечия и поэтому подлежат описанию в первую очередь.

Обнаружение семантических типов просторечных слов в данной работе осуществляется в рамках семасиологического подхода к их описанию на основании изучения семантических связей лексических единиц (ЛЕ) в речи путем анализа элементов смыслового повтора, которые являются членами синтагматической оппозиции [9, 100]. Метод анализа синтагматических оппозиций в свою очередь инкорпорирует дефиниционные процедуры компонентного анализа [10, 514; 11, 110; 12] и предусматривает следующую последовательность этапов анализа: поиск синтагматических оппозиций в реальных контекстах, выявление словарных дефиниций слов, входящих в оппозитивную пару, сопоставление словарных дефиниций с целью обнаружения сходств и различий в смысловых структурах противопоставленных слов и обобщение результатов исследования.

Все рассмотренные случаи парного употребления ЛЕ были условно разделены на две группы: смысловые повторы, элементами которых наряду с просторечными наименованиями являются их литературные корреляты, и смысловые повторы, включающие только просторечные наименования. При этом оказалось, что если оба члена синтагматической оппозиции принадлежат к разным функционально-стилистическим разрядам лексики, различия между ними являются только функциональными или функционально-семантическими. Например:

By now the fans for both sides had forgotten me. Only one spectator still had his eyes on the penalty box... Sitting among the Harvard rooters – but not rooting, of course – was Oliver Barret III (Segal, Love Story: 25).

Если сравнить словарные дефиниции слов *fan – an enthusiastic devotee of a sport or diversion* и *rooter – slang. One that cheers a team*, то окажется, что они различаются не столько семантически, сколько стилистически. Соотношение данных ЛЕ можно, таким образом, представить в виде следующего семантического уравнения: *rooter – fan = slang*.

В другом примере различия между литературным и просторечным элементами смыслового повтора носят функционально-семантический характер. Ср.:

Two guys came around... One was a big slob with a chin that stuck out like a shelf (Chandler, *Finger Man*: 24).

При сопоставлении словарных дефиниций этих слов: *guy – man, fellow; slob – slang, a fat or ungainly person, usu. one of unattractive or untidy appearance* обнаруживается принадлежность этих слов к разным стилистическим пластам лексики и наличие дифференциального семантического признака *appearance* в значении одного из них. В результате соотношение этих слов можно представить следующим образом: *slob – guy = slang + appearance*.

В тех случаях, когда оба члена синтагматической оппозиции относятся к какому-либо из компонентов просторечия, то они различаются, как правило, семантически. При этом тип семантической связи между ними может варьироваться в зависимости от коммуникативной цели высказывания. Ср.:

1) I read that book. Only had one dame in it, and it was a broad (Smith, *Life in Putty Knife Factory*: 96);

2) I know what you want me to think: you want me to feel sorry for you, to think she's a real bitch. Well, you didn't make her feel like any queen either (Kersey, *One Flew Over the Cuckoo's Nest*: 159).

В первом случае соотношение ПЕ *dame – slang, woman; female* и *broad – slang, a woman who engages in promiscuous sexual intercourse* может быть представлено в виде семантического уравнения: *broad – dame = way of behaving*. Во втором примере ПЕ *bitch – slang, a malicious spiteful and domineering woman* и *queen – slang, a woman eminent in character* противопоставлены друг другу по дифференцирующему признаку *character: bitch ^ queen*. В результате данные ПЕ оказываются связанными соответственно отношением смыслового включения и пересечения.

В некоторых случаях возможно толкование просторечного слова его семантическим эквивалентом. Например:

I remembered how once, long back when Willie Stark had been the dummy and the sap... I had gone over... to cover the barbecue and speaking at Upton (Warren, *All the King's Men*: 312).

Поскольку структура значений ПЕ *dummy – slang, one that is stupid* и *sap – slang, simpleton; fool* полностью совпадают, их соотношение может быть представлено следующим образом: *dummy – sap = 0*. Следовательно, данные ПЕ связаны между собой отношением смыслового тождества.

Таким образом, на этапе обобщения результатов проведенного исследования удалось установить, что различия между ЛЕ, редуцирующими

свое семантическое содержание при парном употреблении в речи, могут быть не только функционально-стилистическими, но и функционально-семантическими и семантическими. При этом описание смысловых различий между ПЕ позволяет установить характер соотношения между семантическими вариантами, допускаемыми системой языка на уровне языковой нормы, и выявить регулярно воспроизводимые семантические связи, которые служат важной предпосылкой для внутренней организации ПЕ на уровне языковой системы.

Что касается типологии просторечных слов, то, как оказалось, они относятся к типу ЛЕ, номинативная функция которых менее любых других ориентирована на свойства денотата, зачастую уже имеющего наименование в лексической системе литературного стандарта. Другими словами, ПЕ фиксируют итоги категоризации мира с точки зрения его ценностной сущности для носителей просторечия.

Результаты семасиологического анализа 1040 просторечных наименований лица позволяют утверждать, что основанием оценки лица в просторечной сфере могут быть его различные свойства, которые либо характеризуют лицо как самостоятельную сущность вне его связи с другими объектами реального мира, либо возникают у человека в процессе взаимодействия с другими объектами внешнего мира и отражают при этом соответствующие отношения и состояния. Ср.: *creaker* – an old person; *baby* – a mean or intimidating man; *beanpole* – any tall, skinny person; *dough-head* – a stupid person; *ball-and-chain* – one's wife; *ape* – a Negro; *chub* – a Texan; *bull* – a policeman; *bigshot* – a very important person.

Лексическое значение ПЕ данного семантического типа может быть представлено следующим образом: S – K Eval.x, где K – категориальный признак, указывающий на принадлежность объекта оценки к определенному классу денотатов, Eval. – признак полож./отриц. оценки, x – основание оценки. Такие ПЕ можно назвать частнооценочными.

Помимо них в лексическом просторечии существует многочисленная группа ПЕ, в значениях которых представлены семантические признаки, характеризующие положительное или отрицательное отношение к денотату без указания на основание оценки. Например: *blister* – an annoying person; *stinkpot* – a disliked or scorned person; *skate* – a contemptible person; *brick* – an admirable person; *ball* – a person who is pleasing or enjoyable.

Очевидно, что в лексических значениях этих слов кроме соответствующего категориального признака можно обнаружить только оценочные признаки, характеризующие различное по интенсивности отношение к денотату. Поэтому лексическое значение ПЕ этого семантического типа может быть представлено в следующем виде: S – K Eval., а сами ПЕ являются общеоценочными.

В целом анализ семантических признаков, закрепленных в лексических значениях единиц просторечной лексики, позволяет утверждать, что субъективное представление о ценностной сущности денотата отражает спе-

цифические этические и эстетические вкусы, интересы и взгляды носителей американского просторечия и поэтому является нормой, которая, как показало исследование, отличается 1) негативной направленностью оценочных характеристик и 2) отсутствием традиционной, логической взаимосвязи между основанием и характером оценки, когда общепринятые нормы нравственности, интеллектуального и физического развития не рассматриваются в качестве достоинств и, наоборот, качества, традиционно осуждаемые обществом, в просторечной сфере получают положительную оценку. Ср.: blue – (derog.) a conscientious, lawabiding student; cram – a diligent student. Used disparagingly; bat – a prostitute (Not necessarily derog.); clip-artist – a professional swindler, cheater, or robber; sport – an irresponsible lover of wine, women, gambling, and gaiety.

Таким образом, можно заключить, что в отличие от единиц литературного стандарта, для которых характерно рассмотрение единой предметной области под разным углом зрения, что предполагает выделение объективных, сущностных признаков обозначаемых предметов, для единиц лексического просторечия сам угол зрения становится предметной областью, что позволяет просторечным словам фиксировать итоги членения окружающей действительности в зависимости от субъективных представлений носителей просторечия о месте того или иного обозначаемого предмета в ценностной картине мира. В этом смысле можно говорить о переосмыслении основы номинации в просторечной сфере.

Примечания

1. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
2. Маковский М. М. Современный американский сленг: онтология, структура, этимология. М.: Комкнига, 2005.
3. Швейцер А. Д. Система форм существования современного английского языка в США // Функциональная стратификация языка / отв. ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1985.
4. Flexner S. B. American Slang // American language in the 1970s: A collection of articles. San Francisco (Calif.): Boyd and Fraser, 1974. P. 70–86.
5. Mencken H. L. The American Language. N. Y., 1960.
6. Душкин А. В. Сопоставительный анализ стилистически маркированных наименований лиц по профессии в современном английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
7. Лапшина М. Н. Имена лица в американском просторечии (опыт семантического и социолингвистического описания): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.
8. Сидоренко Т. К. Ономаσιологические и структурные характеристики американских просторечных лексических синонимов: (На материале качественной оценки имен лица): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1985.
9. Шехтман Н. А. Метод синтагматических оппозиций в семасиологии // Семантические категории языка и методы их изучения: тез. докл. всесоюз. науч. конф. Уфа, 1985. С. 100.
10. Апресян Ю. . Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь / под рук. А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна. М.: Рус. яз., 1988. С. 502–543.
11. Арнольд И. В. Метаязык и концептуальный аппарат компонентного анализа // Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте. Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 110–116.

12. Nida E. Componential analysis of meaning. The Hague, 1975.
13. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. М., 2005. № 2 (23).

Список использованной художественной литературы

1. Chandler M. Farewell My Lovely. M.: Raduga Publishers, 1974.
2. Kesey K. One Flew Over the Cuckoo's Nest. N. Y.: New American library, 1981.
3. Segal E. Love Story. Coronet Books, 1983.
4. Smith H.A. Life in Putty Knife Factory. N. Y.: New American library, 1981.
5. Warren R. P. All the King's Men. Bantam books, 1968.

Ю. В. Ерофеев

Самарский государственный экономический университет (г. Самара)

Стилистические средства выражения унижения в немецкоязычных интернет-анекдотах про женщин

В статье предпринимается анализ немецкоязычных интернет-анекдотов про женщин с точки зрения реализации в них мотивов мужского шовинизма. Выделяются стилистические приемы, используемые для создания актуального женского образа в анекдотах.

Ключевые слова: анекдот, интернет-анекдот, мужской шовинизм

Немецкоязычные интернет-анекдоты про женщин характеризуются ярко выраженной агрессией со стороны мужчин, намеренным сарказмом и осознанным цинизмом по отношению к женскому полу [1, 45].

Проанализировав анекдоты с точки зрения номинаций для обозначения представителей женского пола, мы смоделировали актуальную гендерную концептосферу немецкоязычных «антиженских» анекдотов, включающую гендерные концепты или гендерные стереотипы, и пришли к выводу, что непосредственные апелляции, т. е. входы в концепт «женщина», как правило, не обладают особой экспрессивностью и выраженной негативной окраской [2]. Гендерная концептосфера немецкоязычных интернет-анекдотов про женщин формируется асимметричной парой концептов «женщина», представленного преимущественно лексемой “Frau”, и семантически неполного концепта «мужчина», который реализуется в лексемах “Mann” и “man”. Абсолютно доминирующей оказывается апелляция “Frau/Frauen” (24% от общего числа корпуса проанализированных текстов, составляющего более 2000 единиц) – стилистически нейтральная лексема, которая в контексте анекдота приобретает отчетливый оценочный характер. В анекдотах про женщин высмеивается не только объект-женщина, но и целое социальное явление – актуальная гендерная ситуация в Германии. Таким образом, мы не можем подтвердить часто применяемое в гендерной лингвистике и лингвокультурологии положение о типичной шовинистической андроцентричности лишь на основании анализа номинаций [3; 4; 5].

Анализ лексико-грамматических средств, которые используются для сознательного унижения женщин, привел нас к следующим выводам: немецкоязычные интернет-анекдоты про женщин изобилуют «физиологичной» лексикой, и в них присутствуют номинации практически всех частей женского тела. Распределив все лексические единицы, описывающие тело и физиологические особенности женского организма, с точки зрения стилистической и эмоциональной окраски, можно выделить: нейтральные по стилистической окраске лексемы (Körper, Kopf, Augen, Nase, Ohr); лексические единицы, описывающие физиологические особенности женского организма (Tage, Periode, Regeln, Krampfadern, Tampons); стилистически окрашенные наименования органов и частей тела (Loch, Möse, Arsch, Arschloch, Titten, Fettgewebe) [6, 39].

Наличие большого количества лексических единиц, подробно «рисующих» женский организм, предельно занижает образ женщины, низводит его до обычной телесности со всеми ее особенностями и недостатками.

Мужской шовинизм в анекдотах проявляется также и в том, что женщина выступает в пассивной роли и ограничивает свое поведение набором определенных действий. Частотное употребление глаголов элементарных действий (*kommen, bekommen, sagen, fragen, antworten, sehen*) и глаголов с широкой семантикой (*tun, haben, machen*), несомненно, направлено на формирование образа женщины, которая оказывается неспособной на активные действия и выполняет набор «второстепенных» парадигматических жестов. Женщины выступают, таким образом, объектом действий и осмеяния со стороны мужчин.

Особую роль в формировании «шовинистического» отношения к женщине оказывает сознательное употребление безличного местоимения «man» в двойной актуализации, которое, обладая пассивной семантикой, выполняет «дискриминирующую» функцию [7]:

– *Warum tragen so viele Frauen Leggings?*

– *Damit Man(n) ihnen jeden Wunsch von den Lippen ablesen kann.*

Приведенные положения позволяют сделать вывод о намеренном лишении женщины какой-либо разумной активности и предписании ей статуса бездействующей, воспринимающей стороны.

Унижение женщин в анекдотах может происходить в разных языковых плоскостях. «Антиженские» анекдоты используют весь арсенал языковых средств для создания особого комического эффекта. Так, помимо лексико-грамматических средств можно выделить ряд стилистических приемов, направленных на сознательную дискриминацию.

Наиболее употребительным среди всех стилистических приемов оказывается, как показывает анализ, игра со сравнениями.

Игра со сравнениями строится по двум основным, противоположным по форме, но сходным по содержанию моделям:

1. В первом случае сознательно разрушается фиктивное сравнение. Самой характерной для этого приема является формула “Was ist der Unterschied ...?”:

– *Was ist der Unterschied zwischen einer **Frau** und einem **Tumor**?*

– *Ein Tumor kann gutartig sein!*

Ни по каким художественно-ассоциативным культурным традициям невозможно сравнить женщину с опухолью, холодильником или с носками. Такое сравнение искусственно и как бы насильственно над логикой все-таки осуществляется и затем так же искусственно разрушается за счет обнаружения какой-либо значительной разницы между объектами сопоставления или отличительного признака одного из них. Таким образом, оно как бы отменяет само себя, и тем самым создается комический эффект:

– *Was ist der Unterschied zwischen einer **Frau** und einer **Bowlingkugel**?*

– *In eine Bowlingkugel kann man nur drei Finger reinstecken.*

Интересным представляется сравнение умной женщины со снежным человеком. Сопоставление и выявление разницы между ними происходит вопреки ожиданиям читателя не по принципу внешнего сходства/различия или каких-либо поведенческих реакций, а на основании принципиального отрицания умных женщин:

– *Was ist der Unterschied zwischen einer intelligenten **Frau** und **Yeti**?*

– *Yeti hat man schon mal gesehen.*

Мотивы унижения в сравнениях мы видим прежде всего в подборе объектов, с которыми сравниваются женщины. В качестве объектов сравнений выбираются:

1) природные явления: *Orkane*;

2) предметы бытового окружения: *Holz, Kühlschrank, Socken, Ente (Citroen 2CV), Batterie, Gulasch*:

– *Was ist der Unterschied zwischen **Frauen** und **Socken**?*

– *Socken riechen erst, nachdem man drin war;*

3) животные:

– *Was ist der Unterschied zwischen **Frauen** und **Gelsen**?*

– *Gelsen sind nur im Sommer lästig.*

Модели первого типа оказываются характерными для анекдотов-загадок и анекдотов-высказываний.

2. Во втором случае наблюдается синтетическое, искусственное создание сравнения. В вопросе читателю предлагается абсурдное сравнение-сопоставление женщины с каким-либо предметом или явлением окружающего мира, а затем в ответе происходит поиск некоего объединяющего признака внешне несопоставимых объектов. Наиболее употребительной моделью здесь оказывается конструкция “Was haben (hat) ... gemeinsam”:

– *Was haben **Frauen** und **Orkane** gemeinsam?*

– *Es fängt mit einem Blasen an und dann ist das Haus weg;*

– *Was haben eine **Frau** und eine **Klobrille** gemeinsam?*

– *Beide fühlen sich gut an, wenn man sie braucht, aber man fragt sich immer, wer wohl zuvor schon drauf war.*

Количественный анализ текстов показывает, что этот прием оказывается более характерным для анекдотов-наблюдений и афоризмов:

*Frauen sind wie Steckdosen: bist du im falschen Loch, dann bist du im Arsch;
Frauen sind wie Fluglotsen!
Wenn sie nicht wollen, kann keiner landen.*

На некоторых сайтах приводятся даже «готовые» списки сравнений (www.frauenfeindlichesarshloch.de, <http://www.themenmix.de>).

Набор объектов, с которыми сравнивается или частично отождествляется женщина, оказывается для обоих случаев во многом схожим и включает в себя преимущественно предметы бытового окружения или представителей животного мира. Намеренный подбор обыденных и бытовых объектов сравнения, несомненно, является одним из способов реализации стратегии унижения женщин.

Ниже приводится список других стилистических приемов, которые были обнаружены в ходе исследования:

параллелизм:

*Willst Du einen Mann verstehen, musst Du ein Mann sein.
Willst Du eine Frau verstehen, musst Du der liebe Gott sein;*

инверсия:

Ich liebe Frauenbewegungen, nur rhythmisch müssen sie sein!;

парцелляция:

Es gibt nichts Schöneres als mit einer Frau... Ausgenommen mit zwei...;

антитеза:

So viele Frauen, so wenig Zeit;

рифмованные формы:

*Heimlich sehnt sich die Emanze
doch nach einem echten Schwanze.*

Все стилистические приемы направлены на создание «заниженного» образа женщины. Самым продуктивным и употребительным приемом является сравнение. Наиболее «удобной» для сравнения средой существования оказываются анекдоты-загадки и анекдоты-высказывания (наблюдения и афоризмы). В контексте данных типовых моделей сравнения приобретают свойства (прямо)линейности и однородности, что может приводить к снижению комического эффекта, но не ослабляет саркастической направленности смеховых текстов. Таким образом, общая тенденция к максимальной экспрессивности, характерная для современных интернет-анекдотов, накладывается на целый ряд языковых средств, при помощи которых реализуются мужские шовинистские мотивы.

Примечания

1. Ерофеев Ю. В. Экспрессивность как одна из форм проявления мужской агрессии (на материале немецкоязычных интернет-анекдотов про женщин) // Актуальные проблемы лингвистики и переводоведения: материалы междунар. науч.-практ. конф. 27–28 ноября 2010 г. Самара, 2010. С. 45–48.

2. Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: альманах. М.: Рудомино, 2002. С. 66–73.

3. Кирилина А. В. Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: альманах. М.: Рудомино, 2002. С. 20–27.

4. Городникова М. Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // Гендер как интрига познания: сб. ст. М., 2000. С. 81–92.
5. Залялеева А. Р. Сопоставительный анализ английских и русских пословиц и поговорок с компонентами *мужчина* и *женщина* // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): труды и материалы. В 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т. 2. С. 105–107.
6. Ерофеев Ю. В. Лексико-семантические средства выражения унижения // Язык и культура: проблемы, поиски, решения: материалы IV Междунар. науч.-практ. заоч. конф. Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 2011. С. 37–41.
7. URL: [http:// www.frauensprache.com/regeln.htm](http://www.frauensprache.com/regeln.htm)

Е. Е. Ефремова, Н. А. Мартынова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород)

Изменение языка в эпоху глобализации. Английский язык как субъект глобализации

В статье анализируются истоки термина «глобализация» и рассматривается влияние феномена глобализации на язык. Устанавливается связь языка и глобализационных процессов, а также описываются современные языковые процессы с точки зрения глобализации. Определяется статус английского языка в современном обществе.

Ключевые слова: глобализация, язык, лингвистика, коммуникация.

Одной из ярких примет тенденций нового времени считается глобализация. Глобализация – это «сложный многомерный процесс, проявляющийся в экономической, политической, информационной и культурной универсалии, когда территориальность исчезает как организующий принцип социальной и культурной жизни» [5, 13].

О возникновении глобализации можно говорить после второй мировой войны. Термин «глобализация» впервые появился в 60-х годах в работах канадского философа и культуролога М. Маклюэна, который ввел понятие «глобальной деревни» (global village) и высказал мысль о том, что развитие средств массовой информации привело к стиранию времени и пространства. Он предсказал, что глобализация неизбежно вызовет культурную интеграцию, станет мощным орудием воздействия на национальные культуры и языки [1, 124]. В социологический контекст понятие «глобальной деревни» вошло в 1981 г. благодаря Дж. Макмену, указавшему на начавшуюся глобализацию социальных отношений. Некоторые авторы отмечают, что термину глобализация предшествовал термин «устойчивое развитие». Р. Робертсон в 1983 г. употребил термин “globality”, в 1985 г. дал толкование понятия «глобализация», а в 1992 г. сформулировал основы концепции глобализации» [6, 149].

В XXI веке потребность в глубоком научном осмыслении природы процесса глобализации с точки зрения лингвистики представляется особенно насущной. Язык как средство коммуникации традиционно считается одним из основных индикаторов состояния общества в целом, поэтому любые трансформации общественных отношений в первую очередь проявляются в языковой среде страны.

Во многих работах последнего времени доказано, что в настоящее время именно экономические мотивации играют существенную роль в перестановке языковых групп. По наблюдениям швейцарского исследователя Ф. Грина, языковые проблемы воодушевляют современных экономистов больше, нежели экономические – лингвистов. Исследование узкоспециальных аспектов взаимодействия языка и экономики чрезвычайно важно для принятия решений в области языкового планирования и прогнозирования. Грин справедливо отмечает, что для современной науки характерен симбиоз исследовательских подходов и приемов. Экономические методы изучения соседствуют с социологическими, антропологическими и историческими всегда, когда речь заходит о синергетической научной парадигме. Более того, разработчики языковой политики должны всегда полагаться на экономику языка и родственные дисциплины политического анализа, социолингвистику и образование. Именно благодаря интердисциплинарному подходу можно прогнозировать будущее развитие языков и их функционирование, а также потребности общества в тех или иных языках. Это очень сложная задача, решение которой усугубляется быстрыми технологическими инновациями, порождающими долгосрочные тенденции на основе краткосрочных подтверждений данных тенденций.

А. Кирилина и Е. Гриценко отмечают, что на данном этапе развития язык и языковые процессы с позиции лингвистического аспекта глобализации характеризуются следующими особенностями [3]:

- глобализация общества, во всех проявлениях которой выявляются два аспекта – глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобальности;
- виртуализация коммуникации, ведущая к унификации выразительных средств и синтезу ряда языковых подсистем, в том числе разных языков, а также к синтезу различных семиотических кодов и росту удельного веса видеовербальных текстов;
- усиление использования языка как средства идеологического воздействия и конструирования социальной реальности;
- трансформация и мощнейшая интенсификация языковых контактов при доминировании американского варианта английского языка, но и при некотором оживлении национальных языков на территориях новых государственных образований, в групповом общении и других сферах коммуникации. Новые результаты языковых контактов определенной длительности, вызванных мощными миграционными процессами в мире;
- ускорение динамики социальной, экономической и культурной жизни человечества и связанной с ним динамики развития и изменения языка; возникновение так называемой динамической синхронии;

- скоротечность языковых состояний, ведущая к ослаблению устойчивости межпоколенной трансляции языка: два следующих друг за другом поколения могут существенно различаться по своим лингвистическим характеристикам;

- трансформация форм существования языка, размывание границ между ними, смягчение и разрыхление нормы под влиянием языковых контактов, вызванных социальными процессами и распространением электронной коммуникации.

Интенсивное научное осмысление взаимоотношений языка и глобализационных факторов началось относительно недавно: в последнем десятилетии XX в. в зарубежном языкознании и в начале третьего тысячелетия – в отечественном. В связи со сложностью, одновременным действием многих факторов и их динамичностью научная интерпретация выявленных черт в отечественной лингвистике характеризуется пока некоторой неполнотой и неравномерностью описания и научного осмысления динамических языковых процессов новейшего периода, а также значительными разногласиями ученых в оценке фиксируемых процессов и явлений.

Очевидно, что процессы глобализации не следует сводить только к количественным показателям распространения того или иного языка в современном мире. Так, по последним данным ЮНЕСКО, по числу говорящих на первом месте в мире стоит китайский язык, и ряд специалистов предполагает, что в ближайшем будущем перед мировым сообществом реально встанет проблема массового освоения китайского языка носителями других языков и культур. Такая перспектива, тем не менее, пока представляется достаточно отдаленной. Сегодня наблюдается другой процесс, когда огромное количество людей в мире, в том числе и в Китае, эффективно и в сжатые сроки осваивают английский язык для целей повседневного и профессионального общения. «Мир вступил в эпоху коммуникативного сдвига (communicative shift), суть которого состоит в объективной необходимости национально-англоязычного билингвизма» [2, 84].

Исторически сложилось, что именно английский язык выполняет сегодня функцию языка международного общения, своего рода «lingua franca» мирового сообщества эпохи глобализации. По данным известного английского лингвиста Д. Кристалла, число людей в мире, говорящих на английском языке, составляет более 1 млрд 100 млн человек, из которых только четверть признает английский своим родным языком [7, 3].

Как отмечает В. Либеркнехт, один из разработчиков программ, предложенных Ассоциацией министров культуры Германии «Немецкий языковой диплом», сейчас в объединенной Европе англо-национальное многоязычие стало реальностью. Английский язык, являясь языком межнационального общения в Германии и других европейских странах, особенно широко и естественно используется в сфере бизнеса, образования, науки, средств массовой информации и т. д. Отвечая на требования сегодняшнего дня, европейские университеты конкурируют друг с другом, предлагая студентам разнообразные языковые программы английского языка для специальных целей и общеязыковой практики [4].

Попытки моделировать процессы языкового варьирования на примере современного английского языка предпринимаются давно. Большой вклад в изучение языковой вариантности внесли отечественные ученые, такие, например, как А. Д. Швейцер. Он ввел в научный обиход понятие «национально-территориальный вариант английского языка», первым предпринял попытку выявить и описать различия британского и американского вариантов современного английского языка на всех уровнях языковой системы, определил характер их взаимодействия. Выявление и описание вариантов современного английского языка во всем многообразии и взаимодействии его форм – сложная научная задача, актуальность которой возросла в связи с набирающими силу процессами глобализации.

Примечания

1. Бессарабова И. С. Глобализация в современном мире. СПб.: Библиотека, 2003.
2. Кабакчи В. В. Английский язык межкультурного общения – новый аспект в преподавании английского языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 6.
3. Кирилина А., Гриценко Е. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации. URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/05/Kirilina_Gritsenko.pdf
4. Либеркнехт В. О повышении языковой компетенции молодежи в рамках реализации международных образовательных программ в Самаре // Актуальные проблемы современного социально-экономического развития: образование, науки, производство: тез. междунар. науч.-практ. конф. 25–26 мая, 2004 г. Самара, 2004.
5. Миронов А. В. Социально-гуманитарное образование сегодня: проблемы и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 3.
6. Федотова Н. Н. Глобализация как фактор формирования новой парадигмы в социологии: дис. ... канд. социол. наук. М., 2000. URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl0100000000/rsl01000311000/rsl01000311200/rsl01000311200.pdf>
7. Crystal D. Global Understanding for Global English//Global English for Global Understanding. Summaries of the International Conference. Moscow, 2001.

Е. В. Жаровская
Амурский государственный университет (г. Благовещенск)

Значимость мелодии для классифицирования контактоподдерживающих реплик

Статья отражает некоторые результаты научного исследования, посвященного изучению роли просодии при поддержании контакта в спонтанном диалоге носителей американского варианта английского языка. В статье подчеркивается, что мелодия является важным параметром при распределении контактоподдерживающих реплик по группам в классификации. Лексический состав фразы при этом не является ведущим.

Ключевые слова: просодия, фатическая функция речи, частота основного тона, спонтанный диалог, принцип замены, лексическое содержание, реплика, классификация.

Как правило, любое высказывание, произносимое человеком, адресуется кому-либо, его назначение – привлечь чье-либо внимание, воздействовать на собеседника. Тем самым реализуется коммуникативная функция

языка с различными ее проявлениями (экспрессивная, эмотивная, фатическая и др. функции речи).

При изучении контактоустанавливающей функции многие исследователи обращали внимание на тот факт, что в такой речи одна и та же фраза может выражать одновременно чувство общности и дружелюбия, удивления и насмешки и даже сарказма. В частности, Малиновский указывал на то, что когда речь в фатической функции не осмысливается положительными эмоциями, наиболее вероятным является ее осмысление противоположным, то есть недовольством, негодованием, враждебностью [1, 32].

Однако нередко причиной того, что одинаковым по лексическому составу фразам присваивается разное значение, является их различное просодическое оформление. Это объясняется тем, что смысл речи в фатической функции выводится не столько из ее содержания и темы, выражения дистанции, скромности, заинтересованности, приветливости, направления и тонкости иронии, юмора и многих других элементов значения и смысла [1, 34], сколько из просодического оформления речи, которое придает ей определенный смысл и которое очень ярко проявляется при спонтанном общении.

Обобщение исследований, посвященных взаимодействию реплик спонтанного диалога, свидетельствует о том, что в динамике речи лексическое содержание реплик контактоустановления передает значение неполно. Хорошо известно, что лексически одинаковые реплики могут иметь различные значения, которые выражаются при помощи интонации. Такие случаи наглядно иллюстрируют действие «принципа замены», который в свое время сформулировал А. М. Пешковский. Суть этого принципа сводится к следующему: чем ярче языковое явление выражено при помощи лексико-грамматических средств, тем слабее может быть его интонационное выражение, и наоборот: в грамматически редуцированных репликах главную роль в передаче смысла играет интонация. В связи с этим оказывается важным рассмотрение конкретных интонационно-просодических параметров, характеризующих реплики контактоустановления [2, 43–44].

Учитывая важную роль просодии в организации высказывания и общий ракурс нашей работы, целью исследования являлось определение экспериментальным путем с помощью методик компьютерного анализа речи просодических характеристик контактоустанавливающих фраз, репрезентирующих фатическую функцию языка.

Материалом исследования послужили спонтанные диалоги, из которых отбирались фразы, выполняющие в диалоге контактоустанавливающую функцию. Фразы оцифровывались и анализировались в программах Sound Forge 5.0 и Praat 4.0.23.

Слуховой анализ диалогов показал, что дикторы активно участвуют в беседе, постоянно вступая в коммуникацию, соглашаясь или не соглашаясь со сказанным в форме реплик *Yes, O'k, Sure, Right, Absolutely, No* и др. или

же просто демонстрируя свое участие в коммуникации при помощи междометий типа *Hmhm, Aha*. Разное интонационное оформление придает особую окраску этим выражениям и позволяет расширить спектр применения одних и тех же фраз в различном значении.

В соответствии с задачами исследования в текстах каждого диктора отбирались слова, имеющие контактоподдерживающую направленность. Такими репликами оказались фразы: *Sure; Yes; Oh, yes; You see; That's right; Really? Oh! In fact; You know; Uhu; Mm; Ehm; Ah! O'k; Yeah; All right; Well; I think; Nothing; I agree; You know; Absolutely; Good; -Right; True; Oh, yeah; You (I) know; Ah God; I mean; May be; No; You said; Yes I do; Oh, that's right; You don't think; You understand; Ha, yeah, You do?* и др.

На первом этапе, на основании контекстуального анализа, была произведена классификация контактоподдерживающих реплик-фраз по прагматической направленности, позволившая выделить следующие группы элементов речевого контакта: *нелексические заполнители, реактивные выражения, общее завершение, повторы, реакции на высказывание, фразы-коннекторы или частотно-коннективные фразы, переспросы*.

На втором этапе эксперимента взятые для анализа реплики были подвергнуты фонетическому анализу с целью выявления просодических средств выражения контактоустанавливающей функции интонации и распределения отобранных реплик по группам в соответствии с их просодическими параметрами. Сначала измерялись значения частоты основного тона (далее – ЧОТ) реплик, затем анализировались их мелодические контуры для характеристики мелодики исследуемых единиц.

В ходе слухового анализа было отмечено увеличение громкости при произнесении контактоподдерживающих реплик групп *реактивных выражений, реакций на высказывание, переспросов*, характеризующихся повышенным эмоциональным фоном и высокой прагматической направленностью. В связи с этим представилось необходимым определить среднюю ЧОТ каждого диктора в каждом диалоге и сравнить ее с ЧОТ исследуемых реплик с учетом номера диалога, в котором реализовались реплики. Это позволило провести более точное сравнение реплик в пределах классификации, а также получить более достоверные данные о ЧОТ.

Поскольку в ходе экспериментального фонетического исследования принято оперировать значениями средней дикторской ЧОТ, следует отметить, что значения средней индивидуальной (дикторской) ЧОТ вычислялись сложением значений ЧОТ безударных слогов и делением на количество этих слогов.

Далее значения средней дикторской ЧОТ в каждом диалоге сравнивались с ЧОТ реплик с учетом номера диктора, произнесшего реплику, и диалога, в котором диктор ее произнес. Полученные данные о средней дикторской ЧОТ приведены в таблице 1.

Таблица 1

**Среднее индивидуальное значение частоты основного тона
четырех дикторов в 8 диалогах, Hz**

№ диалога (Д)	№ диктора (D)			
	D 1	D 2	D 3	D 4
Д 1	182,95	154,72		
Д 2	166,93	139,34		
Д 3	149,85	128,25		
Д 4	158,68	130,01		
Д 5	181,29	123,51		
Д 6	153,75	132,99		
Д 7	161,87	135,22		
Д 8			121,40	125,49

Таблица 1 подтверждает наши предположения о том, что значения ЧОТ у дикторов в разных диалогах отличаются. Наибольшие значения наблюдаются у диктора 1 в диалоге 1, которые изменяются в меньшую сторону в диалоге 3, хотя и не достигают минимальных значений, как, например, у дикторов 3 и 4. Значения ЧОТ у диктора 2 не имеют существенных отличий, за исключением реализаций в диалоге 1. Но они не идентичны. Примерно одинаковыми являются значения ЧОТ дикторов 3 и 4, однако судить о различиях в разных диалогах мы не можем, так как дикторы 3 и 4 принимали участие только в диалоге 8. Возможно, они показали бы другие результаты при активном обсуждении другой темы, хотя отметим, что среднедикторские значения ЧОТ у этих дикторов несколько ниже, чем у дикторов 1 и 2.

На следующем этапе вычислялись относительные значения ЧОТ исследуемых реплик для выявления интонационно обусловленных различий между группами реплик. Данные о ЧОТ исследуемых фраз приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Относительные значения частоты основного тона
контактоподдерживающих реплик**

№ диалога (Д)	№ диктора (D)	Название группы реплик						
		Нелексические заполнители	Реактивные выражения	Завершение высказывания	Повторы	Реакции на высказывание	Коннекторы	Переспросы
Д 1	D 1		1,49				1,19	
	D 2			1,03				
Д 2	D 1		1,42					1,11
	D 2			1,3		1,08		
Д 3	D 1	1,14						
	D 2			1,05				
Д 4	D 1	1,29		1,06	1,17			1,12
	D 2		1,18	1,06		1,11	1,31	

№ диалога (Д)	№ диктора (D)	Название группы реплик						
		Нелексические заполнители	Реактивные выражения	Завершенные высказывания	Повторы	Реакции на высказывание	Коннекторы	Переспросы
Д 5	D 1	1,4	1,22	1,13		1,16	0,99	1,28
	D 2		1,01	1,11		1,12	1,19	
Д 6	D 1		1,09		1,28	1,06	1,14	
Д 7	D 1							
	D 2			1,09	1,04		1,17	
Д 8	D 3	1,51	1,17	1,03		1,09	1,17	
	D 4		1,09		1,13	1,02	1	

Как видно из таблицы 2, относительные значения ЧОТ всех групп реплик разнятся в пределах одной группы. Например, значения относительной ЧОТ нелексических заполнителей в диалоге 3 и 4 существенно отличаются от значений в диалогах 5 и 8; относительная ЧОТ завершений высказывания колеблется от 1,03 до 1,3, а реактивных выражений – от 1,01 до 1,49. В других группах также нельзя отметить какую-либо однородность: коннекторы – от 0,9 до 1,31; переспросы – от 1,11 до 1,28; повторы – от 1,04 до 1,28.

Полученные данные об относительной ЧОТ подтверждают предположение о том, что реплики, входящие в состав любой группы прагматической классификации, имеют разные уровни ЧОТ. Это свидетельствует о том, что прагматическая классификация неполно отражает направленность реплик и может привести к замешательству или даже коммуникативным сбоям участников диалога, особенно в случаях общения на иностранном языке.

Суммируя результаты данного этапа исследования, можно сделать вывод о том, что лексический компонент фразы не является ведущим при распределении контактоподдерживающих реплик по группам, поскольку лексически одинаковые, но по-разному мелодически оформленные реплики имеют разную коммуникативную направленность.

Примечания

1. Драздаускене М. Л. Проблема значения речи в фатической функции // *Kalbotyra XXXIV (3) Bendrosios ir Romanu-Germanu Kalbotyros Klausimai (Lietuvos TSR / AUKS – TUJU MOKYKLU MOKSLO DARBAL)*. Вильнюс, 1983. С. 32–34.

2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении // *История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия / сост. Ф. М. Березин. М.: Высш. шк., 2001. С. 304–309.*

Французские заимствования в английской терминологии архитектурного дизайна

В статье представлена классификация английских терминов архитектурного дизайна, заимствованных из французского языка. Рассмотрены хронологические этапы заимствований.

Ключевые слова: терминология, заимствования, термин, классификация, словообразование.

Заимствование иноязычных терминов представляет собой особый способ пополнения лексики, заметно отличающийся от использования средств родного языка [1, 157].

Под заимствованием следует понимать «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов» [2, 64].

Цель исследования – классификация французских заимствований в английской терминологии архитектурного дизайна по хронологии, по внешним признакам, по характеру заимствованного материала.

Исследование терминов архитектурного дизайна позволило выявить 118 терминов, заимствованных из французского языка, т. е. 11,8% от общей выборки терминоединиц (около 1000 терминов).

Согласно классификации, предложенной С. В. Гриневым, по внешним признакам французские заимствования данной терминологии можно поделить на следующие категории: 1) фонетические, 2) графические, морфологические, 3) словообразовательные.

Под фонетическими признаками заимствований принято понимать такие черты звукового облика слов, которые не свойственны принимающему языку [1, 159]: например, произношение **ch** в терминах *mouchette* – мушет (развитой каркасный готический орнамент, с циркульным построением всех элементов); **chevron molding** – лепнина зигзагообразного рисунка; **cartouche** – орнамент в виде свитка.

Графическими признаками французских заимствований является использование нехарактерных для английского языка букв и буквосочетаний. Например, сочетание букв **eau** в терминах *Beaux Arts*, *Art Nouveau* – названия стилей в дизайне; конечное **-que** в терминах *arabesque* – арабеска (орнамент); *Romanesque* – романский стиль; *antiqueflattile* – античная плоская черепица.

Под словообразовательными признаками можно понимать наличие и образование сложных слов: *fleur-de-lis* – лилия (орнамент); *bas-relief* – ба-

рельеф; abat-jour – козырёк (здания); наличие суффикса **-ette** в терминах **baguette** – багет, астрагал; **lunette** – круглое окно в крыше, тимпан; **palmette** – пальметта, орнамент в виде стилизованных пальмовых листьев.

Хронологически термины, заимствованные из французского языка, можно классифицировать на три основных этапа.

Первый этап – с XII по XIV век. В этот период было заимствовано большинство терминов данной терминологии, а именно 41,5% от общего числа заимствований (118 терминов) из французского языка. Такое большое количество заимствований обусловлено в большей степени экстралингвистическими причинами: 1) господство норманнов в Англии в XI–XIII веках и распространение французского языка в парламенте, в суде, в церкви, в школах и при королевском дворе; 2) изменившиеся политические условия, явившиеся следствием завоевания Англии норманнами, не благоприятствовали сохранению или развитию английской письменности и исконной литературной лексики [3, 48].

Из французского языка в этот период проникла значительная группа слов, относящихся к архитектуре: например, colour, column, porch, palace, ceiling, gargouyle, ashlar, masonry.

Второй этап – с XVI по XVIII век. 30% от общего числа заимствований вошло в английский язык в этот период. Многие из этих слов прочно вошли в словарный состав английского языка и были им полностью усвоены. Французский язык получил большое распространение в Англии, как и во всей Европе. Он стал языком двора, высшего общества и дипломатии. Особую роль сыграла Франция, находившаяся в расцвете своего могущества [3, 54–55]. К заимствованиям в области архитектуры относятся термины attic, balustrade, dome façade, festoon, fronton, niche, bas-relief, Baroque, Romanesque, a la gothic, alamodern.

Третий этап – с XIX до начала XX века. Самая малочисленная группа терминов была заимствована в этот период – 6,7% от общего числа заимствований из французского языка. Например, названия архитектурных стилей Art Moderne, Art Nouveau, Beaux Arts, Art Deco, chinoiserie – шинуазри (европейская имитация китайского стиля), flamboyant – «пламенеющая готика» – последняя фаза французской готики.

Наиболее важная классификация основана на характере заимствуемого материала и выглядит следующим образом: материальное заимствование, калькирование, смешанное заимствование [1, 162].

Первым видом является материальное заимствование, предусматривающее заимствование материальной формы иноязычного термина и разделяемое на три разновидности [1, 162]:

а) лексическое заимствование, при котором заимствуется материальная форма слова с его содержанием, например **pilaster** – квадратная колонна от фр. **pilaster**; **guilloche** – гильотировка, узор из пересекающихся линий от фр. **guilloche**; **annulet** – поясок колонны (орнамент в виде колец), от фр. **annelet**; **atlantes** – атланты, статуи, поддерживающие перекрытия, от фр. **atlante**;

б) формальное заимствование, при котором заимствуется только материальная форма слова, наполняемая новым содержанием в принимающем языке, например **trophy** – лепной орнамент в виде воинских доспехов, от фр. **trophee** – трофей; **bezant** – орнамент в виде диска, от фр. **besant** – византий (византийская монета); **concave** – свод, от фр. **concave** – вогнутый, вдавленный; **couplet** – двухсветное окно, от фр. **couplet** – куплет, строфа;

в) морфологическое заимствование, при котором заимствуются корневые или словообразовательные морфемы для построения новых терминов в принимающем языке, например **torsade** – витой узор или орнамент, от фр. **tors** (twisted) + лт. **-ade** (anaction); **feigned column** – ложная колонна, от фр. **feign** + англ. **-ed**; **fretted ceiling** – лепной потолок, от фр. **celer** + англ. **-ing**.

Также можно отметить функционирование двухкомпонентных ТС, при котором заимствованное из французского языка слово в атрибутивной функции сочетается с исконным словом. Такие сочетания указывают на ассимиляцию заимствований к нормам принимающего языка. Например, **mansard** (fr. mansarde) **roof** (O. E. hrof) – мансардная крыша; **flying** (O. E. fleogende) **buttress** (O. Fr. botrez) – аркбутан, арочный контрфорс; **embrasure** (fr.) **door** (O. E. dor) – ставень амбразуры; **leaf** (O. E. leaf) **andfoliage** (fr. fleuillage) **scroll work** – лиственный орнамент; **lattice** (O. Fr. latiz) **window** – окно с ромбовидными стеклами; **straight** (O. E. streght) **-barrel** (fr. baril) **vault** – цилиндрический свод.

Еще одним признаком ассимиляции можно считать графическую ассимиляцию. Графическая ассимиляция предполагает отражение графической формы иноязычного термина средствами принимающего языка [1, 164]. Например, **balconet** – ограда, фальшивый балкон у окна (fr. balconnet), **bandelet** – перевязь колонны (fr. bandelette), **trophy** – трофей, лепной орнамент в виде воинских доспехов (fr. trophée), **guilloch** – гильотировка, узор из пересекающихся линий (fr. guilloche), **dentil** – зубчатый орнамент (fr. dentille), **newel** – колонна винтовой лестницы (fr. noel).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. 11,8% терминов архитектурного дизайна были заимствованы из французского языка. Большинство терминов данной терминологии было заимствованно в первый период, с XII по XIV век. По внешним признакам французские заимствования делятся на фонетические, графические и словообразовательные. По характеру заимствованного материала в данной терминологии выделяется в основном материальное заимствование. О степени ассимиляции можно судить по функционированию двухкомпонентных ТС (сочетание заимствованного и исконного слова), а также по примерам графической ассимиляции.

Примечания

1. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Изд-во МГУ, 1993. 309 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
3. Секирин В. П. Заимствования в английском языке. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1964. 153 с.

4. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956. 218 с.
5. Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник. М.: Архитектура-С, 2004. 288 с.
6. Белогуб В. Д., Чуров Ю. В. Краткий англо-русский архитектурный иллюстрированный словарь. Харьков, 2003. 248 с.
7. Klein E. A. Comprehensive Etymological Dictionary of the English language. Amsterdam; London; New York: Elsevier Publishing Company, 1971. 845 p.

Ю. В. Звонарева
Челябинский государственный университет (г. Челябинск)

Тактика самооценки в автобиографическом дискурсе Г. Коля

Статья посвящена изучению тактики самооценки, которая реализует стратегию самопрезентации в автобиографическом дискурсе. Исследование проводится на материале автобиографии Г. Коля.

Ключевые слова: автобиографический дискурс; стратегия самопрезентации; тактика самооценки; оценочные высказывания.

В процессе познания и процессе общения, как известно, человек не может не выражать своего отношения к миру. Изучению категории оценки посвящено огромное количество исследований, как философско-логических (Ивин, 1970; Брожик, 1982), так и лингвистических. Упомянем лишь некоторые. В фокусе анализа учёных оказывались виды оценочных значений и средства их выражения (Зубов, 1974; Авганова, 1975; Ильина, 1984; Вольф, 1985), вопросы классификации оценок (Write, 1963; Арутюнова, 1984, 1988) и их семантического варьирования (Вольф, 1979).

В процессе языковой коммуникации говорящий не ограничивается передачей простых предметных сообщений о фактах действительности. Вместе с этими сообщениями он стремится «выразить своё отношение к обозначаемым фактам и соответствующим образом воздействовать на разум, чувства и волю слушающего» [1, 3–6]. Как отмечает Н. В. Ильина, оценка является важным компонентом процесса коммуникации. Она представляет собой «умственный акт, являющийся результатом взаимодействия человека с окружающей его действительностью» [2, 3].

В рамках данной работы нас интересует прежде всего тактика самооценки, то есть тактика оценки, субъектом и объектом которой является автор автобиографии. Мы рассматриваем тактику самооценки как средство воздействия на адресата через убеждение посредством определённым образом организованного содержания дискурса, поскольку, выражаясь на разных уровнях в рамках автобиографического дискурса, она реализует его прагматическую установку.

Обратимся к непосредственной оценке. Автобиографический дискурс изобилует оценочными конструкциями, в которых автор повествования явля-

ется одновременно субъектом оценки и объектом оценки. Это обусловлено особой прагматической задачей данного жанра – дать оценку происшедшему, пропустить объективные события через призму собственного, авторского сознания уже на период написания автобиографии. Описывая и оценивая свои переживания, стараясь нарисовать правдивую картину перед читателем, автор автобиографии представляет себя как некоего «положительного героя», которому свойственно ошибаться, как всем людям, но жизнь которого может служить примером для подражания. Гельмут Коль признаётся, например, что, несмотря на свою дальновидность, ему не удалось избежать ошибки:

“Mir war von Anfang an klar, dass die Doppelbelastung als Minister und Generalsekretär auch für einen Mann wie Geissler nicht lange Zeit durchzuhalten war. Hinzu kam, dass ich immer mehr den Eindruck hatte, dass Geissler bei der Sozialpolitik am Ziel vorbeischoss. ...Allerdings wurden damals auch mit meiner Zustimmung Entscheidungen ... getroffen, die sich wegen der damit verbundenen finanziellen Belastungen als falsch erwiesen haben“ [3, 335–336]. «С самого начала мне было ясно, что даже такой человек, как Гайсслер, недолго выдержит двойную нагрузку министра и Генерального секретаря. К тому же у меня все больше создавалось впечатление, что в отношении социальной политики Гайсслер идёт по ложному пути. ...Правда, решения... из-за которых возникли финансовые проблемы и которые были расценены как неверные, принимались с моего согласия тоже» (перевод наш. – Ю. З.).

Мысль автора начинается с оценки причины неудачи своего коллеги и положительной оценки самого себя: “Mir war von Anfang an klar... die Doppelbelastung... Geissler nicht lange Zeit durchzuhalten war” («С самого начала мне было ясно... Гайсслер недолго выдержит двойную нагрузку...») – и продолжается усилением негативной оценки коллеги и противоположной оценки в отношении себя: “...ich immer mehr den Eindruck hatte... Geissler... am Ziel vorbeischoss“ («...у меня все больше создавалось впечатление... Гайсслер идёт по ложному пути»); кульминацией эпизода является заключительная мысль с ярко выраженной негативной оценкой последствий и оценкой собственной вины, выраженной имплицитно: “...mit meiner Zustimmung... finanziellen Belastungen als falsch erwiesen haben” («финансовые проблемы... которые были расценены как неверные, принимались с моего согласия...»).

Таким образом, можно прийти к выводу, что в оценочных суждениях, направленных на самого себя, выделяются две тенденции – выставление своих заслуг и достоинств и любование ими, с одной стороны, и сознательное принижение своих заслуг, признание чьих-то качеств лучшими по сравнению со своими, некоторая авторская скромность, с другой стороны. В рамках всего дискурса прием непосредственной самооценки формирует стратегию создания положительного образа автора и способствует убеждению и обучению читателя.

Примечания

1. Блох М. Я., Остапенко Л. А. Коннотативный аспект функциональной семантики предложений // Функциональная семантика синтаксических конструкций. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1986. 295 с.

2. Ильина Н. В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 16 с.
3. Kohl H. Erinnerungen 1982–1990. München: Droemer Verlag, 2005. 1134 с.

Ю. В. Звонарева
Челябинский государственный университет (г. Челябинск)

Стратегия самопрезентации и тактики убеждения в автобиографическом дискурсе Г. Коля

Статья посвящена изучению тактики убеждения, которая реализует стратегию самопрезентации в автобиографическом дискурсе. Исследование проводится на материале автобиографии Г. Коля.

Ключевые слова: автобиографический дискурс; стратегия самопрезентации; тактика убеждения; речевая стратегия.

Стратегия, прежде всего, «это общий план, или “вектор”, речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели в процессе речевого общения. Каждая речевая стратегия характеризуется определенным набором речевых тактик. Речевая тактика – это конкретный речевой ход в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [1, 6].

По П. В. Зернецкому, тактика – это «гибкое динамическое использование говорящим имеющихся у него вербальных умений построения речевого хода согласно намеченному им плану речевых действий с целью достижения языковой задачи общения, ограниченной рамками речевого взаимодействия» [2, 39–40]. Он предлагает различать понятия тактики и стратегии, соответствующие соответственно решению локальных и глобальных задач. Уровень стратегий отличается от тактического качественно более сложной и многоплановой организацией речевой деятельности. Локальная задача тактики убеждения – заставить читателя поверить автору, глобальная задача рассматриваемой нами стратегии самопрезентации – заявить о себе.

Формирование собственной позиции по какому-либо вопросу с формированием позиции адресата с целью убеждения встречается во многих текстах автобиографий. Так, мы находим у Г. Коля:

“Wenige Minuten nach der Wahl trat ich vor die Fernsehkameras und erklärte, ich wolle verhindern, dass in diesem Land neue Gräben aufgerissen würden. Es gehe jetzt um eine geistig-moralische Anstrengungen. Ich sprach auch von

einem großen Tag in der deutschen Parlamentsgeschichte und versicherte, dass es dabei bleibe: Am 6. März 1983 werde ein neuer Bundestag gewählt. Ich wollte Neuwahlen, ich wollte das Votum der Wähler für mich und unsere Politik» [3, 22]. «Спустя несколько минут после выборов я выступил перед телекамерами и заявил, что не хочу, чтобы страна вырыла себе новую яму. Теперь речь идёт о морально-духовных трудностях. Я говорил также о великом дне в истории немецкого парламента и заверил, что таким он и останется: 6 марта 1983 избирается новый бундестаг. Я хотел новых выборов, я хотел вотума избирателей для меня и нашей политики» [перевод наш. – Ю. З.].

Коля требует новых выборов для себя и политики, он не боится проиграть, он идёт вперёд и готов преодолеть любые препятствия. Его уверенность в себе и отсутствие страха убеждает в его правоте. Притяжательные местоимения «меня» и «нашей» указывают на то, что победа важна как для Коля-личности, так и для Коля-политика. Глагол «хотеть» выявляет твёрдое намерение автора и его непоколебимое стремление.

Слова автора аргументированы указанием точной даты. Автор объясняет адресату происходящее и убеждает в том, что новые выборы в бундестаг являются поворотным моментом не только в судьбе страны – эпитет “*einem grossen Tag in der deutschen Parlamentsgeschichte*”, но и в судьбе самого Коля – местоимения “*ich*”, “*mich*”, глагол “*wollen*” (“*ich wollte das Votum der Wähler für mich*”). Я-предикативные конструкции подчёркивают личностный характер высказывания. Глагол “*versichern*” при этом, как отмечает Е. А. Барляева, передает «эмоциональное состояние автора и выступает в качестве средства, увеличивающего иллюкутивную силу высказывания» [4, 51].

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее типичными для тактики убеждения в рамках автобиографического дискурса являются следующие аргументативные приемы: приемы апелляции к факту, апелляции к авторитету, к чувствам, приемы самолегитимации и «примыкания к победителю». Стратегия самопрезентации и тактика убеждения реализуют главную цель автора – заявить о себе – и помогают автору убедить читателя в правоте своих убеждений.

Примечания

1. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика ↔ Лингвистика: сб. ст. Смоленск: СГПУ, 2004. Вып. 5. 283 с.

2. Зернецкий П. В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковое общение: Процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1988. 152 с.

3. Kohl H. Erinnerungen 1982–1990. München: Droemer Verlag, 2005. 1134 s.

4. Барляева Е. А. Авторизация как средство актуализации автора научного текста // Диалектика текста. Т. 1. СПб., 1999. С. 41–59.

Реализация тактики обвинения в автобиографии Г. Шрёдера

Статья посвящена изучению тактики обвинения, которая реализует стратегию самопрезентации в автобиографическом дискурсе. Исследование проводится на материале автобиографии Г. Шрёдера.

Ключевые слова: автобиографический дискурс; стратегия самопрезентации; тактика обвинения; оценочные высказывания.

Обвинение, наряду с речевыми действиями извинения и оправдания, относится к высказываниям, соотнесенным с нормой. Обвиняющий, так же как и тот, кто оправдывается или извиняется, соотносит высказывание с нормой, которой противоречат поступки, сформулированные в высказывании. Проблеме выбора тактик коммуникативного воздействия на оппонента, а также средств реализации данных тактик в политическом дискурсе посвящено огромное количество исследований (В. С. Третьяковой, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинова, Р. Блакара, А. Буркхардта, Г. Гейснера, В. З. Демьянкова, А. А. Ивина, О. С. Иссерс). Для более полной характеристики автобиографического дискурса, его конфликтной составляющей, мы обратились к исследованиям в области конфликтологии таких авторов, как А. В. Дмитриев, В. С. Третьякова, Е. Апельтауер, Х. Грубер, Г. Шанк, Й. Швитала и др., а также к работам, посвященным рассмотрению прагматических аспектов оценки и аргументированности высказывания.

Речевое действие «обвинение» как вербальная реализация конфликта основывается на несоответствии между фактическим действием объекта обвинения и представлением субъекта обвинения о норме, носителем которой он себя считает.

Наиболее типичными для тактики обвинения в рамках автобиографического дискурса являются следующие аргументативные приемы: приемы апелляции к факту, апелляции к авторитету, к чувствам, приемы цитации, самолегитимации, изолирования, «примыкания к победителю» и прием аналогии.

Объектом обвинения Герхарда Шрёдера становится его предшественник Г. Коль: “Kohl, von dem man annehmen durfte, dass ihm Fragen der Energiepolitik fremd waren, dass er Atomenergie als Teil von Stromproduktion ansah, mutierte vom zweifelsfreien zum skeptischen Befürworter, jedenfalls eine Zeit lang” [1, 50]. «Коль, о котором не без оснований можно сказать, что энергетическая политика была ему глубоко чужда и что атомную энергетику он считал просто частью производства электрического тока, потихоньку мутировал: прежде он был безусловным сторонником ядерной энергетики, а теперь становился ее скептическим сторонником» [2, 51]. Отсутствие четкой государственной политики в отношении атомной энер-

гетики представляется как результат беспомощности федерального канцлера. Эпитеты «чуждый» и «глубоко» служат для экспликации различных аспектов обвинения. Глагол «мутировать», обладая яркой экспрессивной окраской, выбивается из контекста и поддерживает общий смысл эпизода. Данные языковые средства передают авторскую экспрессию и усиливают воздействие на читателя.

В качестве примера, демонстрирующего разрушительную силу политической власти, Шрёдер приводит самый яркий из возможных примеров, конечно, не оставляя его без негативной оценки и обвинений: “Er beendete ein demokratisches Experiment und damit die Chance, diesem Land nach dem ersten Weltkrieg Anschluss an die aufgeklärten Nationen zu ermöglichen. Der Zweite Weltkrieg und die Barbarei der Nazis waren die Folge” [1, 72]. «Он покончил с демократическими экспериментами, а вместе с тем лишил страну единственного шанса присоединиться после Первой мировой войны к просвещённым нациям. Вторая мировая война и падение в пропасть нацистского варварства стали следствием этого шага» [2, 74]. Используемая в эпизоде метонимия «падать в пропасть нацистского варварства», «покончить с демократическими экспериментами», «лишить страну единственного шанса», «присоединиться... к просвещённым нациям» усиливают действенность обвинительных высказываний автора. Шрёдер также использует аргументационный прием и апеллирует к чувствам читателя, упоминая Первую и Вторую мировые войны, и имплицитно примыкает к победителям.

Автобиографический дискурс политического деятеля является политической коммуникацией с ее борьбой за власть и столкновением интересов политических сил, с манипуляцией фактами и мнениями. Тематика обвинений автора находится в полном соответствии со спецификой политической коммуникации – оппоненту вменяются в вину действия, имеющие негативные последствия для экономической и политической жизни страны: непрофессионализм, бездействие и т. д. Степень аргументированности обвинительных высказываний автора различна: она варьируется от полного отсутствия аргументов до наличия достаточно весомой доказательной базы. Однако большинство обвинений, имеющих в автобиографии, не являются в полной мере аргументированными. Проведенный анализ показал, что сравнение, апелляция к чувствам, а также так называемое «примыкание к победителю» используются автором не для доказательства вины оппонента, а для его дискредитации и собственного возвышения.

Примечания

1. Schröder G. Entscheidungen. Mein Leben in der Politik. Hamburg: Hoffman und Campe, 2006. 544 S.

2. Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. М.: Европа, 2007. 552 с.

Языковая репрезентация эпистемического модуса в высказываниях с союзами *as if/as though*

В статье рассматриваются союзы *as if/as though*, которые функционируют в качестве маркеров присутствия мыслящего субъекта в высказывании. Данные союзы вводят пропозиции, объективирующие мнение говорящего, которое актуализуется в предположительной причине или предположительном следствии.

Ключевые слова: модус, модусный субъект, эпистемическая модусная ситуация, когнитивная операция умозаключения, предположение.

Современный этап лингвистической науки ориентирован на антропоцентрический подход к исследованию языка, суть которого заключается в изучении языка в тесной связи с человеком, его мышлением, чувствами, эмоциями, действиями и другими системами, составляющими явление «человек». Изучение взаимопроникновения, взаимодействия человека и языка находится в фокусе антропологической лингвистики. Акцент делается не только на слово, так как оно «слышимо, как видимо» [1, 61], но и на то, как его осмысливает человек, какую концептуальную информацию в него вкладывает. В то же время язык открывает доступ в сознание человека, его внутренний мир, эксплицируя различные модусы познания окружающей действительности.

Понятие модуса, сформулированное Ш. Балли, приобретает большую актуальность в свете антропоцентрической концепции, предполагающей обязательное присутствие говорящего в структуре высказывания. Модусно-диктумная организация предложения заключается в понимании содержания предложения как комплекса различных объективных, отражающих действительность, и субъективных, отражающих отношение субъекта к этой действительности, составляющих [2, 44–45]. В эксплицитной форме модус реализуется в модусных предикатах, которые способны управлять пропозициональным содержанием высказывания в связи с тем, что принадлежат ментальной сфере человека. Модусы принято распределять по перцептивному, ментальному, эмотивному, волитивному планам [3, 109].

В речевой ситуации для человека свойственно переходить от перцептивных модусов к ментальным [4, 67]. Ментальные модусы объективируют полагание, мнение, оценку и другие квалифицирующие отношения говорящего к некоторому положению дел. В любом виде наблюдаемой деятельности, эмпирии, составляющая мышления сложнейшим образом переплетена с другими составляющими [5, 12]. Человек способен не только чувственно воспринимать информацию, но и выразить своё мнение, предположение, оценку происходящего, полагаясь как на воспринимаемые его перцептивными органами образы, так и оперируя знаниями, приобретаемыми в процессе жизне-

деятельности. Содержанием мнения служат выводные пропозиции, являющиеся результатом умозаключения. Они характеризуются субъективной модальностью, связанной с убежденностью, верой или сомнением говорящего в основании соответствующего мнения [6, 239].

Формирование категории эпистемической модальности (модальности предположения) связано с формированием в сознании говорящего оценки сообщаемой информации с точки зрения её достоверности. Оценку достоверности определяют как выражение уверенного или неуверенного знания говорящего по поводу соответствия или несоответствия действительности некоторого события [7, 8, 9]. Степень информированности говорящего о ситуации внеязыковой действительности зависит от типа полноты знания, которыми он владеет. В шкале достоверности – недостоверности, в пространстве между крайними полюсами от безусловной достоверности (+) до безусловной недостоверности (–), наряду с уверенностью, очевидностью, которые тяготеют к положительному полюсу достоверности, сомнительности и неуверенности, тяготеющими к отрицательной достоверности, выявляется проблемная зона. Зону проблемной достоверности составляют вероятность, видимость, возможность и кажимость [10, 19]. Языковые средства проблемной зоны, в свою очередь, различают по качественным и количественным признакам. Качественный аспект составляют характерный и нехарактерный типы информации. Характерная информация получена говорящим в результате чувственного восприятия уже знакомого по предыдущему опыту объекта без привлечения логического вывода. Нехарактерную информацию говорящий получает на основании косвенных данных, используя логический вывод. Количественный аспект актуализован в признаке достаточности/недостаточности поступления информации [11]. Таким образом, тип и полнота знания определяет характер суждения и может выражать неуверенность, предполагаемую возможность, основанием которой служит либо умозаключение на базе наблюдения, либо логический вывод, основанный на общих знаниях говорящего.

В полюсе проблематической достоверности находится степень достоверности высказываний, содержащих в своей семантике предположение [12, 47]. Круг языковых единиц, эксплицирующих эпистемическое значение в содержании предложения, включает модальные глаголы, прототипические рамочные предикаты *think, consider, find, guess, suppose, etc.*, эпистемические прилагательные *possible, obvious, etc.*, наречия *probably, perhaps, possibly, evidently, certainly, etc.*, модальные слова и другие миропорождающие гипотетические операторы, вводящие субъективное мнение по поводу некоторого положения дел. Кроме того, в языке для объективации мнения, знания активно действует имплицитный способ маркирования присутствия субъекта, выносящего свое мнение, суждение, умозаключение. К числу таких средств относятся глаголы в аспектуально-временных формах Perfect [13].

Английские союзы *as if/as though* являются маркерами присутствия мыслящего субъекта в высказывании. Толкование исследуемых союзов в

словарях через модусный глагол *suggest* сближает их с показателями, которые вводят мнение, предположение говорящего, ср.: *used in a way that suggests that something may be true* [ANED]; *used to suggest a possible explanation for something although you do not think that this is the actual explanation* [LDCE]. Союзы *as if/as though* соединяют две пропозиции. Главная пропозиция представляет собой реальную (диктумную) ситуацию. Данные союзы вместе с вводимой пропозицией формируют модусную ситуацию предположения или модусную эпистемическую ситуацию, которую составляют: модусный субъект (говорящий), модусный предикат и модусная интерпретация диктумной ситуации. Модусную ситуацию предположения в высказывании с союзами *as if/as though* можно представить в виде пропозиции: *Я наблюдаю некоторую ситуацию и предполагаю / это наводит меня на мысль, что X*. Модусная семантика союзов *as if/as though* позволяет причислить данные языковые единицы к показателям недостоверности, обладающим субъективными признаками. В качественно-количественном аспекте союзы *as if/as though* являются показателями характерной информации, то есть они позиционируют говорящего, способного судить о ситуации непосредственно, без привлечения логического вывода, однако полученная информация не является достоверной.

Недостоверность полученной информации связана с недостаточным знанием говорящего, так как он не является участником ситуации, наблюдающим за ее развитием, а использует только следствия, как результаты каких-то предшествующих действий, ср.: *There was an inexplicable amount of dust everywhere and the rooms were musty as though they hadn't been aired for many days* (Fitzgerald). Пример выше актуализирует ситуацию, демонстрирующую результаты действий, на основании оценки которых модусный субъект строит предположение по поводу случившегося. Перфектная форма глагола в придаточном предложении свидетельствует о ментальной операции умозаключения, производимой модусным субъектом по поводу содержания главного предложения, а отсутствие достаточных знаний субъекта модуса о произошедших событиях маркировано союзом *as though*, как показателем неуверенности.

Отсутствие точного знания мотивирует говорящего инферировать предполагаемую причину на основании внешних следствий, которые могут быть выражены во внешнем облике и характере человека, ср.: *It was almost as if Mrs. Davenport, in various moments of desperate abandon, had gone off to seek solace in the arms of an Italian waiter, a red-headed Irishman and some giant athletic devotee of health-and-strength* (Bates). Подлежащее *it* отсылает к событийному antecedенту, а именно повествованию о трех сестрах, которые совершенно не похожи ни по внешним признакам, ни по характеру. Причиной столь явной разницы между сестрами, по мнению говорящего, является предположение о встрече их матери с тремя разными мужчинами, которые и стали отцами ее дочерей. Структурирование мира знания посредством метонимических номинаций показывает, как практические знания о жизни ис-

пользуются для освоения и осмысления ментального мира, создания представлений и образов.

Причинная семантика союзов *as if/as though* эксплицирована в случаях комплексного сочетания с предикатами кажимости, ср.: “What’s that?” said Suke, starting up in bed. “Sounds *as if* somebody had caught a hare in his gin”. “Ohno,” said she. “It was not a hare, ‘twas louder. Hark!” (Hardy). Субъект модуса оперирует только данными, полученными в процессе слухового восприятия, которые не обеспечивают его точным знанием о происходящем событии. Если сообщаемая информация принадлежит сфере знаний субъекта, то нет необходимости в ее экспликации. Если же суждение составляет мнение субъекта, то это обязательно должно найти объективацию в языке [14]. Союз *as if* в примере выше объективирует присутствие субъекта мнения и вводит интерпретацию предполагаемой причины, в основе которой лежит звуковая информация.

Союзы *as if/as though* маркируют присутствие субъекта мнения в ситуациях, когда на основании данных зрительного восприятия он дедуктивно выводит предполагаемую причину состояния человека, располагая знанием об устройстве мира, ср.: His face was still taut and swallow, and he looked *as though* he hadn’t slept well (BNC); He looked terrible, his face blotched and patchy, his eyes red, *as though* he had been up all night (BNC). Союзы *as if/as though* в приведенных примерах выполняют функцию специального знака-каузатора, подобно русскому *как бы*, маркирующему говорящего, сомневающегося в статусе истинной причины и предлагающего одну из версий, не исключая потенциальную многозначность толкуемого [15, 114]. Причина, неотъемлемым свойством которой является относительность, представляет собой «всего лишь роль, исполняемую каким-то фактом в конкретной коллизии “следствие – причина”. В такой роли выступает союз или его аналог, являющийся предикатом – квалификатором причинности» [15, 122].

Внешние свидетельства не могут гарантировать истинную причину их природы на том основании, что модусный субъект не имеет возможности наблюдать ситуацию от начала и до конца. Его внимание сфокусировано на определенном фрагменте высказывания, который предстает как результат некоего события. М. И. Черемисина интерпретирует отношение между ситуациями главного и придаточного предложений как «ложную мотивировку». Придаточное с союзом указывает на специфику какого-то параметра реальной ситуации, а не на причину этой специфики. Модализованные союзы исключают возможность реализации потенциальной причинной связи [16, 213]. Субъект модуса, наблюдая видимые симптомы-следствия, делает вывод об их предполагаемой, мнимой, «ложномотивировочной» причине. Вместе с тем, ментальная траектория «следствие – причина» составляет суть познания человеком окружающего мира и самого человека, как способного осуществлять связующую деятельность посредством когнитивной деятельности сознания.

Связывая с помощью союза две и более пропозиции, говорящий не просто описывает реальные или представляемые ситуации, а совершает оп-

ределенную ментальную операцию, для того чтобы понять, каким образом описываемые ситуации связаны друг с другом [17, 58]. Союз приобретает статус импликатора говорящего, который позиционируется «под видом союза», обеспечивая ментальный выход своей когнитивной деятельности на пути познания мира.

Следственная семантика союзов *as if/as though* эксплицируется, если они оперируют в комплексе с предикатами кажимости *seem, sound, appear, look, feel*. Помимо перцептивных свойств, данная группа глаголов обладает эпистемическим значением [18, 70]. В коммуникативном фокусе данных предикатов оказывается ментальное значение, ср.: One of the engineers has fallen, and it sounds *as if* he may have broken his leg (BNC). В поле зрения модусного субъекта находится результат действия, который является основанием для предположения о том, что один из инженеров сломал ногу. Перфектная форма инфинитива маркирует ментальную операцию умозаключения, а модальный глагол *may*, будучи эпистемическим показателем неуверенности, вводит значение сомнения в истинности интерпретации. Модусный субъект предлагает свое видение ситуации, располагая знанием о том, что падение может привести к травме. Союз *as if* снимает категоричность утверждения и сигнализирует о предположительном характере следствия.

Причино-следственные отношения находятся в диалектическом единстве с условием, так как следствие порождается определенной причиной при определенных условиях [19, 24]. Как показывает следующий пример, при условии реальной причины можно предположить возможное следствие, ср.: If your engine is using a lot of oil it sounds *as if* a replacement or rebuild is required (BNC). Ввиду большого потребления масла, по умозаключению субъекта модуса, следует произвести замену или переборку двигателя. В процессе восприятия субъект модуса не просто воспринимает звуки, но осмысляет и интерпретирует их, так как они содержат существенную информацию о ситуации. Глагол *sound* в приведенных выше примерах выражает отношение субъекта модуса к сути дела, а не к тому, что в буквальном смысле «звучит» [20, 71]. Посредством аналогичных семантических дериватов *seem, look, feel* в комплексе с союзами *as if/as though* концептуализируется эпистемическое состояние сознания субъекта, ср.: ...replied Goath with tremendous solemnity, lowering his head so far that it looked *as if* his hat would fall off (Priestley). Эпистемический показатель *would* вербализует движение мысли субъекта модуса в сторону получения выводного следствия. По замечанию М. И. Черемисиной, говорящий использует «своего рода мотивационные эталоны, то есть представления об “экстренных” ситуациях, предполагающих в качестве “привычных следствий” определенные модификации ситуаций заданного класса, например, если вдруг раздастся выстрел, то человек пугается; если где-то все вымерло, никого нет, то там тихо» [21, 213].

Таким образом, модусные союзы *as if/as though* маркируют ментальную операцию умозаключения, которая актуализует предположение говорящего. Основанием для предположения является диктумная ситуация, объективи-

рующая причину для последующей интерпретации следствия, или следствие, на основе которого говорящий категоризирует предполагаемую причину.

Примечания

1. Фрумкина Р. М. Проблема «язык» и «мышление» в свете ценностных ориентаций // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 59–71.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Наука, 1955. 416 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.
5. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 320 с.
6. Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово: монография. Иркутск, 2008. 397 с.
7. Белошাপкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др. Современный русский язык: учеб. пособие для филол. спец. высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 1999. 926 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
9. Гатинская Н. В. Модальные слова кажимости в русском языке: характеристика и взаимоотношение с другими категориями // Семантика и прагматика языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. Уфа: БГПИ, 1999. С. 65–68.
10. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография. Волгоград: Перемена, 2010. 304 с.
11. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
12. Винокурова, М. А. Смысл «предположение» и языковые средства его выражения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 2004. 184 с.
13. Ковалева Л. М. Указ. соч.
14. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 6–18.
15. Ляпон М. В. Причина как предмет рефлексии // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007. С. 111–127.
16. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 264 с.
17. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.
18. Семенова Т. И. Указ. соч.
19. Шустер А. Г. Категория следствия и средства ее реализации на разных ярусах синтаксиса в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Армавир, 2005. 190 с.
20. Семенова Т. И. Указ. соч.
21. Черемисина М. И. Указ. соч.

Список словарей

1. ANED – The All Nations English Dictionary. All Nations, 1992. 827 p.
2. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition. Harlow, Essex: Longman Group Lt., 1997. 1680 p.

Источники используемых примеров

1. BNC – British National Corpus (An On-line Sample Version) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
2. Bates H. E. The Four Beauties. Penguin Books, 1972. 160 p.
3. Fitzgerald F. S. The great Gatsby [Книга для чтения на английском языке]. СПб.: КАРО, 2008. 256 с. (серия «Original reading»).
4. Hardy T. The woodlanders. Wordsworth Classics, 1996. 305 p.
5. Priestley J. B. Angel Pavement. M.: Progress Publishers, 1974. 503 p.

Ю. Е. Костерина

Омский государственный технический университет (г. Омск)

Эпонимные термины: структурный аспект

Предметом интереса в работе выступают структурные особенности эпонимных терминов английской терминологии физики низкоразмерных систем.

Ключевые слова: термин, эпонимный термин, эпоним.

Эпонимные термины составляют объемный пласт терминологической лексики физики низкоразмерных систем, который включает как узкоспециальные термины и номены, так и терминоединицы, заимствованные из смежных дисциплин. Эпонимные термины английской терминологии физики низкоразмерных систем ранее не подвергались научному изучению, что определяет актуальность исследования.

Термин «эпоним» (англ. *eponym*) восходит к греческому языку: греч. *επωνυμος* состоит из двух частей: *επι* – после + *ονυμα* – имя, переводится как «имя дающий» и означало в Древней Греции лицо, дающее чему-либо свое имя [1]. В нашей работе под эпонимами понимается лицо, имя собственное которого присутствует в наименовании понятия; под эпонимными терминами мы понимаем термины, образованные от эпонимов, т. е. термины, элементами структуры которых выступают имена собственные или производные от них.

В английской терминологии физики низкоразмерных систем эпонимные термины представлены 144 терминоединицами (ТЕ), что составляет около 7% от общего количества терминов исследуемой выборки, на данном этапе насчитывающей 2062 ТЕ.

В результате лингвистического анализа эпонимных терминов исследуемой выборки мы выделили следующие структурные типы:

1) простые эпонимные термины – однословные термины, образованные семантическим способом либо путем аффиксации от эпонима. В нашем исследовании простые ТЕ составляют 10% от общего количества эпонимных терминов и насчитывают 14 ТЕ: **ampere** – *ампер*, **coulomb** – *кулон*, **ohm** – *ом*, **volt** – *вольт*, **voltage** – *напряжение*, **holon** – *холон*, **fermion** – *фермион*, **boson** – *бозон*, **hamiltonian** – *оператор Гамильтона* и др.;

2) эпонимные терминологические сочетания. Под терминологическим сочетанием (ТС) мы понимаем многокомпонентное, раздельнооформленное,

семантически целостное сочетание, образованное путем соединения двух, трех и более элементов [2, 27]. В эпонимных ТС одним из элементов структуры является эпонимный термин.

В исследуемой выборке преобладают эпонимные терминологические сочетания с одним именем собственным в структуре термина – 110 эпонимных ТЕ, что составляет 85% от общего количества эпонимных ТС (без учета простых эпонимных терминов), например: **Shockley diode equation** – *диодное уравнение Шокли*, **Nordheim's rule** – *правило Нордхейма*, **Fermi liquid theory** – *теория ферми-жидкости*, **quantum Hall effect** – *квантовый эффект Холла*, **Auger recombination** – *рекомбинация Оже*.

Сочетание двух эпонимных элементов встречается в 20 эпонимных ТС, что составляет 15% от общего количества эпонимных ТС, например: **Aharonov-Bohm effect** – *эффект Ааронова–Бома*, **Bose-Einstein condensation** – *конденсация Бозе–Эйнштейна*, **de Haas-Shubnikov oscillations** – *осцилляции Шубникова–де Гааза*, **Johnson-Rahbek effect** – *эффект Ионсона–Рабека*, **Clausius-Mossotti equation** – *уравнение Клаузиуса–Мосотти*, **Bohr-Sommerfeld rule** – *формула Бора–Зоммерфельда*, **Tomonaga-Luttinger model** – *модель Томонага–Латтинджера*, **Kramers-Kronig transformation** – *преобразование Крамерса–Кронига*.

Интересно отметить, что в английской терминологии физики низкоразмерных систем не встречаются термины с тремя и более эпонимными элементами, несмотря на то, что заслуги ученых, работавших над одной и той же проблемой, оцениваются научным сообществом присуждением нобелевской премии трем и более участникам. Кроме того, в языке наблюдается тенденция к функционированию усечений: например, вместо **Tomonaga-Luttinger liquid** – *жидкость Томонага–Латтинджера* встречается **Luttinger liquid**. Наше исследование также подтверждает данное наблюдение: эпонимные терминологические сочетания с одним именем собственным в структуре термина (85%) преобладают над эпонимными ТС, содержащими в своей структуре два эпонимных элемента (15%).

Анализируя структуру эпонимных ТС по количеству компонентов, мы получили следующие результаты:

1. В выборке эпонимных терминов физики низкоразмерных систем наиболее многочисленную подгруппу составляют двухкомпонентные эпонимные термины – 84 ТЕ, или 58% от общего количества эпонимных терминов. Эпонимный элемент в двухкомпонентных ТС всегда находится в препозиции по отношению к ядерному элементу, выполняя роль атрибута в составе ТС. Исключение составляет термин **composite fermion** – *композиционный фермион*, где эпонимный элемент, выраженный производным термином от эпонима **Fermi**, сам является ядерным. По морфологической принадлежности главного (ядерного) компонента – имени существительного – анализируемые ТС относятся к субстантивным.

Самой продуктивной моделью терминообразования является модель **E + N**, где **E** – эпонимный компонент ТС, выраженный именем собственным, либо производным от него, **N** – апеллятивный компонент ТС, выраженный существительным. По данной модели образованы 72 ТЕ, например: **Luttin-**

ger theorem – теорема Латтинджера, **Kane model** – модель Кейна, **Debye equation** – уравнение Дебая. В данной подгруппе 11 ТЕ образованы по модели **E's + N**, например: **Hund's rule** – правило Хунда, **Nyquist's theorem** – теорема Найквиста, **Stefan's law** – закон Стефана.

2. Трехкомпонентные эпонимные термины в количестве 32 ТЕ составляют 22% от общего количества эпонимных терминов выборки. Наиболее частотной моделью является **E + E + N**, например: **Poisson-Boltzmann equation** – уравнение Пуассона–Больцмана, **Clausius-Mossotti equation** – уравнение Клаузиуса–Мосотти, **Johnson-Rahbek effect** – эффект Ионсона–Рабека.

3. Четырехкомпонентные эпонимные термины насчитывают 11 ТЕ (8% от общего количества эпонимных терминов выборки), например: **Arrhenius type temperature dependence** – температурная зависимость аррениусовского типа, **Vollmer-Weber growth mode** – механизм роста Вольмера–Вебера, **Stranski-Krastanov growth mode** – механизм роста Странского–Крастанова.

4. В английской терминологии физики низкоразмерных систем также присутствуют два пятикомпонентных и одно шестикомпонентное эпонимное терминологическое сочетание, которые в сумме дают 2% от общего количества эпонимных терминов исследуемой выборки.

Итак, проведенный анализ позволил выявить процентное соотношение структурных типов эпонимных терминов: простые – 10%, терминологические сочетания – 90% (из них двухкомпонентные ТС – 58%, трехкомпонентные ТС – 22%, четырехкомпонентные ТС – 8%, многокомпонентные эпонимные ТС составляют 2% и не характерны для английской терминологии физики низкоразмерных систем).

Примечания

1. Online etymology dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/> [назв. с экрана]. (Дата обращения: 28.03.2012).

2. Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии: монография. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 200 с.

Л. В. Молчкова
Международный институт рынка (г. Самара)

Категориальные признаки фразеологизмов

В статье определяется понятие идиоматичности естественного языка и разграничиваются понятия «фразеологизм» и «идиома». Фразеологизмы рассматриваются как разновидность идиоматичных единиц языка, определяются их категориальные признаки: компликативный компонент значения, семантическая целостность, переносный характер значения, раздельнооформленность.

Ключевые слова: идиоматическая единица, фразеологизм, компликативный компонент значения, семантическая целостность.

Фразеология привлекала внимание многих ученых, но глубоко вопросы фразеологической теории были рассмотрены отечественными лингвистами, среди которых Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, В. В. Виноградов,

А. В. Кунин, А. И. Смирницкий и другие. В основном теория фразеологии развивалась в русле учения В. В. Виноградова, где фразеологизмы подразделялись на фразеологические сращения, единства и сочетания.

Существует большое количество дефиниций, отделяющих фразеологические единицы от смежных языковых единиц. Большинство этих дефиниций сходится в определении категориальных признаков фразеологических единиц, среди которых выделяют устойчивость, раздельнооформленность, переосмысленность и семантическую целостность, причем семантическую целостность различные ученые понимали по-разному. Кроме того, в различных трудах термины «фразеологизм» и «идиома» часто употреблялись в качестве синонимов. Однако мы предлагаем разграничить эти понятия, так как придерживаемся мнения, что идиоматичность естественного языка – это не только наличие в нем фразеологизмов. В нем есть огромное количество других идиоматичных образований.

Установим, из каких аспектов складывается идиоматичность естественного языка, отличающая его от искусственных знаковых систем. В первую очередь, это *приращенный смысл*, который составляет важный аспект идиоматизации языкового знака. «В [естественном] языке сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма значений отдельных слов», – писал Б. А. Ларин [2, 128]. Огромное число слов и словосочетаний естественного языка, включая те, которые не принято называть идиомами или фразеологизмами, имеют ту или иную долю приращенного смысла, индуцированную культурными сценариями, в которых они функционируют.

Приведем пример. *Sitting-room* означает не просто «комната для сидения», а «гостиная». В коллективном сознании носителей лингвокультуры с гостиной ассоциируются культурные сценарии приема гостей, семейного вечернего препровождения времени и т. п. Вхождение этих сценариев в семантику данного слова подтверждается словарной дефиницией: “sitting-room – a room in a private residence intended for social and leisure activities” [6] (комната в частном жилище, предназначенная для приема гостей и проведения досуга).

Как видим, невыводимость (или неполная выводимость) «значения целого» из «суммы значений частей», то есть идиоматичность, свойственна далеко не только фразеологизмам, но и многим нефразеологическим сочетаниям слов, а также отдельным словам, которыми изобилует речь. Лишь в тех случаях, когда приращенный смысл закрепляется, перестает зависеть от контекста и вводится в значение слова или сочетания в качестве его компонента – по С. Г. Гаврину [1], *компликативного* (осложняющего) *компонента значения*, – тогда значение слова или словосочетания обогащается, у слова появляется новый лексико-семантический вариант, а словосочетание обретает устойчивость и из единицы речи становится единицей языка.

В таких случаях приращенный *речевой смысл* становится компликативным компонентом *языкового значения*, а *речевая единица* (переменное сочетание слов) – *языковой единицей* (устойчивым сочетанием слов).

Семантическая осложненность (компликативность) и устойчивость – это необходимые, но не достаточные свойства для того, чтобы счесть язы-

ковой знак идиоматичным. Для идиоматизации необходимо также наличие *семантической целостности*. Этот термин означает, что компликативный семантический компонент не закреплен за отдельными частями языковой единицы (морфемами, лексемами), а рассредоточен по всему ее объему.

Таким образом, семантическая осложненность (компликативность) + языковая устойчивость + семантическая целостность в своей совокупности составляют комплекс категориальных признаков, который позволяет считать слово или словосочетание идиоматичным. Таких единиц в языке очень много. Всякая языковая единица, чье значение в той или иной мере и в том или ином отношении отличается от внутренней формы, входит в состав идиоматики (идиоматического фонда) языка.

Такая трактовка идиоматичности согласуется с ее традиционной трактовкой как несоответствия (или неполного соответствия) «значения целого» «сумме значений частей». Несоответствие общего значения сумме значений частей свойственно далеко не только фразеологизмам, однако следует отметить, что эта трактовка в XX веке почему-то распространялась в основном лишь на фразеологизмы, вследствие чего термин *идиома* в отечественной лингвистике стал синонимом термина *фразеологизм* либо наименованием одного из разрядов фразеологизмов. Поэтому большое число языковых единиц, обладающих идиоматичностью, редко попадало в поле зрения лингвистов, рассматривавших это языковое явление. Мы полагаем, что такие единицы должны быть включены в состав идиоматики языка, а фразеологизмы следует считать разновидностью идиоматичных единиц языка.

Исходя из того, что идиомами логично называть все идиоматичные единицы, В. М. Савицкий [3] предложил термины *фразеоматическая идиома* (= фразеоматизм, то есть идиоматичное сочетание слов нефразеологического характера), *фразеологическая идиома* (= *фразеологизм*) и *лексическая идиома* (= идиоматичное слово или лексико-семантический вариант слова). Эти термины гипонимичны термину *идиома*. Фразеологизмы отличаются от фразеоматизмов тем, что они носят тропеический характер, то есть имеют переносное (а не иное переосмысленное) значение, а от идиоматичных слов – тем, что они раздельнооформленны.

У фразеоматизмов и фразеологизмов компликативный семантический компонент представляет собой их неаддитивное (эмерджентное) свойство, возникающее в результате не только простого сложения, но и взаимодействия значений слов-компонентов. («Эмерджентность (от англ. *emergence* “внезапное появление”) – наличие у системного целого особых свойств, не присущих его подсистемам и блокам, а также сумме элементов, не объединенных системообразующими связями» [4].)

У фразеологизмов к числу эмерджентных свойств относится не только компликативный компонент значения, но и семантическая целостность, и переносный характер значения. Таковы особенности фразеологизмов среди идиоматичных единиц языка.

Примечания

1. Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка. Пермь: ПГПИ, 1975.
2. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 125–149.
3. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
4. ЭЭС – Экологический энциклопедический словарь / И. И. Дедю. Кишинев: Молдавская Советская энциклопедия, 1990. 406 с.
5. AHD – The American Heritage Dictionary of the English Language / A. H. Jost (ed.). Boston: Houghton Mifflin Co., copyright 2011.

Л. В. Молчкова

Международный институт рынка (г. Самара)

К вопросу о моделированности фразеологизмов

В статье обосновывается идея моделированности фразеологизмов, модели которых по степени алгоритмичности/эвристичности занимают промежуточное положение между моделями непереосмысленных сочетаний слов и уникальными структурами художественных тропов.

Ключевые слова: фразеологизм, моделированность, фразообразовательная модель, переменное сочетание слов.

С момента возникновения теории фразеологии в ее рамках стали ставиться фундаментальные вопросы, к числу которых относится вопрос о моделированности фразеологизмов. Существуют ли во фразеологическом фонде структурно-семантические модели или фразеологизмы не моделированы вообще?

А. В. Кунин дал определение структурно-семантической модели переменного сочетания слов: «...регулярное образование однотипных переменных сочетаний слов по... структурно-семантической схеме вокруг опорного знаменательного слова» [2, 76]. Как видим, А. В. Кунин противопоставлял фразеологизмы переменным сочетаниям слов по паре признаков [немоделированность :: моделированность]. В этом мы усматриваем логическое противоречие. С одной стороны, многие переменные сочетания тоже не моделированы. Таковы, например, многие авторские тропы (метафора Х. Мак-Диармида *the garden of unripe fruit* «юность»). С другой стороны, многие устойчивые сочетания слов моделированы (например, сочетание *space ship* построено по обычной модели *river ship, sea ship*, и т. д.). Таким образом, оппозиция «фразеологизмы :: переменные сочетания слов» не жестко коррелирует с оппозицией «немоделированные :: моделированные сочетания слов», а потому данное противопоставление неправомерно.

Зато правомерно противопоставление фразеологизмов непереосмысленным оборотам, ибо фразеологизмы, будучи переосмысленными, не конструируются по моделям непереосмысленных сочетаний.

Последователи А. В. Кунина всё же признавали структурно-семантическую моделированность фразеологизмов, при этом считая фразеологические модели «не порождающими, а описательными по своему назначению» [3, 37], потому что по ним невозможно точно предсказывать возникновение новых фразеологизмов [1]. Но В. М. Савицкий [4] доказал генеративный характер фразеологических моделей, отмечая, что они отличаются от генеративных моделей неперееосмысленных сочетаний слов.

На наш взгляд, ошибка многих фразеологов XX столетия состояла в том, что они исходили из априорного представления об однородности фразеолофонда. Между тем существование многочисленных примеров, подтверждающих противоположные точки зрения, свидетельствует о том, что фразеологический фонд неоднороден. Фразеолофонд занимает промежуточное положение между фразовым и лексическим уровнями языковой системы. Одни фразеологизмы – почти обычные сочетания слов, и по своим свойствам такие фразеологизмы тяготеют к вышележащему (фразовому) уровню. Другие фразеологизмы – почти слова, а их компоненты по своим свойствам близки к морфемам и даже фонемам. Они тяготеют к нижележащему (лексическому) уровню языковой системы. Между упомянутыми слоями фразеологизмов располагается ряд промежуточных слоев. Мы применяем дифференцированный подход к языковому материалу.

Фразеобразовательные модели бывают разных уровней абстракции и по этому признаку образуют иерархию. Чем абстрактнее модель, тем она более эвристична; чем модель конкретнее, тем ближе она к строгому алгоритму. Фразеобразовательные модели отличаются и от структур авторских художественных тропов. Это отличие состоит в том, что некоторые авторские тропы не предсказуемы вообще. На основе сказанного можно заключить, что по степени алгоритмичности/эвристичности фразеобразовательные модели промежуточны между моделями неперееосмысленных сочетаний и уникальными структурами художественных тропов (уникальные структуры не являются моделями [5, 40]). Они соответствуют жанрово-стилистическому канону фразеологии, в рамках которого в определенной пропорции совмещены ориентация на народную традицию и возможность индивидуального творческого самовыражения.

Примечания

1. Добровольский Д. О. Фразеобразовательное моделирование как прием сопоставительного анализа // Д. О. Добровольский, В. Т. Малыгина, Л. Б. Коканина. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков). Владимир: ВГПИ, 1990. С. 36–48.

2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. 336 с.

3. Михайлова Е. В. К проблеме фразеобразовательного моделирования // Семантика, прагматика, текст: сб. науч. тр. / МГПИИЯ. Вып. 290. М.: Моск. гос. ин-т ин. яз., 1987. С. 35–43.

4. Савицкий В. М. Проблема моделирования в английской фразеологии (на материале английских глагольных фразеологических единиц): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 425 с.

5. Уваров Л. В. Гносеологическая природа моделирования // Моделирование и познание: сб. науч. тр. Минск: Наука и техника, 1974. С. 17–34.

Особенности британского газетного текста с точки зрения функционирования различных типов текстовых включений

В статье рассматриваются особенности британского газетного текста с точки зрения функционирования в нем различных видов текстовых включений. Рассматривается спектр прецедентных текстов с учетом современных технологий и мультикультурализма.

Ключевые слова: включение, прецедентный текст, газетный текст, отсылка.

В данной статье рассматриваются особенности британского газетного текста с точки зрения функционирования в нем различных видов текстовых включений. Однако прежде необходимо определить, что такое текстовые включения в принципе.

Текстовые включения – широкое понятие, охватывающее реминисценцию, цитату, прямую и непрямую, и аллюзию. Для данной статьи нам принципиально обсуждать различия между ними, мы будем оперировать просто понятием «включение». Включение может быть дословным или практически дословным воспроизведением фрагмента прототипного текста, то есть текста-источника, а может быть лишь своеобразным «намеком» на существование прецедентного текста.

Итак, из вышесказанного можно сделать вывод, что для правильного восприятия включения читателю необходимы достаточные фоновые знания. Текстовое включение должно соотноситься с фактами или текстами, обладающими известностью у достаточно большого круга людей. В английской культуре большой известностью пользуются библейские сюжеты, а также тексты Шекспира. Отсылки на них широко представлены в британском газетном тексте.

С другой стороны, по объективным социальным и культурным причинам в наше время от читателя уже не ожидается, что он будет обладать знаниями об античной Греции или английской литературе XIX века. Даже знание Библии больше не является обязательным, в основном из-за распада непосредственной связи между государственным устройством и религией, уменьшения роли религии в государстве, а также превращения обществ в такие, в которых существуют различные культуры, религии и традиции и при этом все носители таких культур в широком смысле слова называются участниками одной культуры и членами одного общества, – с учетом развития иммиграции это особенно характерно для современной Великобритании.

Некоторыми исследователями даже высказывается мнение, что аллюзии постепенно умирают [1, 120; 2, 54]. Однако нельзя не отметить, что су-

ществуют фоновые знания, например в области национальной истории и культуры, которые обладают вневременной ценностью. Поэтому опасения насчет нежизнеспособности включений представляются преувеличенными, что подтверждается широким распространением текстовых включений в британской прессе.

В Великобритании чтение газет является в буквальном смысле ежедневным времяпрепровождением для огромного числа, если не большинства, грамотных взрослых людей. По данным, приводимым Танстоллом [3, 223], в конце XX века 85–90% взрослых в Великобритании читали национальную ежедневную газету как минимум один раз в неделю, и примерно 40% взрослых читали одну или более ежедневных газет один раз в день. Из приведенных статистических данных видно, что газетный текст в Великобритании является одним из самых популярных типов текста, и его насыщенность включениями делает необходимым рассмотрение особенностей газетного текста, которые и обеспечивают функционирование в нем включений, с одной стороны, и позволяют сделать вывод о характере включений, с другой стороны.

Во-первых, газеты в Великобритании читаются представителями абсолютно различных слоев общества. Во-вторых, в газетах содержится огромное разнообразие текстов на различные темы, написанных разными авторами для различных групп читателей, даже внутри одной газеты. Разнообразие типов текста и стилей внутри одной газеты пересекается с многообразием разновидностей английского языка [4, 173–174, 190]. Очевидно, что можно разграничить новостные статьи от неневостных, таких, как статья главного редактора, книжные обзоры, раздел, посвященный искусству, прогноз погоды, программа теле- и радиопередач, юмористический раздел, комиксы, гороскопы, колонка советов и т. д. [5, 5]. Такие разделы газеты, строго говоря, не могут быть отнесены к газетному стилю. Более того, их авторами зачастую не являются профессиональные журналисты (например, раздел писем читателей). Стилистически они очень отличаются друг от друга, с одной стороны, и сходны с другими видами текста, с другой стороны.

И отсюда вытекает то, что в-третьих, в связи с развитием современных технологий, в особенности с повсеместным распространением Интернета, все британские газеты на настоящий момент существуют также в виде интернет-версии, и неотъемлемой частью такой версии является наличие блогов. Необходимо отметить, что, хотя авторами блогов являются штатные/внештатные журналисты, сама идея подразумевает отклики читателей, при этом, как уже было сказано выше, читатели принадлежат к абсолютно разным слоям населения. Интересно также отметить, что если раньше блоги были принадлежностью исключительно Интернета, то сейчас некоторые из них присутствуют и в традиционной, печатной версии издания, и становятся, таким образом, частью газетного текста.

Очевидно, что некоторые включения, в особенности в художественном тексте, рассчитаны на очень образованного читателя. В газетном тексте та-

ких включений либо вообще нет, либо их количество несущественно. И это объяснимо, поскольку газетный текст рассчитан на самые широкие слои населения. Таким образом, мы можем выделить четвертую особенность газетного текста с точки зрения включений: функционирующие в нем включения должны быть узнаваемы большинством представителей речевого сообщества, в нашем случае – британского.

Кроме этого, в-пятых, хотя различные газеты направлены на различную читательскую аудиторию, эти аудитории зачастую пересекаются. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что указанные особенности газетного текста ограничивают спектр прецедентных текстов, к которым происходит отсылка при функционировании в таком тексте включения.

Примечания

1. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 2007.
2. Turner G.W. Stylistics. N. Y., 1973.
3. Tunstall J. Newspaper Power: the National Press in Britain. Oxford University Press 1996.
4. Crystal D., Davy D. Investigating English style. Indiana University Press 1969.
5. Van Dijk, Teun A. News as Discourse. Hillside, NJ, 1988.

Ю. А. Плотникова

Белгородский государственный университет (г. Белгород)

Роль метафоры в моделировании концепта INTEREST

В статье представлены некоторые особенности структуры концепта INTEREST. Особое внимание уделяется образному компоненту данного концепта. Рассматриваются метафорические модели как способ структурирования образного компонента и приводятся примеры языковой репрезентации некоторых метафорических моделей.

Ключевые слова: моделирование, концепт, образный компонент, языковая репрезентация, метафорическая модель.

Современная лингвистика развивается в русле когнитивной парадигмы языкового анализа, обращаясь к проблеме конструирования когнитивной деятельности человека через язык. «Язык человека всегда основывается на когниции, – отмечает Н. А. Кобрина, – т. е. ментальная деятельность и когнитивные процессы и механизмы должны отражаться в языке (и через него – в речи) на всех уровнях развития» [2, 5]. При этом роль языка в сознании и разуме человека заключается не только в том, что он фиксирует результаты процесса познания человеком действительности, номинируя различные ее фрагменты. Язык играет существенную роль в процессе дальнейшего построения концептуальной системы, который заключается в образовании новых смысловых структур путем манипулирования уже существующими в языке (вербализованными) концептами [6; 4; 2].

Вследствие этого исследование естественного языка позволяет выявить специфику формирования знаний человека о мире, создать определенные модели окружающей действительности – некие схематизированные конструкции, которые «замещают» более сложные и более трудно обозримые объекты, позволяя зафиксировать и, тем самым, лучше изучить наиболее важные свойства исходных объектов [1, 100].

Наиболее частотной когнитивной моделью выступает метафора. В традиционном подходе, который берет начало еще в трудах Аристотеля, метафора рассматривается как языковая характеристика, как перенос названия с одного предмета на другой на основании сходства. Появление новой научной парадигмы – когнитивной лингвистики – привело к тому, что изучение метафоры перешло на качественно новый уровень. Современные лингвисты подчеркивают, что метафора принадлежит не только языку, но и мышлению и деятельности: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [5, 24].

Тем самым в когнитивной лингвистике под метафорой подразумевается «концептуальная метафора» – когнитивный процесс, в основе которого лежит понимание одной области через призму другой. Метафоризация предполагает перенос из «области-источника» в «область-цель/мишень» тех когнитивных структур, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику. По сравнению с областью-целью область-источник обычно представляет собой более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью [5].

Настоящая статья посвящена описанию некоторых особенностей метафорического моделирования абстрактного концепта INTEREST, описывающего познавательный интерес. Исследование контекстов употребления репрезентантов данного концепта указывает на широкий диапазон метафорического уподобления. Так, в восприятии человека познавательный интерес часто предстает в образе живого существа, растения, стихий, вещества и предметов. Кроме того, концепт INTEREST может получать определенную пространственную ориентацию.

Чаще всего познавательный интерес структурируется метафорой 'интерес – живое существо'. На это указывают выявленные в содержании концепта витальные признаки – общие для живого мира особенности. Основанием метафорического переноса становится уподобление познавательного интереса определенным состояниям и этапам развития, присущим живому организму: рождение, смерть, дыхание, сон, питание, движение и т. д. Например: *My dormant **curiosity revives*** (Collins), *The wit of the improviser drew forth **sighs of interest and shouts of laughter*** (Dyke).

Антропоморфные признаки указывают на реализацию метафорической модели 'интерес – человек'. Данные признаки свидетельствуют о том, что познавательному интересу приписываются те же качества, что и человеку в целом. Интерес может испытывать определенные эмоции, ему свойственна

ментальная деятельность, он имеет характер, способен оказывать сопротивление и побеждать. Например: *Curiosity and distaste struggled in her mind, but curiosity won* (Maugham), *Indeed she was a woman gifted with a mild and patient inquisitiveness* (Burn).

Концепт INTEREST может быть представлен фитоморфными признаками, указывающими на концептуализацию познавательного интереса в терминах метафоры ‘интерес – растение’. Например: *Though not an easy plant to grow, it is a curiosity* (BNC), *...there was a frightened furtive seed of curiosity that grew slowly and stealthily...* (BNC).

Стихии являются устойчивыми образами для создания метафорических конструкций, использующихся с целью описания рассматриваемого концепта. Наиболее продуктивным в концептуализации познавательного интереса является образ огня. Сравнение с огнем наделяет интерес некой силой, энергией. Метафорическая модель ‘интерес – огонь’ может получать языковую экспликацию в примерах типа: *She is burning with curiosity to hear more* (Collins), *This astonished Tom, and also fired his curiosity to fever heat* (Twain).

Соотнесение познавательного интереса с веществом свидетельствует о реализации метафорической модели ‘интерес – вещество’. Познавательный интерес часто уподобляется взрывчатому веществу и жидкости. Например: *My curiosity burst from me in a flood of speech* (London), *So presently the girls were hard at it, Polly very humble and downcast, Fanny excited and overflowing with curiosity* (Alcott).

На функционирование метафоры ‘интерес – предмет’ указывает представление познавательного интереса в образе некоего физического объекта, который может иметь определенную температуру, размер или форму. Например: *Bulstrode had anything but a warm interest in his nephew Fred Vincy* (Eliot), *Shockley is a powerful man with a large interest in the Overlook...* (King).

Другим способом структурирования описываемого концепта в английском языковом сознании являются пространственные метафоры. Концепт INTEREST, уподобляясь пространству, может вмещать в себя человека и отдельные части его тела (голову, нос, глаза). Такое представление свидетельствует о концептуализации познавательного интереса в терминах метафорической модели ‘интерес – вместительное для человека’. Например: *I listened in curiosity to the noises behind the gate* (Radasky). Часто концепт INTEREST представлен в терминах метафорической модели ‘интерес – субстанция внутри тела человека’. Например: *‘You fill me with interest,’ said Holmes* (Doyle). Характерно также то, что познавательный интерес как положительное эмоциональное состояние направлен вверх, что указывает на реализацию модели ‘интерес – верх’. Например: *But when we had looked a bit longer our fears went down and our curiosity got up* (Nesbit).

Таким образом, ключевую роль в моделировании абстрактных сущностей играет метафора, позволяя познать сложные непосредственные ненаблюдаемые мыслительные пространства, соотнося их с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами.

Примечания

1. Беляевская Е. Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный подход vs когнитивный подход) // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 98–110.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. 123 с.
3. Кобрина Н. А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 5–10.
4. Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. С. 26–31.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
6. Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 289 с.

Н. А. Янькова

Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ)

Внутренний мир человека: концептуализация сокровенного метафорической моделью ДОМ в английском языковом сознании

В статье рассматриваются особенности концептуализации константы внутреннего мира человека «Сокровенное» посредством метафорического переноса INNERMOST – HOUSE в английском языковом сознании.

Ключевые слова: константа, концепт, концептуальная метафора, концептуализация.

Языковым материалом анализа концепта является слово, его выражающее, а также метафоры, метонимии, сравнения, фразеологизмы и паремии, в состав которых оно (слово) входит. Все эти языковые единицы Дж. Лакофф и М. Джонсон называют «концептуальной метафорой», которая определяется ими как способ думать об одной области через призму другой [1]. В метафорах концептуализируются представления о человеке и мире его переживаний. Метафорическая образность отражает способы концептуализации основных антропоцентрических констант в языке [2].

Теория концептуальной метафоры представляет интерес не только сама по себе, но и как средство проникновения в семантическую структуру абстрактной лексики [3]. Внутренний мир человека недоступен непосредственному наблюдению, это область абстракции метафизических ирреальных составляющих. Именно поэтому репрезентирующие его концепты обычно представлены в языке посредством метафор. Внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, поэтому основным источником психологи-

ческой лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах [4, 387].

Столкновение нетождественных смысловых спектров порождает качественно новую информацию, раскрывающую неизвестные ранее стороны содержания понятий, включенных в структуру метафоры. В этом постоянном переносе из одной сферы в другую не только проявляется гибкость человеческого разума – это необходимо для самого постижения действительности. Метафора является универсальным орудием мышления и познания мира [5].

Значимой характеристикой концептуальной метафоры является способность высвечивая одну сторону сущности метафоризируемого явления, одновременно скрывать другие (*hiding and highlighting*) [6]. Так, например, актуализация метафоры “INNERMOST – TREASURE” подчеркивает ценностный аспект явления, но не выявляет противоречивости его характера:

In his heart was the eternal treasure of a happy love, untarnished and spotless; it would be like a mirror of gold without alloy, bright and lustrous for ever (Machen).

В то же время метафора “INNERMOST – WAR” на первый план выдвигает боль, страдания, которые сокровенные переживания способны причинить человеку, скрывая их значимость и желанность:

Clasping his hands across his chest, he drooped his head low upon his bosom, while the trembling lip and dilated eye attested the violence of the struggle at work within his inmost soul (СОНА).

Поэтому концепты, как многомерные смысловые образования, как правило, структурируются более чем одной метафорой, каждая из которых высвечивает определенный аспект концептуализируемого смысла [7]. При изучении образной составляющей анализируемого концепта нами выявлен ряд концептуальных метафор, номинирующих INNERMOST в английском языковом сознании. Среди них наиболее распространенным является представление о сокровенном как о доме.

Человек являет собой физическое существо, ограниченное в определенном пространстве и отделенное от остального мира поверхностью кожи, наделенное способностью ориентации типа «внутри – вне». Эту ориентацию он мысленно переносит на другие физические объекты, ограниченные поверхностями. Тем самым они также рассматриваются как вместилища, обладающие внутренним пространством и отделенные от внешнего мира. К явным вместилищам относятся комнаты и дома. Сокровенное – это комната в самом центре сердца человека:

Huy felt the world close in on him. He seemed to be sitting at his own centre, in the innermost room of his heart, as he heard the words (BYU – BNC).

Дом может быть описан посредством признаков его частей. Сокровенное как дом имеет:

– внешнюю и внутреннюю сторону:

Jacob Worse had now entered upon an earnest struggle with the devil. By degrees it became evident to him that the evil one was always at work, both inside and outside his innermost heart (Kielland);

– дверь, которую можно открыть самому, а значит, поведать о своём сокровенном:

There is always something outside our universe. And it is always at the doors of the innermost (Lawrence);

– дверь, которая может быть открыта другими:

There are some people who think all doors ought to be open – always – even to the innermost rooms of one's soul – so that all the curious world may walk in and look about and see if he approves of what he finds there (COHA);

– окно:

She felt as if that handsome, predatory face were pressed against the very window of her inmost soul (Phillips);

– стены – выставляя напоказ свое сокровенное, говоря о нём вслух, человек может лишиться себя защиты, собственноручно уничтожив то, что является его основанием, опорой:

Do not expose your feelings or innermost thoughts in public. You are knocking down the walls of your house when you do (Post);

– ключ – храня сокровенное в тайне от других, его запирают на ключ:

... it places in your hands a key to their inmost thoughts (COCA);

...he was also locking so many of his innermost thoughts away (BYU – BNC);

– жителей:

Dorcas felt that the inhabitants of her inmost heart moved on with her, and that all else would be supplied wherever she might go (BYU – BNC);

– желанных и нежеланных гостей:

Dory Hargrave could without effort pass the barriers to any human heart, could enter in and sit at its inmost hearth, a welcome guest (Phillips);

...it would be an ill office in us to pay a visit to the inmost recesses of his mind (Fielding).

К сокровенному – дому ведет дорога:

She breathed a prayer beside the grave of the nameless waif that had won its way to the innermost recesses of her heart (Burrough).

В сокровенное, как в дом, можно:

– войти:

Was it true... the only entrance to the Innermost? (Lawrence);

Her look at her father, half admiring him and proud of him, half ashamed for him, all devoted and loving, went to his inmost heart (Dickens);

– проникнуть:

His eyes, richly green, bored into her as if with his gaze alone he could penetrate to her inmost secrets (COCA);

She said only a few kind words, but in a voice which seemed to penetrate the inmost depths of her heart (Ebers);

– заглянуть, подобно тому, как заглядывают в чьё-то жилище:

With another quick glance at them, and such a glance at me as seemed to look into my innermost thoughts (Dickens);

Has it helped the wily old creature to look into my inmost thoughts?
(Collins);

She looked steadily at the stranger, and he felt again in his inmost soul the gaze of those large brown eyes seen once before dilated with childish terror
(Potts).

Проникая туда, некоторые способны чувствовать себя как дома:

What was she doing trying to walk into his innermost soul and make herself at home? (СОСА).

В сокровенном уголке сердца, как в доме, можно зажечь свечку, что является выражением надежды и успокоения:

...it also lit a tiny candle in the innermost chamber of my heart (СОСА).

Проведенный анализ свидетельствует о яркой метафоричности сокровенного, актуализируемой во множестве образов, которые формируют представление о сокровенном как о доме. Это подтверждает целостность внутреннего мира человека и значимость сокровенного в жизни каждого индивида.

Примечания

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 246 p.

2. Калашникова Л. В. Роль метафоры в концептосфере модели мира // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 авг. 2006 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. Вып. 8. Кемерово: КемГУ. С. 505–509 (Серия «Концептуальные исследования»).

3. Кобозева И. М. *Лингвистическая семантика: учеб. пособие*. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

4. Арутюнова Н. Д. Введение // *Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке*. М.: «Индрик», 1999. С. 3–10.

5. Грузберг Л. Концептуальная метафора // *Филолог*. 2004. № 5. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_5_101 [назв. с экрана].

6. Evans V., Green M. *Cognitive linguistics. An introduction*. Edinburgh University Press Ltd, 2006. 830 p.

7. Brederode T. *Collocation restrictions, frames and metaphors*. Amsterdam, 1995. 155 p.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Д. А. Киселёв

Самаркандский государственный институт иностранных языков
(г. Самарканд)

Осмысление эллиптированного глагола в условиях ситуативного эллипсиса

В статье на материале французского языка рассматривается возможность осмысления эллиптируемого глагола в условиях ситуативного эллипсиса. Представление коммуникативной ситуации в виде сценария позволяет актуализировать все речевые единицы, в том числе и невербализованные.

Ключевые слова: ситуативный эллипсис, когнитивный сценарий (скрипт), глагольная репрезентация, вербализованный/невербализованный элемент.

Среди вопросов, связанных с функционированием эллиптических конструкций в речи, вопрос осмысления (восстановления) эллиптированного элемента является, пожалуй, ключевым.

Большинство исследователей указывает, что эллипсис тесно связан с имплицитным выражением, которому противопоставляется выражение эксплицитное, ср. «Имплицитное (косвенное) выражение языковых единиц – есть идеальное присутствие языковой единицы в предложении, рассчитанное на ее мысленное восстановление читающим, подготовленное наличествующими членами из его окружения» [1, 14].

Коммуникативная концепция [2; 3] рассматривает эллипсис как один из компонентов категории имплицитности, как специфический способ выражения смысла посредством разнообразных языковых форм, как закономерное средство осуществления языкового взаимодействия, как универсалию. Среди основных принципов коммуникативной концепции следует выделить следующие положения: эллипсис является имплицитным знаком; эллипсис обнаруживается в речи, хотя условия его реализации заложены в языковой системе; эллипсис – это факультативное отсутствие какого-либо элемента высказывания, который всегда может быть воспринят за счет контекста или ситуации [4, 58].

Изучение эллипсиса с учетом семантического и структурного аспектов, взятых в единстве, показывает, что эллиптические высказывания в принципе не сводимы к каким-то определенным, формализованным моделям. Данные коммуникативные единицы обладают таким семантическим потенциалом, что возможным становится их употребление даже без формальных показателей, и это подтверждает их самостоятельную коммуникативную ценность. По мнению И. В. Арнольд [3, 84], эллиптические высказывания

возможно различить и еще по одному дифференциальному признаку – однозначность/неоднозначность восстановления. Однозначность восстановления при эллипсисе обуславливает отсутствие приращения логико-предметной информации, но при этом может иметь место информация второго рода, поскольку присутствует стилистическая маркированность, возможны эмфаза, окказиональные стилистические функции при речевых характеристиках.

Среди множества существующих принципов классификации эллиптических конструкций наиболее обоснованной, на наш взгляд, является классификация по источнику восстановления [5; 6]. Такой подход позволяет выделить следующие виды эллипсиса: контекстуальный, ситуативный, фразеологический, а также эллиптические предложения, в которых проявляется синкретизм восполняющих элементов.

При контекстуальном эллипсисе восполнение происходит в основном из макроконтекста, т. е. контекста, «окружающего» данную предикативную единицу – контекста сложного синтаксического целого.

В ситуативном эллипсисе восполнение происходит за счет обстановки коммуникативного акта, пресуппозиции, общего социального опыта говорящих и т. д.

Эллипсис фразеологический – это восполнение из внутреннего контекста (микроконтекста) предикативной единицы с незамещенной синтаксической позицией, осуществляемое за счет валентных показателей наличных членов предложения.

В некоторых эллиптических предложениях проявляется синкретизм восполняющих факторов, характерный как для диалогической, так и для монологической речи.

Остановимся более детально на проблеме восстановления в условиях ситуативного эллипсиса. В данном случае выделяют: 1) стационарные структуры, т. е. типизированные конструкции разговорной речи, которые, будучи целостными построениями коммуникативного характера, закреплены за определенной высокочастотной ситуацией; и 2) нестационарные структуры – конструкции, не связанные с повторяющимися типическими ситуациями, свободно создаваемые в речи, а не воспроизводимые как целостные синтаксические построения коммуникативного характера. При неизвестной конси-туации допускается множественность осмыслений [7, 22].

Второй подвид ситуативного эллипсиса охватывает потенциально безмерное количество свободных ситуаций коммуникации, в ходе которых производятся (а не воспроизводятся) эллиптированные конструкции, понимание которых происходит исключительно при обращении к ситуации. В данном случае мы полагаем, что речь идет о совпадении коммуникативной и референтной ситуации. Совпадение относится как к временным, так и к пространственным отношениям, следовательно, возможным становится прямое указание на объект или действие без обязательной отсылки к их вербальному выражению (последнее является обязательным условием реализации анафорических элементов). Применительно к глагольному эллипсису это означает,

что ситуативный эллипсис позволяет осуществить непосредственное указание на действие, разворачивающееся в действительности, но вербально не выраженное.

Рассмотрим фрагмент текста, в котором глагол, выражающий действие, эллиптирован, и попытаемся разработать способ его адекватного осмысления (восстановления), ср.:

Gilles pêchait. Ou plus exactement, il regardait avec nonchalance Florent offrir avec mille ruses des asticots dégoûtants à des poissons plus malins que lui. Il était près de midi, il faisait chaud, ils avaient enlevé leurs chandails et, pour la première fois depuis longtemps, une sorte de bien-être envahissait Gilles. L'eau était d'une clarté étonnante et, allongé à plat ventre, il regardait les cailloux ronds au fond et la ronde enchantée des poissons qui se jetaient sur l'hameçon de Florent, en décrochant délicatement l'appât et repartaient ravis tandis que son beau-frère ferrait le vide d'un coup sec avec un énorme juron.

Tes hameçons sont trop gros, dit Gilles.

Ils sont faits exprès pour les goujons, dit Florent, furieux. **Essaie** toi-même, au lieu de ricaner.

Non merci, dit Gilles. Je suis très bien ici comme ça [8, 60].

Действия одного из персонажей очевидны: Флоран удит на удочку, за ним наблюдает другой участник коммуникативной ситуации, Жиль. Совершаемое действие не озвучивается ни тем, ни другим, но приковывает их общее внимание. Замечание Жилия о том, что рыболовные крючки Флорана слишком велики ("Tes hameçons sont trop gros, dit Gilles"), вписано в ситуацию и имплицитно объясняет, почему рыба срывается с крючка. Однако эта часть реплики остается невысказанной. Ответ Флорана, который предлагает Жилью самому попробовать, а не посмеиваться ("**Essaie** toi-même, au lieu de ricaner"), также целиком опирается на ситуацию. Глагол *essayer* указывает на действие – ловля рыбы на удочку, – но не называет его. Следовательно, глагол, обозначающий само действие, остается не вербализованным, т. е. эллиптируется, но при этом адекватно осмысливается как самими участниками коммуникативной ситуации, так и читателями.

Нам представляется возможным раскрыть механизм осмысления невербализованного глагола в условиях ситуативного эллипсиса посредством когнитивного подхода, в частности путем рассмотрения ситуации сквозь призму когнитивного сценария (скрипта), являющегося динамическим вариантом фрейма (концепта). Сценарий (скрипт) определяется, как «последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и в пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов: посещение кино, поездка в другой город, посещение ресторана, поликлиники, драка, игра, экскурсия» [9, 119]. Отметим, что большинство ситуаций, в которых оказывается человек, носят стереотипный характер, следовательно, и поведение и речь в данном случае стереотипизированы.

Приведенный выше отрывок текста может быть представлен как реализация сценария «рыбалка». Именно так и идентифицируется читателем описанная сцена. Представим ее в виде схемы сценария:

Сценарий рыбалки

[Florent pêche]

Florent **offre** des asticots à des poissons ⇒ les poissons **se jettent** sur l'hameçon ⇒ les poissons **décrochent** l'appât ⇒ les poissons **repartent** ⇒ Florent **ferre** le vide ⇒ Florent propose d'**essayer** [de pêcher]

Полужирным шрифтом выделены глаголы, вербализующие происходящие действия, в скобки заключены невербализованные в данной коммуникативной ситуации глаголы. Сцена рыбалки представлена в тексте последовательно-линейно, что позволяет читателю безошибочно идентифицировать ситуацию и соотнести ее со стереотипизированным представлением таким образом, что центральное действие – *pêcher* – адекватно осмысливается (восстанавливается), не будучи при этом вербализованным в тексте. Отметим, что восстановленный глагол неоднозначен, т. е. его вербальная форма может варьироваться в известных пределах. Отсутствие вербального выражения глагола в тексте позволяет участникам коммуникативной ситуации, в том числе и читателям, мысленно вербализовать его посредством любой единицы синонимического ряда.

Подчеркнем, что важной особенностью коммуникативных ситуаций, которые могут быть представлены как сценарии, является их стереотипность. Та или иная ситуация воспринимается адекватно благодаря тому, что она узнаваема, что обеспечивается наличием ключевых слов и тем, а также определенной – стереотипной – последовательностью действий. Знание ситуации предполагает знание ее отдельных этапов, их последовательности, а также возможных изменений в ходе реализации той или иной ситуации. Стереотипность ситуации подразумевает не только «запрограммированность» действий ее участников, но и предсказуемость их речевых актов. Коммуникативную ситуацию, принимая во внимание и экстралингвистические факторы, следует рассматривать как реализацию соответствующего сценария, знакомство с которым обеспечивает понимание всех речевых актов, в том числе и эллиптированных.

Примечания

1. Веденина Л. Г. Французское предложение в речи. М.: Высш. шк., 1991.
2. Нефедова Л. А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации. Челябинск, 2001.
3. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк., 1991.
4. Сирота Е. В. Эллиптические предложения и проблема их изучения // Актуальные вопросы русской словесности. М.: «Старая площадь», 2009.
5. Бархударов А. С. Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 1964.
6. Дари А. С. Импликация, эллипсис и другие смежные явления. Кишинев: Штиинца, 1986.

7. Кондрашова Д. С. Лингвистическое обеспечение процедуры извлечения имплицитной информации при проведении семантических экспертиз: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2010.

8. Sagan F. Un peu de soleil dans l'eau froide. Pocket, 1999.

9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ – Восток-Запад, 2007.

А. Р. Копачева

Челябинский государственный университет (г. Челябинск)

Особенности актуализации концепта «белый цвет» (“blanc”) в составе французских паремий

Данная статья является частью исследования особенностей репрезентации концепта «белый цвет» (“blanc”) в лингвоцветовой картине мира. На материале французских паремий рассматриваются основные символические, переносно-метафорические и культурные составляющие данного концепта.

Ключевые слова: картина мира, концепт, паремии французского языка.

Культурная специфика этноса находит свое отражение в различных картинах мира, одной из основных функций которых являются категоризация и классификация человеческих ощущений и знаний.

Наиболее ярко такая специфика проявляется в языковой картине мира, которая представляет собой целостный, глобальный образ мира, являющийся результатом всей духовной деятельности человека в ходе его контактов с миром [1, 13].

Сочетание взаимосвязанных семиотических воплощений информации реализуется в конкретных символических системах, куда входит и система цветообозначений. Языковая цветовая символика является оформлением цветовых концептов и одновременно представляет собой содержание по отношению к вербальному уровню (цветообозначениям).

Концепт «белый цвет», являющийся понятием белого цвета с потенциально заложенной возможностью развивать эстетические и символические нецветовые смыслы, выступает одной из основных единиц лингвоцветовой картины мира.

Символические значения концепта «белый цвет» тесно связаны с мифологической, религиозной, народной и поэтической символикой. Во многих культурах белый цвет традиционно считается символом чистоты, света, добродетели и целомудрия; с другой стороны, он является древнейшим цветом траура, успокоения, отказа от цветов, олицетворяющих жизнь.

Символика белого цвета отражает глубоко укоренённые в народном сознании цветовые универсалии, представляющие собой устойчивые, заданные культурной традицией семантические характеристики белого цвета, ко-

торые, выражая национально-культурное и национально-языковое своеобразие определённого народа, достаточно наглядно эксплицируются в паремииологии.

Еще в античности философы Цицерон, Платон, Аристотель исследовали пословицы и поговорки по морфологическому составу и с точки зрения риторики. На протяжении истории паремии изучались отечественными и зарубежными учеными с различных позиций. По морфосинтаксическому составу их исследовал Алан Дундес; по значению – Т. З. Черданцева; по тематическому составу – Г. Л. Пермяков, С. Д. Мастепанов, Франчески Темистокле, Адриана Дзеппини Болелли; с формальной точки зрения – Арчер Тейлор.

Паремии – это прежде всего трудовой, нравственный и художественный опыт поколений, сжатый в мудрые изречения и образные выражения. Пословицы и поговорки заключают в себе житейскую, практическую философию, которая служит для отображения сложности и противоречивости бытовой, социальной и политической жизни народа, они являются наследием любой культуры.

Пословица является малой формой народного поэтического творчества, она имеет форму короткого ритмизованного изречения, несущего обобщённую мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном. Пословица понимается также как короткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм [2, 568]. Поговорка же, в свою очередь, является кратким устойчивым выражением, преимущественно образным, не составляющим, в отличие от пословицы, законченного высказывания [2, 530].

В паремиях могут концептуализироваться феномены психики человека, чувства, некоторые социальные понятия, объекты, занимающие определенное пространственное положение, глобальные феномены, такие, как жизнь и смерть и т. д. Как следствие, практически все они получают дополнительное положительное или отрицательное значение.

В основе концептуализации белого цвета в составе паремий лежат элементарные смыслы, восходящие к первичному процессу осознания человеком окружающего мира, т. е. имеющие отношение к мифопоэтической модели мира, которая, потеряв своё доминирующее положение, присутствует в модели мира современного человека.

Среди особенностей французских паремий, включающих концепт «белый цвет» (“blanc”), можно выделить несколько основных групп.

Первая группа представляет собой паремии – «народные приметы», выражающие в основном нейтральное значение концепта:

– *La lune pâle fait pluie et tourmente; l'argentine, temps clair; et la rougeâtre, vente* (*Бледная луна предвещает дождь и бурю; серебристая – ясную погоду; красноватая – ветреную*). По цвету луны и солнца люди часто предсказывали погоду.

– *Lune jaune ou rousse, pluie à vos troussees* (*Жёлтая или рыжая луна – к дождю*). Если луна не белого цвета – жди непогоды или дождя.

– Soleil rouge promet de l'eau, et soleil blanc fait le temps beau (*Красное солнце предвещает дождь, белое солнце – хорошую погоду*).

– Quand les pompiers montent à Saint-Quentin, c'est qu'il pleut le lendemain (*Белые облака плывут к Сент-Квентину – завтра будет дождь*).

– Mouches noires à Noël, mouches blanches à Pâques (*Чёрные мухи на Рождество – белые на Пасху*). Если на Рождество тепло, на Пасху выпадет снег (белые мухи – хлопья снега).

– Vert Noël, blanches Pâques (*Зеленое Рождество – белая Пасха*).

– Quand Mardi gras est de vert vêtu, Pâques met des habits blancs (*Когда на Масленицу зелено, на Пасху бело*).

– Le papillon blanc annonce le printemps (*Белая бабочка предвещает весну*). Когда показываются белые бабочки, скоро придет весна.

– La gelée blanche passe sous la planche (*Белое желе течёт под доской*). Когда очень холодно, вода замерзает и течет как желе.

– Décembre aux pieds blancs s'en vient, an de neige est an de bien (*Декабрь белой поступью уходит, снежный год добро принесет*). Эта поговорка говорит о том, что холодный и снежный декабрь благоприятно скажется на росте растений весной, а следовательно, и на будущем урожае.

– Si la Saint-Antoine a la barbe blanche, il y aura beaucoup de pommes de terre (*Если у Святого Антония белая борода, осенью уродится много картофеля*). 17 января – день Святого Антония; если в этот день выпадет снег, урожай картофеля будет богатым.

Вторая группа паремий выражает положительную оценку, представленную основным актуальным признаком чистоты, невинности, мудрости и т. д.:

– On ne peut pas peindre du blanc sur du blanc, du noir sur du noir (*Невозможно рисовать белым по белому и чёрным по чёрному*). Пословица говорит о том, что каждый человек нуждается в другом, чтобы раскрыть себя.

– Tête de fou ne blanchit jamais (*Голова глупца никогда не седеет*). Глупец никогда не взрослеет, он всегда остается ребенком. Седые волосы здесь означают опыт и мудрость.

– Les mains noires font manger le pain blanc (*Чёрные руки пекут белый хлеб*). Если много работать, можно хорошо есть.

– Haïssez un chien, dites que ses dents sont blanches (*Ненавидите собаку – скажите, что у неё белые зубы*). Пословица говорит о том, что нужно признавать достоинства своих врагов.

– La parole des vieux est de la crotte d'hyène: fraîche, elle est noire, puis elle blanchit (*Слова стариков – как помет гиены: свежий он чёрный, потом белеет*). Пословица говорит о том, что правда никогда не бывает сразу приятна и лишь позднее становится очевидна.

– Les corbeaux ont beau se plonger dans l'eau, cela ne les blanchit pas (*Вороны купаются, но это не делает их белыми*). Здесь говорится о том, что, сколько не старайся, истинную свою природу не изменишь.

– Le savon est gris, mais il lave blanc (*Мыло серо, да моет бело*). Пословица говорит о том, что внешность никак не влияет на внутренние качества человека.

– Muraille blanche, papier de fol (*Белая стена – бумага для дурака*). Пословица высмеивает любителей порисовать на стенах.

– L'encre la plus pâle vaut mieux que la meilleure mémoire (*Самые бледные чернила лучше, чем самая превосходная память*). Пословица говорит о том, что всегда эффективнее записать, чем просто запомнить.

Кроме положительного содержания концепта «белый цвет», во французских паремиях существуют и дополнительные отрицательные признаки:

– Noir terrain porte grain et bien, le blanc terrain ne porte rien (*Чёрная земля несет зерно и богатство, белая земля – ничего*). На земле насыщенного цвета больше шансов увидеть растения. Белый цвет выражает пустоту, отсутствие жизни.

– Parois blanches, parois fendues (*Белые стены – потрескавшиеся стены*). Не нужно судить по внешнему виду. Здесь, несмотря на то, что белый цвет выражает чистую, новую окраску стен, говорится о том, что она может лишь маскировать дефекты, пороки.

– Même le lilas blanc a une ombre (*Даже у белой сирени есть тень*). Не бывает людей, абсолютно невинных и чистых. Каждый человек свят настолько, насколько может казаться.

– Mains blanches aiment le travail d'autrui (*Белые ручки любят чужой труд*). «Белые ручки», несмотря на свое значение чистоты и ухоженности, имеют отрицательную коннотацию – речь идет о знатных людях, которые не любят работать.

– Nulle laine n'est si blanche qu'une teinture ne puisse la noircir (*Нет такой белой шерсти, которую бы не запачкала краска*). Какими бы безупречными мы ни были, всегда можно попасть под дурное влияние.

– Au premier jour de mai, blanche gelée tue les fruits de l'année (*В первый день мая белый иней убивает урожай года*). Белый иней, заморозки весной здесь символизируют потери и смерть.

– Tout ce qui est blanc n'est point farine (*Мука – это не всё, что бело*). Не следует судить по внешности. Не всегда то, что внешне красиво, таково же внутри.

– Après la fête, le fou en blanc reste (*После праздника дурак в белом остается*). В меняющемся мире только глупцы не развиваются.

– Quand la colombe fréquente le corbeau, ses plumes restent blanches, mais son cœur devient noir (*Когда голубка любит ворона, ее перья остаются белыми, зато сердце становится чёрным*). Речь идет о дурном влиянии, незаметном внешне, но разлагающем душу.

– Le cheveu blanc est un message de la mort (*Седой волос – весточка от смерти*). Мрачный юмор данной пословицы говорит о том, что старость приближает нас к смерти.

Таким образом, следует отметить, что в составе французских паремий прямое цветковое, переносно-метафорическое и символическое значения

концепта «белый цвет» (“blanc”) взаимодействуют, нередко создавая амбивалентность и диффузность семантики, что объясняется актуализацией оценочных коннотаций и символических значений.

Положительное значение представлено следующими составляющими концепта «белый цвет»: чистота, богатство, хорошая репутация, благородство, трудолюбие, невинность, честность, красота, седина как признак мудрости и т. д.

Отрицательное значение эксплицирует пустоту, седину как признак приближающейся смерти, смерть, плохое содержание красивой оболочки, плохое состояние дел.

Следует отметить, что наше исследование французских паремий показало, что нейтральное, положительное и отрицательное значения концепта «белый цвет» (“blanc”) в количественном соотношении примерно равны. Заметим также, что белый цвет, не несущий цветовой характеристики, занимает одно из прерогативных положений в символизации цветковых понятий и развивает необычайно широкий спектр добавочных нецветовых значений.

Примечания

1. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: материалы II Междунар. конф. 12–14 мая 1999. Ч. 3. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. С. 6–13.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1997. 955 с.

3. URL: www.e-frenchtranslation.com/.../proverbes_

РУССКИЙ ЯЗЫК. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. В. Вдовиченко

Сургутский государственный университет ХМАО – Югры (г. Сургут)

Идеологема «порядок» в контексте политической жизни современной России

В статье идеологема рассматривается как особый лингвокогнитивный феномен. Также уделяется внимание вопросу специфики употребления идеологема «порядок» в современном российском политическом дискурсе, устанавливается зависимость данного употребления от аксиологических характеристик партийных установок.

Ключевые слова: идеологема, политический дискурс, порядок, аксиологичность.

В настоящее время существует несколько подходов к изучению идеологема как лингвокогнитивного феномена. Традиционный подход определяют как лингвистический, в его рамках разграничивают узкий (лексикологический) (А. Э. Долгирев, С. А. Журавлев, Н. А. Купина, Т. А. Кутенева, О. Е. Чернова, А. П. Чудинов и др.) и широкий (семиотический) (В. В. Барсукова, Г. Ч. Гусейнов, Н. И. Клушина, Е. Г. Малышева, Е. А. Нахимова и др.) подходы. В последние годы активно разрабатывается «когнитивно ориентированный» подход (Н. И. Клушина, А. А. Мирошниченко, Е. Г. Малышева, Е. А. Нахимова и др.).

При когнитивном подходе «идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологема репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реальность» [1, 194]. В настоящей статье идеологема определяется как особая когнитивная единица, придающая установленную идеологическую нагрузку, окраску конкретному событию, факту, действию и имеющая повышенную степень аксиологичности, характеристики которой зависят от идеологических позиций, предписаний и партийных установок.

Партийные лидеры, представители различных партий и движений выражают свое отношение к порядку в современной России, что находит отражение в партийных программах и документах, анализ которых привлекает современных исследователей (Бабаева, 2008; Гаврилова, 2003). Многие известные российские политические деятели применяют идеологему «порядок» в своих высказываниях, оказывая несомненное влияние на формирование общественного мнения и общественного сознания. Следует отметить,

что смысловое содержание исследуемой идеологемы понимается сторонниками различных политических взглядов совершенно по-разному, что обусловлено различными идеологическими и аксиологическими установками.

Один из создателей и идеологов партии «Единая Россия», заместитель председателя Правительства Российской Федерации – руководитель аппарата Правительства Российской Федерации Владислав Сурков считает, что порядок в стране следует устанавливать демократическими методами: «Демократия – это власть, это сила и **порядок**, а не бессилие, каша и **беспорядок**. И поэтому демократическое государство не должно быть беззубым и неэффективным, оно должно эффективно решать проблемы и эффективно бороться за сохранение демократических институтов» [2, 3].

Данную точку зрения разделяет координатор Государственно-патриотического клуба «Единой России», член Президиума Генсовета партии Ирина Яровая: «Укрепление государственных институтов являлось условием упрочения суверенитета страны и защитой демократических свобод граждан. Слабое государство не в состоянии защищать граждан. Мы прекрасно помним истерику либеральных деятелей, которые критиковали все и вся, а на самом деле отрабатывали гранты на ослабление государственности. Хаос и **беспорядок** вопреки желаниям этих деятелей в нашей стране системно заменялись на конституционный федерализм, **порядок** в широком аспекте. Стоит напомнить, что наряду с созданием федеральных округов и введением института полномочных представителей президента, что оказалось своевременной и эффективной мерой, были начаты системные преобразования по развитию гражданского общества и политической системы страны» [3].

В данных примерах делается акцент на использовании семантической оппозиции «порядок – беспорядок», что усиливает ее идеологическую значимость.

Политический дискурс оппозиционных партий содержит достаточно большое количество критических замечаний относительно порядка в стране, определяемого курсом партии «Единая Россия». В сентябре 2009 г. на сайте www.gazeta.ru была опубликована статья президента Российской Федерации Дмитрия Медведева «Россия, вперед!», которая стала темой обсуждения на «круглом столе», проведенном представителями Кемеровской областной администрации с лидерами политических партий и движений 17 сентября 2009 года. Координатор отделения Кемеровского регионального отделения ЛДПР Дмитрий Савельев, критикуя антикризисную политику властей, задал справедливый вопрос: «Что вам (очевидно, имея в виду смычку власти и партии “Единая Россия”) еще нужно?! У партии власти есть все: и президент, всемерно поддерживающий “ЕдРо”, и премьер, руководитель этой самой партии, и ручной Совет Федерации, и большинство в Госдуме, и губернаторы, и депутаты всех уровней... Что вам мешает навести **порядок** в стране и поднять экономику?» [4]. Координатор Липецкого регионального отделения ЛДПР Максим Халимончук высказывается более радикально: «“ЕР” – декоративное растение, возвращенное в кремлевских “парниках”. Декоратив-

ное потому, что тоже никаких плодов не приносит. Если у КПСС была мощная идеология, армия, промышленность, наука, то у “ЕР”, кроме имени Путина и касты чиновников, вообще ничего нет. Поэтому и ее век недолог: она живет, только пока для нее поддерживаются тепличные условия. Так что если сегодня мы пока еще находимся в оппозиции, то завтра уже у нас будет достаточно сил, чтобы с корнем вырывать “сорняки”, даже если они растут в кремлевских “теплицах”. Я уверен, что мы наведем **порядок** в стране и сделаем Россию великой державой, потому что лучшего “селекционера”, чем народ, не существует» [5]. Критические замечания относительно порядка в современной России, равно как и представления о том, каким он должен быть, высказываются также представителями КПрФ. Геннадий Зюганов считает, что объективная реальность России сегодняшней отражает насущный социально-политический запрос большинства граждан, включая наиболее активную часть общества. «Этот запрос, прежде всего, заключается в требовании **социальной справедливости и порядка – порядка** в интересах большинства, а не в интересах чиновничества и олигархии» [6]. КПрФ настаивает на модернизации страны. «Модернизации не на словах, а на деле, которая должна быть проведена не в интересах чиновничьих и олигархических кланов, а в подлинно национальных интересах. Модернизации, в основе которой – **порядок**, справедливость, твердые социальные гарантии, национализация ключевых сфер российской экономики и изгнание из нее олигархии, строжайший контроль над бюрократией, над чиновничеством и неотвратимость наказания для тех, кто его заслуживает: коррупционеров, взяточников, тех, кто пренебрегает обязанностью служить народу и “конвертирует” эту обязанность в личный бизнес» [6]. Противопоставляя свои взгляды позиции «Единой России», КПрФ упрекает партию власти в том, что она, лишая общество возможности утвердить свои потребности, свою волю законными средствами, способствует тому, чтобы социальное недовольство и народный гнев переплавились в революционную энергию, сокрушающую **порядок**, который становится для народа невыносимым.

Жесткой критике со стороны оппозиционных партий подвергается партия «Единая Россия» за свою неспособность покончить с коррупцией в стране. «Единороссы говорят, что Бог с ней, с коррупцией, лишь бы **порядок** навести, но я считаю, что никакого **порядка**, при том, что **беспорядок** наводят коррупционеры, никогда не будет. А будет еще больше **беспорядка**» [7].

Таким образом, представители партий неодинаково понимают, что такое порядок и его отсутствие. Результаты исследования показывают, что в политическом дискурсе лидеров и представителей партии «Единая Россия» **порядок** в современной России отождествляется со стабильностью, созиданием, дальнейшим экономическим развитием, сохранением демократических институтов, конституционным федерализмом. Политический дискурс КПрФ в определении **порядка** апеллирует к такой высшей человеческой ценности, как справедливость, критикуя партию власти за отсутствие социальной справедливости в стране и обществе, а значит, за отсутствие порядка. ЛДПР демонстрирует приверженность закону и спокойствию в стране.

Следовательно, в идее порядка реализуется представление об определенных предписаниях (идеологических, политических, социальных), регламентирующих жизнь общества, что корректирует культурный сценарий ценности порядка в русском сознании. Языковая картина мира русского человека включает в себя порядок «сверху», когда кто-то, кто находится на вершине пирамиды власти, знает, каким должен быть порядок, отсюда у русского человека упование на «доброего барина», «царя-батюшку», «мудрого правителя», «президента, который наведет порядок» и неверие в то, что что-то зависит от человека «с улицы». В подтверждение данного тезиса приведем слова социолога «Левада-Центра» Бориса Дубина: «К возможности индивидуальной свободы россияне ещё не привыкли. У нас страна, в которой до 80% взрослых людей населения признаются, что не управляют собственной жизнью. Больше 60% не знают, что с ними будет в ближайшее время. В России годами воспитывался такой тип человека – малоинициативный, склонный, скорее, ускользнуть от реальности, чем вступить с ней в какие-то отношения. Есть, конечно, и другие, но, к сожалению, это исключения. Их число на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов было практически неизменно – всего 7–8%. Большинство не считают себя хозяевами собственной жизни. Мы пока не выработали позитивных направляющих ценностей, идеалов» [8, 108].

Но в декабре 2011 г. в политической жизни России произошли серьезные изменения, гигантская общественная трансформация: сначала послевыборные протесты, затем митинги на Болотной площади и «Марши миллионов» – все это переросло в активное протестное оппозиционное движение со своими лидерами и идеологами. Совершенно очевидно, что оппозиция в нашей стране представляет собой не что иное, как реакцию на существующие в стране социальные проблемы, недостаточное участие народа в политическом процессе, препятствование власти проведению свободных и справедливых выборов. В сетевых СМИ, в социальных сетях, в блогосфере и на различных форумах не утихает полемика по поводу причин и перспектив протестного оппозиционного движения. Так, к примеру, появился термин «поколенческий протест», который впервые произнесла Ксения Собчак и идею которого развивает президент Института современной России Павел Ходорковский. «Именно при Владимире Путине – за первые 12 лет XXI столетия – в России сформировалось качественно новое поколение. И речь не просто о возрасте. Это поколение смогло – может быть, впервые за всю российскую историю – благодаря открывшимся свободам информации (это понятие шире и глубже “свободы слова”, особенно при новом уровне развития телекоммуникаций) и перемещения выйти ментально и творчески из-под тотального контроля государства. Смогло узнать, что такое Европа, европейские ценности и **европейский порядок**, который мы научились уважать. Но этот **порядок** строится еще и на том, что гражданин принимает законы и правила – как писанные, так и неписанные – добровольно. И подчиняется им не потому, что боится наказания, а в силу внутренней убежденности. Наш поколенческий

подход прост и ясен. Он состоит в том, что мы уже понимаем, что не человек для государства, а государство для человека; что у демократии масса недостатков, но лучшей общественно-политической системы нет; что для нормального управления государством нужны не какие-то исключительные гении и гиганты, обладающими сакральными, недоступными простым смертным знаниями-умениями, а стабильные институты, работающие всегда – кто бы конкретно ни стоял у руля страны. Это свободно избираемый парламент, суд, подчиняющийся только закону, местное самоуправление, реально независимое от органов госвласти и т. п.» [9]. С ним не согласен блоггер Назир Евлоев: «Считаю, что мы, как Евразийская цивилизация, должны создать альтернативный западному, американскому и прочему, **мировой порядок**. У нас должен быть многополярный мир, который по определению будет состоять из нескольких основных полюсов, не распространяющих свое влияние друг на друга». [10].

Не утихают споры по поводу порядка в стране и среди оппозиционных партий. Лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский в дискуссии по поводу того, что произойдет в стране, если националисты или коммунисты вместо того, чтобы дать людям свободу, справедливость и уважение, будут опять устанавливать какой-нибудь свой «порядок», утверждает: «Если коллапс власти произойдет в отсутствие политически ответственной демократической альтернативы, то ее обломки, как это уже бывало в нашей истории, упадут в руки самым безответственным силам. И тогда мы с большой вероятностью увидим истинное лицо коммунистов, а националистический тренд примет крайне опасные, насильственные и разрушительные для страны формы. Надо создавать альтернативу – нравственную политическую силу». [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что в контексте политической жизни современной России, а именно в попытках объяснить основные причины массовых протестов, которые начались в стране 10 декабря прошлого года, и в прогнозировании возможных перспектив протестного оппозиционного движения происходит трансформация ценностной составляющей идеологии «порядок». Можно констатировать, что наблюдается некое выравнивание смыслового варьирования данной идеологии у представителей различных партий и движений. Сегодня для большинства из них порядок – это справедливость, отсутствие лжи, закон, равный для всех граждан страны, независимый суд, неприкосновенность собственности, доброта, честность и порядочность.

Примечания

1. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.

2. Сурков В. Напутствие начинающему либералу // Время новостей. 2007. 23 марта. С. 3–5.

3. Яровая И. Создание федеральных округов предотвратило расползание страны. URL: <http://www.edinros.ru/> [назв. с экрана].

4. Савельев Д. Россия на перепутье. URL: <http://www.ldpr-kuzbass.ru/> [назв. с экрана].

5. Халимончук М. ЛДПР – единственная оппозиция в регионе. URL: http://www.ldpr.ru/partiya/regrf/lipetskaya_oblast/reg_event/11404/ [назв. с экрана].
6. Право на революцию [Электронный ресурс] / Г. Зюганов. – Режим доступа : <http://gazeta-pravda.ru/>
7. Похмелкин В. Мы против отмены презумпции невиновности. URL: <http://www.spravedlivo.ru/> [назв. с экрана].
8. Дубин Б. В. Жить в России на рубеже столетий: Социологические очерки и разработки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 408 с.
9. Ходорковский П. Почему, выросшее при Путине, оно требует перемен? URL: <http://www.mk.ru/04.08.2012> [назв. с экрана].
10. Евлоев Н. Восстание элит. URL: <http://www.mk.ru/blog/posts/1461-vosstanie-elit.htm/04.07.2012> [назв. с экрана].
11. Интервью Г. Явлинского газете «Московский комсомолец». URL: <http://www.mk.ru/12.07.2012>.

Т. К. Иванова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

Сложные наименования лица по предметному признаку в словообразовательной системе русского и немецкого языков

Статья посвящена словообразовательному анализу группы сложных наименований лица по предметному признаку (в широком смысле) русского и немецкого языков. Сопоставление этой группы слов было проведено на ономазиологической основе с целью выявления общих и специфических словообразовательных значений и моделей сложных существительных указанных языков.

Ключевые слова: сложное слово, композит, словообразовательное значение, словообразовательная модель.

В современном словопроизводстве отражаются черты, характерные для современного общества: высокая личностная активность, повышенная роль оценочных и количественных значений. Сопоставительное исследование словообразования таких неродственных языков, как русский и немецкий, приобретает в связи с этим большое значение и для развития словообразовательной теории, так как выявлению подлежат универсальные и уникальные особенности сопоставляемых словообразовательных систем.

Особый интерес представляют сложные наименования, так как количество новых слов, образованных путем словосложения, в русском языке постоянно увеличивается. Процессы, лежащие в основе сложной номинации, еще мало изучены в отечественной лингвистике. В то же время при наличии глубоких теоретических исследований в области немецкого словосложения остается ряд открытых вопросов, например возможности моделирования словосложения, структурная организация и налагаемые ею ограничения на состав компонентов и др.

Словосложение русского и немецкого языков недостаточно рассматривалось в сопоставительном плане, хотя наличие контрастивных исследований в области деривации [1] и активность процессов словосложения среди новообразований являются стимулирующим фактором для проведения сопоставительного анализа данного явления.

В этой статье анализируются сложные наименования лица по предметному признаку, как наиболее распространенная группа новообразований русского и немецкого языков. Композиты данной ономаσιологической подгруппы представляют собой отыменные наименования с уточнением в виде первой части. В качестве первого компонента сложения в русском языке выступают усеченные формы аналитических прилагательных и имена существительные. К этой же подгруппе относятся составные социальные характеристики человека, представляющие собой семантические сращения: *ас-технарь*, *болтун-пустозвон*.

Немецкие сложные наименования лица образованы преимущественно сочетанием имени прилагательного в полной форме или имени существительного с опорным компонентом – именем существительным, что представляет собой определительный композит. Отмечены отдельные соединительные композиты, также являющиеся характеристиками лица. Среди наименований лица данной подгруппы зарегистрировано несколько композитов по моделям, в которых в качестве опорного, характеризуемого компонента выступает субстантивированное имя прилагательное, способное в немецком языке обозначать носителя какого-либо признака: *Aids-krankte* ('пациент, больной СПИДом'), *Aids-tote* ('умерший от СПИДа'). Первая часть данных образований представляет собой известное сложносокращенное слово, образованное из первых букв названия заболевания. Его распространение обусловило появление подобных слов во многих языках.

Среди сложных слов зафиксированы также отыменные наименования с уточнением в виде сферы, условий труда. Их отличительной чертой является склонность к терминологии, так как именно термины представляют собой наиболее точное обозначение, которое часто является однозначным словом и наиболее полно отражает специфику выполняемой лицом работы: *Allgemein-arzt* ('врач общей практики'). Особо следует отметить наименования по профессиональной деятельности – «лицо – специалист по сфере занятости, профессии». Они очень близки к терминам.

Как известно, основное свойство терминов – служить логическим определением [2, 21]. Они имеют строго фиксированное содержание, в ряде случаев не совпадающее со значением слова в неспециальном употреблении. Термины закрепляются в специальной литературе с определенным значением, их сознательно строят и стремятся объединить в систему. Специфика функционирования наименований лица по профессии как раз и заключается в стремлении к однозначности, расчлененности понятия. В сфере русского словообразования эта группа представлена большим количеством семантических сращений: *бригадир-полевод*, *докер-портовик*, *плантатор-селекционер*, *подводник-строитель*, *ученый-государствовед* и др.

Для наименований лица по предметному признаку в ходе исследования отмечены следующие закономерности:

- русские сложные наименования лица обнаруживают тенденцию к образованию семантических сращений, передающих как социальные характеристики человека, так и профессиональную дифференциацию;

- подобные им немецкие обозначения лица являются преимущественно определительными композитами, в которых определяемый компонент выражен именем существительным или субстантивированным прилагательным;

- опорный компонент, находящийся в конструкции на втором месте, указывает на тип отношений между ономазиологическим базисом и ономазиологическим признаком. Вторые компоненты требуют дополнения в словообразовательной конструкции в виде первого компонента – существительного или прилагательного. В русском языке прилагательные-определители в своей усеченной форме способны выступать в роли аффиксоидов. Например: *биоритмолог*, *загрантурист*; *Firmengründer* ('основатель фирмы');

- первые компоненты в отыменных композитах способны передавать количественное выражение наличия признака. Степень признака не всегда выражена в слове материально, но входит в названное понятие: на основе семантического переосмысления слово приобретает стилистическую и эмоциональную окраску. Так, высокая степень признака или положительная оценка в немецком языке выражается первыми компонентами сложных слов типа *Best-* (*Bestarbeiter* 'лучший рабочий', *Beststudent* 'лучший студент'), *Traum-* (*Traummann* 'мужчина-мечта', *Traumfrau* 'женщина-мечта'). Иногда эти компоненты могут быть зафиксированы в обоих сопоставляемых языках: *Top-/top-* (*das Topmodell*, *top-модель*), *Super-/супер-* (*Supermodel*, *супер-агент*) (в отличие от Е. А. Земской, компонент *супер-* рассматривается в исследовании как аффиксоид на основании развития самостоятельного значения в качестве усиливающей значение частицы).

Специфику русского словосложения составляют также обозначения лица с усеченными основами: *арткорректировщик*, *гендиректор*, *рыбинспектор*. «Свойственная современному языку тенденция активно создавать и использовать наименования-уточнители способствует активизации различных способов производства сложных и сложносокращенных наименований» [3, 54]. Элементы *теле-*, *кино-*, *радио-*, *авто-* (*автомобильный*), *авиа-* (*авиационный*), *био-* и др. образуют серии слов с общим словообразовательным значением «относящийся к...», например *автокаскадер*, *автоналогоплательщик*, *автонарушитель*, *авторуководитель*.

Функционирование самостоятельных слов *кино* ('кинематограф') и *видео* ('видеофильм') позволяет отнести эти компоненты сложных наименований лица к аффиксоидам. Компоненты *авто-*, *био-*, *теле-*, *авиа-* и подобные им следует рассматривать как аналитические прилагательные, у которых имеется обобщенный атрибутивный компонент значения [4, 227], способствующий их превращению в словообразовательное средство, иначе – аффиксоиды. Употребительность их в качестве одной из частей сложного слова и

развитие у подобных компонентов отвлеченного значения как раз свидетельствуют о превращении их в словообразовательные форманты. Не самостоятельное использование само по себе, а формирование у подобных единиц обобщенного отвлеченного значения, присущего любому словообразовательному средству, позволяет отнести компоненты *авиа-*, *био-*, *видео-* и др. к аффиксоидам – элементам словообразовательной системы, занимающим промежуточную позицию на пути превращения из основ в аффиксы: *авто-* (*автокаскадер*, *автоналогоплательщик*, *автонарушитель*, *авторуководитель*); *био-* (*биодизайнер*, *биосоциолог*, *биотерапевт*); *VELO-* (*велопутешественник*, *велостроитель*); *нарко-* (*наркокурьер*, *наркобарон*).

Наличие большого количества слов с одинаковым первым или вторым компонентом может быть объяснено и с точки зрения существования словообразовательных рядов с повторяющимися компонентами, или языковой аналогией. В словообразовании аналогия проявляется не только в использовании уже имеющихся в языке моделей, но и в дальнейшем развитии их структурных возможностей. Так, для наименований лица отмечены следующие «серии» слов: *бандгруппа*, *бандгруппировка*, *бандформирование*; *национал-большевик*, *национал-коммунист*, *национал-патриот*, *национал-социалист* и др.

В последнее время в связи с повышением социальной активности женщины в обществе в немецком языке появились «образования по аналогии» [5, 112]. Так, имевшееся понятие *Staatsmann* ‘государственный деятель – мужчина’ дополняется понятием *Staatsfrau* ‘государственный деятель – женщина’ (ср. также *Hausmann* ‘муж-домохозяин’, *Zimmermann* ‘мужчина, занимающийся уборкой помещения’ к соответствующим *Hausfrau* ‘домохозяйка’, *Zimmerfrau* ‘горничная’). Некоторые из них относятся к заимствованиям из английского языка. В русском языке соответствия вышеназванным словам, как правило, пишутся через дефис, тогда как в немецком языке возможны два варианта написания: *non-звезда*, *рок-певец*, *рок-музыкант*, *секс-бомба* и др.; *Rockstar/Rock-Star*, *Rockmusiker/Rock-Musiker*, *Rocksänger/Rock-Saenger*; *Sexidol/Sex-Idol*).

Таким образом, семантическое переосмысление подобных повторяющихся компонентов в сериях слов практически отсутствует при наличии обобщенного значения, присущего словообразовательным формантам, что объединяет процессы моделирования словосложения и деривации.

По мнению некоторых лингвистов, слова этой группы нельзя отнести к собирательным наименованиям на основании отсутствия однородности классификации. Мы считаем, что собирательность в данном случае предполагает совокупность лиц, занятых общей деятельностью по какому-либо признаку, причем первый компонент композита указывает на сферу деятельности. Наименованиями лица эти лексические единицы являются постольку, поскольку обозначают совокупность людей, занятых той или иной общей деятельностью, что подтверждается контекстами и определяется лексическим значением второго компонента.

Из приведенных примеров следует, что структура сложных наименований лица может представлять собой соединение разнородных основ – заимствованной и автохтонной. Данный факт объединяет деривационные процессы и композитообразование с точки зрения моделирования, так как сочетание заимствованных компонентов с собственными основами внутри сложного слова также порождает новые модели.

Сложные наименования лица в русском и немецком языке могут быть образованы как в пределах одного способа (морфологический способ, семантический способ), так и комплексно, например одновременно с объединением основ в единое сложное целое может осуществляться аффиксация, причем аффикс присоединяется в данном случае не к одной из основообразующих морфем, а ко всему комплексу.

Словообразовательные модели подобных образований русского языка, состоящие из сочетания основ имен существительных и прилагательных, в большинстве случаев связаны с профессиональной сферой занятости лица. В роли первого компонента выступают основы имени прилагательного или существительные, обозначающие область деятельности: АВТО--- (автомобилестроение); АВИА--- (воздухоплавание), БИО--- (биологически активные методики), ВЕЛО--- (велосипед), ВИДЕО--- (слова, по значению связанные с распространением видеопродукции, тиражированием и воспроизведением кинофильмов), КИНО--- (слова, имеющие отношение к миру киноиндустрии) и др.

Примечания

1. Онхайзер И. О соотношении словообразовательных и грамматических категорий (на материале сопоставительного анализа русского и немецкого языков) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / отв. ред. Г. П. Нецименко. М.: Наука, 1987. С. 215–222.

2. Шкатова Л. А. Развитие ономазиологических структур (на примере наименования лиц по профессии в русском языке). Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1984. С. 21.

3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность (Рос. акад. наук, Институт русского языка). М.: Наука, 1992. С. 54.

4. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. С. 227.

5. Синкевич Е. Н. Аналогия в структуре и семантике словообразований. На материале прессы ФРГ и ГДР // Номинация и словообразование: сб. науч. тр. Калинин, 1989. С. 112.

Источники

Большой толковый словарь немецкого языка: для изучающих немецкий язык. Langenscheidts Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache. М.: Изд-во МАРТ, 1998. 1248 с. [на немецком языке]

Букчина Б. З. Слитно или отдельно? Опыт словаря-справочника. Ок. 82 000 слов / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая; 6-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 876 с.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 701 с.

Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache. Das einsprachige Woerterbuch Deutsch als Fremdsprache. Neubearbeitung / hrgs.: D. Goetz, G. Haensch, H. Wellmann. Berlin,

Muenchen: In Zusammenarbeit mit der Langenscheidt-Redaktion. Langenscheidt KG, 2003. 1253 S.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Verlagsgruppe Bertelsmann GMBH / G. Wahrich. München: Mosaik Verlag GMBH, 1980–1981. 4358 S.

Т. В. Куркина

Самарский государственный медицинский университет (г. Самара)

Особенности терминологии технологии лекарственных форм

В статье в историческом аспекте обсуждаются изменения в терминологическом составе технологии лекарственных форм.

Ключевые слова: фармацевтические операции, технология, лекарственные формы, растворы.

Польский аптекарь-ученый Шимон Фабиан (1802–1885 гг.) в своем трехтомном учебнике «Фармация», изданном в 1835 году, трактует понятие *фармация* как науку, которую можно разделить на две составляющие: *фармакологию* (она занимается распознаванием сырых снадобий всех царств природы) и *действующую фармацию* (она занимается их переработкой) [1, 14]. Последняя составляющая как раз и занималась усовершенствованием *химико-фармацевтических технологий* переработки лекарственных веществ, что явилось важным фактором в развитии науки о лекарствах в Европе в XVIII–XIX вв.

Приведем определение, что такое технология лекарственных форм по трактовке автора первого советского учебника данной дисциплины И. А. Обергарда. Технологией лекарственных форм он называл «искусство приводить лекарственные вещества в подходящее физическое состояние (твердое, жидкое, газообразное или промежуточное) и придавать им надлежащие пространственные очертания, соответствующие их применению и их химическому составу» [2, 5].

Терминология обсуждаемой науки складывалась постепенно, исторически обоснованно опираясь первоначально на простую технику изготовления лекарственных форм с опорой на эмпирические наблюдения, как это имело место в первобытный период. В греко-римский период технология совершенствовалась: в трудах древнегреческих врачей уже указывались количества ингредиентов, назвались способы приготовления (*измельчение, просеивание, вымачивание, настаивание, отваривание, процеживание* и т. д.), применения (*наружное, внутреннее*), хранения (*в стеклянных сосудах, в новых глиняных банках*).

Опытно-практические химические принципы изготовления лекарств X–XV веков использовали достижения алхимии для медицинских целей. Алхимики описывали не только химические операции (*амальгирование, суб-*

лимация, коагуляция), но и соответствующее оборудование (*колбы, воронки, жаровни, песчаные и водяные бани* и т. д.). Появились такие сложные лекарственные формы, как *сгущенные соки и сиропы, лепешки, пилюли* и т. д. Приготавливалась *дистиллированная вода*, изготавливались *ароматные воды*. Описывался также биологический способ оценки качества лекарства на диких птицах (например, *териака*).

В дальнейшем, в XIX веке, в фармакопеях были зафиксированы основные положения по изготовлению лекарственных форм, в том числе *хранение* и *отпуск сильнодействующих* лекарственных форм. В это же время были описаны фармацевтические операции, которые разделяли на *механические* и *химические* [3, 21]. Большинство названий этих операций приводится в фармакопее на латинском языке, и они хорошо известны студентам-фармацевтам, будущим провизорам, на русском и латинском языках: *толчение (contusio)*, *изрезывание (concisio)*, *процеживание (colatio)*, *смешивание (mixtio)*. Однако некоторые термины из названий этих операций утрачивают свое значение в силу ряда причин. Например, в силу изменения технологических процессов не применяется метод *осветления (clarificatio)* мутных жидкостей с помощью добавления взбитого яичного белка. В промышленных масштабах не используется фармацевтическая операция *пробивание (alcoholisatio)*. Она заключалась в том, что истолченное вещество помещали в полотняный мешок, который подвешивали в стеклянной банке. При встряхивании мельчайшие частицы порошка проходили сквозь поры ткани и попадали на дно банки. В дальнейшем, в XX веке, потеряли свое значение такие операции, как *погружение, зернение, поджаривание*, и как следствие – соответствующие этим понятиям термины вышли из практического употребления.

Такая важная фармацевтическая операция, как *дозирование* лекарственных средств, представляет особый интерес, поскольку наименования мер для жидкостей в рукописях XVI–XVII веков – это термины *горсть, ложка, чарка добрая*. В XVII–XIX веках при дозировании стали использовать термин *гран* (пшеничное зерно), позже мерами аптекарского веса стали *унция, драхма*. В XX веке дозирование малых количеств жидкостей (*капля*) было регламентировано Международным соглашением, в результате чего в России возникло дозирование жидкостей по объему с помощью бюреточной системы [4, 22].

В заключение следует отметить, что растворы широко применялись и применяются в настоящее время в медицине благодаря скорости наступления терапевтического эффекта. К ним относятся жидкости не только для внутреннего (*суспензии, микстуры*), но и для наружного применения (*обмывания, полоскания, спринцевания, примочки* и т. д.).

Таким образом, терминология технологии лекарственных форм, в частности лекарственной формы *растворы*, претерпевает изменения, а также расширяется благодаря новым технологическим процессам. В частности, *нанотехнология* является крайне молодой дисциплиной, однако интерес фар-

мацевтической промышленности к *нанотехнологиям* в последние годы значительно повысился. Формирующаяся на наших глазах новая терминология заслуживает отдельного рассмотрения.

Примечания

1. Бенюх Н. История фармации Галичины. Провизор, 1999. № 22. С. 25.
2. Обергард И. А. Технология лекарственных форм. М., 1929. С. 206.
3. Зеликсон Ю. И., Кондратьева Т. С. От пластыря царя Пергама до трансдермальной системы: учеб.-метод. пособие. М.: ЭТНА-98, 1999. С. 90.
4. Российская фармакопея. VI изд. СПб., 1910. С. 315.

М. С. Полекаускас

Смоленский государственный университет (г. Смоленск)

Терминологические сочетания в исторических нормативно-научных текстах

Статья посвящена вопросам функционирования терминологических сочетаний в исторических нормативно-научных текстах. Автор сопоставляет различные подходы к толкованию значений анализируемых единиц в источниках исторического знания, отмечает их особенности. Учёт этих особенностей необходим при проведении любых видов учебных занятий.

Ключевые слова: нормативно-научный текст, термин, терминологическое сочетание.

При обучении в общеобразовательной школе индивид знакомится с опорными единицами любой дисциплины – терминами, терминологическими сочетаниями и именами собственными, усваивая содержание *нормативно-научных текстов* [1].

Анализ терминологического наполнения нормативно-научных текстов, содержащихся в учебниках по истории России, позволил сделать вывод о преобладании однословных терминов: число терминологических словосочетаний в проанализированных источниках в целом не превышает 35% от общего числа специальных единиц. При этом число терминологических словосочетаний в учебниках для старших классов больше, чем в учебниках для среднего звена. Отметим, что в исторических текстах наблюдается параллельное употребление однословных и неоднословных вариантов. Например: «Чтобы обезопасить южные границы, на которые нападали крымские татары, построили первую оборонительную линию – Тульскую. Она состояла из завалов леса, получились так называемые *засеки*. В промежутках между ними возводили деревянные крепости. Впоследствии соорудили ещё две *засечные линии*» [2, 215]. (Здесь и далее выделение курсивом в примерах из исторических нормативно-научных текстов наше. – М. П.)

Отметим, что в энциклопедическом словаре «История России» приводится статья *засечные черты (засечные линии)*, в которой отмечено, что они

«состояли из засек, валов, рвов, частоколов, использовались естественные преграды (реки, овраги)» [3, 201]. Таким образом, засеки – составные части засечных черт, и равноправное использование понятий *засеки* и *засечные линии* не является корректным.

Функционирование терминологических сочетаний в исторических нормативно-научных текстах имеет ряд особенностей. Кратко охарактеризуем основные из них.

1. Употребление многословных терминов противоречит принципу языковой экономии, в связи с этим в текстах появляются краткие варианты термина. Например: 1) «Однако в целом недовольство в среде наёмных работников было велико. Предприниматели зачастую нарушали трудовое законодательство, вводили *сверхурочные работы*, ужесточали систему штрафов, урезая и без того низкую зарплату. В ответ рабочие устраивали забастовки, добиваясь повышения заработной платы, отмены штрафов и *сверхурочных*» [4, 13].

Использование однословных вариантов, вероятно, связано со стремлением термина к краткости, простоте запоминания, что соответствует требованиям к *идеальному термину*, которые сформулировал Д. С. Лотте. В. П. Даниленко перечисляет три наиболее распространённых языковых способа образования кратких форм термина: лексическое сокращение, сокращение средствами словообразования и сокращение средствами символики [5, 183–188]. Полное значение краткой формы термина обычно восстанавливается по контексту. Например: «Принятый в 1597 году Указ об урочных летах устанавливал пятилетний срок сыска беглых крестьян. Многие крестьяне тогда от безысходности подавались на юг, на окраинные земли государства. Их разыскивали и возвращали прежним владельцам. Указ был ещё одним шагом на пути к закрепощению крестьян. Со временем срок сыска *беглых* всё увеличивался» [2, 216].

Анализ особенностей употребления терминологических словосочетаний и их кратких форм в исторических нормативно-научных текстах позволил сделать вывод: наиболее распространено сокращение средствами словообразования, а именно субстантивация. «С номинативной точки зрения в семантике субстантивированных прилагательных интегрированы предметные и признаковые категориальные сущности объектов речемыслительной деятельности. Появление данных единиц закономерно в обиходно-профессиональной среде в связи с присущей им краткостью формы при сохранении содержательного объёма» [6, 145]. Например, *крепостные крестьяне* – *крепостные*. Отметим, что названия документов в проанализированных источниках используются только как субстантивированные прилагательные (*вольная, челобитная* и др.).

Однословные термины могут образовываться и путём телескопии, характеризующейся тем, что от первого слова остаётся его начало, а от последнего его конец. Например, *заработная плата* – *зарплата*. По мнению В. М. Лейчика, «телескопические слова создаются в разных стилях и в разных лексических классах; их много в сфере терминов технических и общественных наук» [7, 56]. Большое место отводится аббревиации, в частности при передаче названий политических партий и организаций. Например, *РСДРП, ЦК КПСС* и др.

2. Возможно употребление синонимичных конструкций. Например: «В период с марта 1919 по март 1920 г. Красная Армия одержала решающие победы над *белым движением*. <...> Одной из причин поражения *антибольшевистского движения* было отсутствие в его среде политического единства» [4, 102]. Наряду с сочетанием *белое движение* параллельно употребляется термин *белые*. Ср.: «Начало гражданской войны и развитие белого движения» (название параграфа) и «Причины поражения белых» (название пункта) [4, 102]. Примечательно, что для обозначения сторонников советской власти используется только термин *красные*.

Отметим, что сочетание *белое движение* содержится в энциклопедическом словаре «История России»: *белое движение* – собирательное название политических движений, организаций и воинских формирований, противостоящих советской власти в годы Гражданской войны [3, 110]. Использование же синонимичного сочетания, на наш взгляд, позволяет чётко обозначить основные цели этого движения.

3. Терминологические словосочетания могут использоваться для обозначения конкретного исторического деятеля. Например, «*боярский царь*» – князь В. Шуйский, «*граф полусахалинский*» – С. Ю. Витте, и др. Авторы учебников иногда приводят этимологию подобных названий. Например, «“Белый генерал”, как его <М. Д. Скобелева> называли в войсках за появление в бою на белом коне и в белом мундире, был самой яркой и популярной личностью среди русских полководцев второй половины XIX в.» [8, 180]. Отметим, что наименование «*белый генерал*» не имеет ярко выраженной негативной коннотации, в отличие от приведённых выше.

4. Значение терминологических словосочетаний, равно как и однословных терминов, может сопровождаться подробным комментарием. В случае свободных словосочетаний комментируется значение каждого компонента. Например: «Социально-экономическая политика советской власти периода Гражданской войны позднее получила название “военный коммунизм”.

Почему “военный”? Потому что эта политика во многом была вызвана чрезвычайными условиями Гражданской войны. У нее была единственная цель – сконцентрировать все силы для победы над противником.

Почему “коммунизм”? Серьезное влияние на экономическую политику оказывали идеологические воззрения большевиков. Они мечтали о быстром, стремительном переходе к коммунизму. В новом обществе, полагали они, не будет частной собственности, торговли, рыночных отношений, производство будет подчинено единому плану, труд станет всеобщим, а распределение материальных благ – уравнительным. Определенное воздействие на экономическую практику большевиков оказывала и российская традиция активного вмешательства государства в управление экономикой» [9, 119].

Примечательно, что в исторических нормативно-научных текстах отсутствует последовательность в использовании строчной и прописной букв при написании сочетания *гражданская война* и *Гражданская война*. В приведённых примерах сохранено написание авторов учебников.

5. В исторических нормативно-научных текстах встречается использование терминологических словосочетаний в несвойственном для них значении. Например: «Но большевики опасались, что “крестовый поход”, объявленный городом деревне, может вызвать ответную реакцию – объединение крестьянства для организованной хлебной блокады» [9, 100].

Таким образом, употребление терминологических словосочетаний в исторических нормативно-научных текстах имеет ряд особенностей. Их учёт необходим при проведении занятий, поскольку усвоение значения термина и терминологического сочетания оказывает непосредственное влияние на содержание его знаний в целом, а также на оценку исторических событий, тех или иных деятелей.

Примечания

1. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Ч. 1. Смоленск: СГПУ, 2002. 184 с.

2. Пчелов Е. В. История России с древнейших времен до конца XVI века: учеб. для 6 кл. основной школы. М.: ООО ТИД «Русское слово – РС», 2006. 264 с.

3. История Отечества. Энциклопедический словарь / сост. Б. Ю. Иванов и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 639 с.

4. Загладин Н. В. (отв. редактор), Минаков С. Т., Козленко С. И., Петров Ю. А. История России. XX век: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2010. 400 с.

5. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.

6. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

7. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.

8. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XIX век: учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2005. 254 с.

9. Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. История России, XX – начало XXI века. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2010. 384 с.

О. В. Редькина

Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)

Новации в словообразовании русского языка рубежа XX–XXI веков (опыт системного анализа)

В статье дается обзор активных процессов в словообразовательной системе современного русского языка.

Ключевые слова: словообразование, активные процессы, русский язык конца XX – начала XXI века.

Современный русский язык на рубеже XX–XXI веков подвергся значительным изменениям, связанным с коренным переломом в жизни российского общества, который вызвал к жизни совершенно новые явления в языке

(см. [1]). Состоянию русского языка современности и активным процессам в нем уже посвящена обширная литература. Первоначальный интерес и внимание исследователей (начиная с 90-х годов) привлекали изменения в наиболее подвижном и обозримом уровне языка – в лексике: появление слов, связанных с новыми реалиями и новыми сферами жизни; переход значительной части лексики в разряд историзмов; актуализация целых пластов устаревших слов; лавинообразный поток заимствований и т. д. В дальнейшем научный интерес вызвали и наметившиеся сдвиги на тех уровнях языка, которые подвержены изменениям гораздо менее, чем лексика, – в морфологии и синтаксисе. В настоящее время существует целый ряд работ, в которых рассматриваются активные процессы в русской фонетике и орфографии, а также комплексные монографии, посвященные активным процессам на всех языковых уровнях.

Значительные изменения во внеязыковой действительности (в частности, приход в нашу жизнь новых, ранее неизвестных предметов и явлений) потребовали от русского языка пополнения новыми словами. Во все времена пути появления новых слов одинаковы: 1) деривация, т. е. создание новых слов с использованием словообразовательных ресурсов языка; 2) семантические преобразования (развитие многозначности, расширение значений и т. д.); 3) заимствование. Словарный состав современного русского языка активно пополняется за счет всех трех указанных способов. Кроме необходимости в создании новых наименований, существует потребность в экспрессивизации речи (т. е. повышении выразительности), в смысловой концентрации (передаче нужного смысла минимальными средствами). Все эти задачи решаются за счет возможностей словообразовательной системы.

Ярче всего словообразовательные новации представлены в текстах средств массовой информации (как печатных, так и электронных). Отличительным свойством новообразований является то, что значительная их часть существует только в речевой практике и не предполагает перехода в систему языка.

Причины создания новых слов (по Т. В. Поповой [2]): а) необходимость точно выразить мысль (узуальных слов для этого может быть недостаточно); б) стремление автора кратко выразить мысль (новообразование может заменить словосочетание и даже предложение); в) потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; г) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, «деавтоматизировать» восприятие; д) потребность избежать тавтологии; е) в поэтической речи – необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму. Основными Т. В. Попова считает первые три причины.

Все производные новые слова с точки зрения словообразования можно разделить на две группы: окказионализмы и потенциальные слова. В текстах современных СМИ широко представлены обе группы.

Окказионализмы (лат. *occasio* – ‘случайность’, фр. *occasionel* – ‘случайность’). Термин впервые был употреблен в статье Н. И. Фельдман в

1957 году. Основные признаки окказионализмов, отличающие их от узуальных слов, определены А. Г. Лыковым [3]. Исследователь выделяет десять признаков окказиональных слов: 1) принадлежность к речи (окказиональное слово является фактом речи и не может приобрести статус факта языка); 2) ненормативность (окказионализм находится за пределами языковой нормы, он всегда нарушает лексическую норму языка; окказиональные слова создаются по непродуктивным или абсолютно новым словообразовательным или семантическим моделям); 3) творимость (окказиональное слово не воспроизводится в готовом виде, а создается для конкретного употребления); 4) словообразовательная производность (окказиональное слово представляет собой соединение по меньшей мере двух морфем, оно всегда мотивировано); 5) функциональная одноразовость (окказионализм создается для того, чтобы быть употребленным в тексте только однажды; он передает уникальную ситуацию, для которой создан); 6) зависимость от контекста (восстановить точное лексическое значение окказионализма вне контекста в большинстве случаев невозможно); 7) экспрессивность (окказиональное слово всегда экспрессивно; если для узуального слова основная функция – номинативная, то для окказионализма – экспрессивно-изобразительная); 8) номинативная факультативность (узуальное слово – это факт языка, именуемый определенным фрагментом внеязыковой действительности, и в этом смысле оно является обязательной номинацией определенной реалии мира; окказиональное слово не имеет такой прочной связи с неязыковой действительностью; необходимость в номинации того, что оно обозначает, возникает только в определенной ситуации, такая номинация факультативна); 9) одномоментность существования (окказионализм не подвержен историческим изменениям, которые могут происходить с узуальным словом: он не способен ни устареть, ни войти в основной словарный фонд – в этом его отличие от неологизма; окказиональное слово всегда воспринимается как новое независимо от времени его создания); 10) индивидуально-авторская принадлежность (принадлежность отдельному лицу – один из основных признаков окказионализма, поэтому их часто называют индивидуальными новообразованиями).

Важное замечание об окказионализмах принадлежит В. В. Лопатину, который подчеркивает, что окказиональные слова – это полноценные, ни в какой степени не ущербные единицы, «и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова» [4].

Потенциальные слова – это слова, созданные по продуктивным моделям русского словообразования без нарушения его законов. Как отмечает Т. В. Попова, «они потенциально уже существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией, чтобы они были употреблены. Они чрезвычайно легко и свободно создаются в речи, как словосочетания и предложения» [5]. Потенциальные слова в отличие от окказионализмов впоследствии могут войти в языковую систему, т. е. стать неологизмами. Е. А. Земская пишет, что новизна потенциальных слов обычно неза-

метна. «Если же они иной раз и кажутся новыми, то эта новизна может быть мнимой, так как невозможно установить, когда то или иное слово было употреблено в первый раз. По существу это чистая реализация возможностей словообразовательного типа (например, *возражатель, повторятель*)» [6].

Некоторые ученые (например, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков) не выделяют потенциальные слова в отдельную группу и рассматривают их вместе с окказионализмами, мотивируя свою точку зрения тем, что все это слова, отсутствующие в языковой традиции, которые создаются в момент речи, тогда как все другие слова воспроизводятся.

Однако с позиции словообразования более обоснованным представляется мнение лингвистов, признающих окказионализмами только индивидуально-авторские новообразования, противопоставленные потенциальным словам. Основное различие между ними в том, что потенциальные слова соответствуют языковой норме, а окказионализмы нарушают ее. Этой точки зрения придерживаются в своих работах Е. А. Земская, Э. И. Ханпира, Р. Ю. Намитокова.

Способы создания новых слов многообразны. Рассмотрим основные активные процессы в области словообразования современного русского языка.

1. Разрастание словообразовательных гнезд

В словообразовательной системе современного русского языка активно идет процесс достраивания, пополнения старых словообразовательных гнезд и вхождения в обиход новых.

Лингвистами установлено, что начиная с 90-х годов XX века в русском языке появилось около 1500 новых словообразовательных гнезд на базе иноязычных неологизмов [7]. Такие гнезда образовались, например, от заимствованных существительных *спонсор, ксерокс, хакер, киллер, тюнинг, бренд* и мн. др.

Значительно реже вершинами новых гнезд становятся исконные слова. Это объясняется тем, что «большинство непроизводных исконных слов (а вершинами гнезд являются именно непроизводные лексемы) уже реализовали свои деривативные возможности за время существования в русском языке» [8]. Исключение составляют аббревиатурные слова, которые в результате опрощения становятся новыми корнями и вершинами новых словообразовательных гнезд (например, слово *бомж*, имеющее производные *бомжовый, бомжевать, бомжатник, бомжиха* и др.).

Словообразовательные гнезда в современном русском языке нередко формируются на базе слов, заимствованных из систем, лежащих за пределами литературного языка – в частности, из жаргона. Например, *тусовка – тусовочный, тусовщик, тусовщица, тусоваться; приколы – приколываться, прикольный, прикольчик, приколист, прикольщик*; и др. Как отмечает Е. В. Маринова, «функционирование в русской речи не просто отдельного жаргонизма, а уже целой микросистемы, гнезда, способствует процессу нейтрализации данных лексем, их “олитературиванию”» [Там же].

Отмечается также внешнее заимствование словообразовательных гнезд. В этом случае из чужого языка в русский приходят пары или даже

группы слов, имеющие в языке-источнике общий корень. Например, *никнейм* («сетевой псевдоним», от англ. *nickname* ‘прозвище’), *нейминг* (‘создание имени в коммерческой деятельности’), *неймер* (‘специалист по неймингу’) – все эти слова имеют в английском языке общий корень (ср. *name* ‘имя’). За 10 лет на рубеже XX–XXI веков лингвистами зафиксировано около 200 таких гнезд (около 600 слов, многие из которых уже вошли в новейшие толковые словари) [9].

2. Интенсивность образования слов суффиксальным способом

1) Образование существительных

Практически от любого слова в русском языке можно образовать новое существительное путем морфологического словообразования. Среди существительных, создаваемых в русской речевой практике в последние десятилетия, преобладает суффиксальный способ. Наиболее продуктивны суффиксы:

а) со значением лица: **-чик-** (**-щик-**) – *перестройщик, оборонщик, коммунальщик, страховщик*; **-ник-** – *бюджетник, яблочник* (от названия партии «Яблоко»), *помоечник*; **-ант-** (до недавнего времени суффикс был малопродуктивным, в настоящее время слова с его помощью образуются интенсивнее) – *подписант, фигурант, амнистант, номинант*; **-ец-** (**-овец-**) (присоединяется к основам имен собственных, образует существительные со значениями ‘сторонник, единомышленник, соратник кого-л., названного производящей основой’, ‘член организации, названной производящей основой’) – *баркашовец* (от фамилии Баркашов), *омеговец* (от названия общества «Омега»); **-ик-** – *силовики, налоговики, сырьевики*; **-ш-** (со значением женскости, характеризуется стилистической сниженностью) – *бизнесменша, инспекторша, букмекерша*; и некот. др. суффиксы;

б) с отвлеченным значением: **-изациj-** – *долларизация, компьютеризация, бандитизация*; **-ств-** – *президентство, губернаторство*; **-щин-** (со значением отрицательной оценки) – *брежневщина, кашпировщина, ковбойщина*; **-ость-** – *детскость, русскость, женскость*; **-изм-** – *мачизм, иванизм, хиппизм, таксизм*; и некот. др. суффиксы.

Современная речевая практика печатных средств массовой информации дает многочисленные примеры образования существительных при помощи суффиксов от аббревиатур: *ЛДПРовцы, ЦИКовцы, КВНщики, НТВшники* (параллельно существуют написания, где аббревиатура дается в фонетической записи: *элдэпээровцы, циковцы, кавээнщики, энтэвэшники*).

2) Образование прилагательных

Наиболее активные суффиксы, с помощью которых образуются прилагательные на рубеже XX–XXI вв. [10]: **-ск-** – *ельцинский*; **-овск-/евск-** – *интернетовский, бушевский*; **-ческ-** – *поколенческий*; **-оват-/еват-** – *дебиловатый, бомжеватый*; **-ист-** – *помпадуристый*; **-лив-** – *гомонливый*; **-чив-** – *ухмыльчивый*.

3. Рост префиксального словообразования

Префиксация в русском языке была и остается менее востребованным способом словообразования, чем суффиксация, однако в русском языке кон-

ца XX – начала XXI века продуктивность приставочного словообразования возросла.

Высокоактивны иноязычные приставки:

а) со значением повышенного или высшего качества того, что названо производящей основой, высокой степени выраженности признака: **супер-** – *суперавтомобиль, супернадёжный*; **гипер-** – *гипермаркет, гипердолги*; **мега-** – *мегакомпьютер, мегасобытие*;

б) со значением противоположности, отрицания: **анти-** – *антикумир, антирадар, антикоррупционный*; **контр-** – *контрреформы, контроперация*;

в) с другими значениями: **про-** – *прозападный, пропрезидентский*; **де-** – *деполитизация, дебюрократизация*; **пост-** – *постсоветский, посткоммунистический*.

Продуктивны в современном русском языке и словообразовательные элементы **лже-, псевдо-, экс-, вице-** (*лжепредприниматель, псевдопатриоты, экс-министр, вице-спикер*).

4. Образование сложных слов

В современном русском языке практически нет ограничений в образовании сложных слов. Они могут создаваться по общеязыковым моделям или быть индивидуально-авторскими.

Продуктивные модели сложных слов в газетном тексте:

1) слова, образованные соединением двух основ при помощи соединительной гласной: а) с одновременной суффиксацией: *рекламо**д**атель* (<= *реклам-а, да-ть*); б) реже – чистым сложением: *кетчуп**о**зависимость* (<= *кетчуп, зависимость*);

2) слова с начальными элементами иноязычного происхождения: **теле-**: *теледискуссия, телеигра, телесезон, телеагитация*; **кино-**: *кинофестиваль, кинопродюсер, кинособытие, киносказка*; **авто-**: *автошоу, автосалон, автоаксессуары, автоакустика*; и др.;

3) образование сложных слов с дефисным написанием [11]: *экс-пресс-опрос, лифтинг-крем, бильярд-клуб, брейк-группа*;

4) образование сложнокращенных слов: *туроператор* (<= *туристический оператор*), *канцтовары* (<= *канцелярские товары*); *госструктура* (<= *государственная структура*); *компромат* (<= *компрометирующие материалы*);

5) контаминация

В текстах современных СМИ наблюдается активизация неузвального способа образования сложных слов, который представляет собой междусловное наложение с совмещением соседних частей исходных слов на основе их формального тождества: *доктор велосипед**о**логических наук* (<= *велосипед + педагогические*) [12]. В результате возникает сложное слово особого типа, включающее в свое значение семантику обоих объединившихся слов, а в свою основу – основы обоих слов. Данным способом образуются окказиональные слова, а сама контаминация является разновидностью языковой игры.

5. Аббревиация

Широкое распространение аббревиации и использования сокращенных лексических единиц стало общей тенденцией для многих национальных языков. По утверждению М. А. Ярмашевич, «число сокращений в мире растет с большой скоростью, и становится трудно учитывать все появляющиеся аббревиатуры. Их создание – один из больших и быстроразвивающихся процессов; это естественная, старая и универсальная тенденция языка» [13].

Существует точка зрения, что аббревиация – это недостаток языка, поскольку аббревиатуры часто тяжеловесны и неблагозвучны, их называют «скучными словами». Они бывают малопонятны или вовсе непонятны без дополнительного разъяснения. Вместе с тем очевидно, что аббревиация является универсальным средством языковой экономии.

В современном русском языке продолжают создаваться аббревиатуры всех типов: *звуковые* (*ОБЭП* = отдел борьбы с экономическими преступлениями; *бомж* = без определенного места жительства); *буквенные* (*ООО* = общество с ограниченной ответственностью); *слоговые* (*Минобр* = Министерство образования; *спецназ* = [отряд] специального назначения).

Аббревиация используется для наименования учреждений и организаций (*МВФ* = Международный валютный фонд), политических партий и движений (*ЛДПР* = Либерально-демократическая партия России), государственных структур (*МНС* = Министерство по налогам и сборам) и др.

В современных газетных текстах нередки случаи использования аббревиатур, составленных из начальных букв (звуков) фамилии, имени, отчества известного человека (*ВВП* = Владимир Владимирович Путин; *АБП* = Алла Борисовна Пугачева).

В истории аббревиации наблюдается движение от создания единиц, не похожих на обычные слова, к созданию аббревиатур, отвечающих требованию благозвучности, совпадающих по звучанию с обычными словами. В современном русском языке создается много аббревиатур, похожих на обычные слова вплоть до полной омонимии (*АРФА* – архитектурный факультет; *ЧАРЛИ* – частное агентство российских любителей истории).

В современном русском языке функционирует целый ряд аббревиатур звукового типа, имеющих иноязычное происхождение. Как правило, они являются названиями различных международных организаций, систем и т. п. Эти аббревиатуры транслитерированы, для их записи используется кириллица. Однако звуки, составляющие такую аббревиатуру, соответствуют не русским, а иноязычным словам (*СВИФТ* – англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication – Международная электронная система межбанковских финансовых расчетов).

Достаточно широко в современном русском языке представлена многозначность аббревиатур. Например, аббревиатура *РФБ* имеет как минимум два значения: 1) Российская ассоциация баскетбола; 2) Российская фондовая биржа [14].

Язык современных СМИ отражает и процесс *дезаббревиации*, который является разновидностью языковой игры и заключается в каламбурной, шутили-

вой расшифровке общеизвестных аббревиатур: *СТС* (название телеканала) = ‘собран только сор’; *вуз* = ‘выйти удачно замуж’; *БМВ* = ‘боевая машина воров’.

6. Употребление в письменной речи слов, созданных при помощи специфически разговорных способов словообразования

Ярко выраженной в современном русском языке лингвисты считают тенденцию к коллоквиализации языка современной прессы (термин Карла Гудтшмидта), которая определяется как тенденция к употреблению в газетах языковых единиц, характерных для разговорного языка, а также использование разговорных моделей для образования новых единиц.

Рассмотрим способы разговорного словообразования, используемые в современной газете.

1) *Универбация*

Универбация (лат. *unum* ‘одно’, *verbum* ‘слово’) – стяжение словосочетания в один языковой знак (слово) с сохранением всего объема значения.

Большая часть универбатов образуется в результате сжатия двусловных сочетаний вида ‘прил. (реже – страд. прич.) + сущ.’ с присоединением к основе суффиксов *-к-* и *-ник-*. Ср.: пятиэтажный дом => *пятиэтажка*; кругосветное путешествие => *кругосветка*; обменный пункт => *обменник*; мобильный телефон => *мобильник*.

Отличительной чертой универбатов, образованных от сочетаний с прилагательными, является их многозначность. Это объясняется тем, что «потенциально любое словосочетание с данным прилагательным может быть “свернуто” в универбат, соответственно универбат может соответствовать сочетанию данного прилагательного почти с любым существительным» [15]. На этом основании Л. А. Капанадзе дала следующую характеристику универбатов: «Слова, имеющие либо чрезвычайно общее значение, либо значение неопределенное, всегда конкретизируемое лишь ситуацией и контекстом речи. <...> Можно назвать такие слова словами-“губками”, всасывающими в себя разные смыслы» [16]. Таким образом, потенциальный круг значений универбата тем шире, чем шире сочетаемость исходного прилагательного.

Универбация характерна для многих славянских языков (чешского, словацкого, польского), но в русском языке этот способ словообразования традиционно считается принадлежностью разговорной речи. Активное создание слов этого типа началось в 1960–70-е годы, а на рубеже XX–XXI веков они стали массово проникать в язык печатных и электронных СМИ. Несмотря на расхождение мнений и вкусов по поводу слов-универбатов и их уместности в языке СМИ, нельзя не признать: данные образования играют важную роль в современной разговорной, газетной публицистической и устной публичной речи. Их многочисленность и тенденция к постоянному пополнению объясняется стремлением говорящих и пишущих к смысловой концентрации высказываний и подчиняется закону экономии языковых средств.

2) *Образование слов путем усечения основы*

В производное слово, образованное усечением основы, входит лишь часть производящего, при этом производное и производящее тождественны

по семантике. Этот способ широко представлен в современном русском языке. Как пишет Н. А. Янко-Триницкая, «усечение как один из способов экономии языковых средств в процессе коммуникации представляет собой естественное и закономерное явление, если это касается слов широкого употребления или слов, имеющих в определенной среде высокую частотность» [17].

Большая часть усеченных слов рождается в устной непринужденной речи, в ограниченной социальной среде и получает сниженную (просторечную) стилистическую окраску.

В русском языке усечению подвергается, как правило, вторая, конечная часть полнозначного слова. «Избыточность семантической информации в многофонемных словах (при отсутствии омонимии) и высокая частотность их употребления приводят к тому, что начала слова часто бывает достаточно, чтобы воспринять значение всего слова», – пишет Н. А. Янко-Триницкая.

Усечение основ в большей степени свойственно жаргонам, особенно широко оно представлено в речи молодежи.

Возможно усечение на морфемном шве (*фанат* <= *фанатик*, *нелегал* <= *нелегальный*, *недогляд* <= *недоглядеть*) и усечение не на морфемном шве (*дир* <= *директор*, *пенс* <= *пенсионер*, *будь спок* <= *будь спокоен*).

В языке газеты наиболее многочисленную группу слов, образованных усечением основы, составляют наименования лиц, образованные от иноязычных прилагательных на *-альный* (*виртуал*, *индустриал*, *нейтрал*, *федерал*, *неформал*). Меньшую группу составляют существительные, обозначающие предметы и образованные от прилагательных иной структуры: *экзот* (=‘экзотический товар’), *пластик* (=‘пластиковая карта’), *глянец* (=‘глянцевый журнал’).

3) Повтор-отзвучие («фокус-покус»-прием)

По определению Н. А. Янко-Триницкой, повторы-отзвучия представляют собой «своеобразные “прицепы” к слову, повторяющие данное слово с изменением начального звука или группы начальных звуков, напр.: *фокус-покус*, *страсти-мордасти*, *травя-мурава*, *чудо-юдо*, *коза-дереза*, *штучки-дрючки* и т. п.». Аналогично образованы сочетания *танцы-шманцы*, *павлин-мавлин*, *суши-муши* и др.

С фонетической точки зрения такие образования включают два отдельных слова с самостоятельным равноправным ударением в каждом. Но с семантической точки зрения отзвучие не может быть употреблено самостоятельно, так как не имеет собственного значения, а только сопровождает другое слово.

Этот прием известен в русском языке очень давно, лингвисты видят в нем влияние других языков (в частности, узбекского). Функцию повтора-отзвучия Е. А. Земская определяет как шутливо-игровую и отмечает, что чаще всего второе слово начинается с *шм*, реже – с *м* (*Твой любимый доктор-шмоктор*; *Наш сосед опять коньяк-моньяк принес*) [18].

4) Модель «ложки-вилки»

Впервые на данный способ словообразования указывается в работе Л. А. Капаназе. Он представляет собой сочетание двух полноценных слов,

каждое из которых является *гипонимом* (т. е. видовым понятием) по отношению ко всему сочетанию, которое представляет собой *гипероним* (т. е. родовое понятие). Как пишет Л. А. Капанадзе, «Не все, но многие родовые обозначения отсутствуют в разговорной речи. Это относится к таким родовым наименованиям, как *кондитерские изделия, школьно-письменные принадлежности, канцелярские товары, головной убор, сельскохозяйственные животные* и под.» [19].

В языке газеты по данной модели образуется значительное количество единиц: *Какой Новый год без апельсинов-мандаринов?* (вместо нехарактерного для разговорной речи родового понятия *цитрусовые*). Как отмечается исследователями, «значение подобных образований является достаточно нечетким, размытым, так как два предмета не всегда однозначно определяют множество» [19].

Употребление данного приема в газетном тексте помогает избежать употребления официальной родовой номинации, передать оттенок неопределенности, свойственный разговорным наименованиям. Кроме того, подобные номинации несут в себе экспрессивный заряд.

5) *Изолированное употребление морфем*

В языке современной прессы можно встретить примеры самостоятельного употребления морфем вместо полнозначных слов. Данный прием был заимствован из разговорной речи. Исследователи объясняют возможность такого употребления морфем большей членимостью слов в разговорной речи по сравнению с кодифицированным литературным языком. Например: *В итоге получается, что скандинавы – переастматированы, мы – недо*. Обычно аффикс, употребленный изолированно, соотносится по смыслу с полнозначным словом, содержащим такую же или антонимичную по значению морфему, в пределах того же текста (ср.: *переастматированы – недо*; антонимия приставок, одна из которых употреблена изолированно; предполагаемая вторая часть слова легко восстанавливается – *недоастматированы*). В газетных текстах встречаются и такие случаи, когда аффикс не соотносится напрямую ни с одним словом в тексте, но общий смысл при этом вполне понятен: *Это тот случай, когда «пере» хуже, чем «недо»*.

7. Образование новых слов путем графической гибридизации [20]

В современном газетном и рекламном тексте широко представлены окказиональные слова, образованные путем графической гибридизации, при которой внутри узуального слова графически, прописными буквами, выделяется часть, соответствующая другому узуальному слову. Часто этот прием используется в газетных заголовках и рекламных слоганах: *ДУМАющий посол. В каком же кресле сидит сегодня Лукин – депутатском или посольском?; Опять БЕЛЬМОнд у нас на глазу*. При гибридизации возможны графемные изменения (т. е. замена букв в словах): *ПАСЕют* («...доклад по конфликту в Чечне, подготовленный английским парламентарием... будет представлен на сессии ПАСЕ»); *Без заПИНКи: В Москве выступила поп-звезда Пинк*.

В словах, образованных путем гибридизации, наблюдается удвоение семантики. С одной стороны, слово содержит семантику общеупотребительного слова, на базе которого выделяется другое слово. С другой стороны, слово-гибрид наполняется новым лексическим значением, приобретает черты окказионализма.

Гибридизироваться могут также кириллица и латиница (например, *obladamь* – из рекламы), буквы и цифры (например, *вы100ять, на4ертить*).

Исследователи отмечают всплеск графической гибридизации в текстах периодики и рекламы конца XX – начала XXI века, справедливо видя в этом влияние американского варианта английского языка.

Таким образом, словообразовательная система современного русского языка, как и другие языковые уровни, находится в динамичном состоянии и активно «достраивает» и «перестраивает» язык под влиянием экстралингвистических и собственно языковых факторов. Большинство отмеченных новаций функционирует на речевом уровне, хотя отдельные языковые факты уже фиксируются новейшими словарями русского языка.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры. М., 1996 (1-е изд.), 2000 (2-е изд.).

2. Попова Т. В. Русская неология и неография: Учебное электронное текстовое издание. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2005. С. 28. URL: <http://window.edu.ru/windowcatalog/files/r28514/ustu121.pdf> – Загл. с экрана.

3. Лыков А. Г. Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики // Лексикология: Тезисы 2-й межвуз. науч. конф. М., 1990. С. 76–80.

4. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973. С. 65.

5. Попова Т. В. Указ. соч. С. 27.

6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005. С. 228.

7. Маринова Е. В. Особенности формирования новых словообразовательных гнезд в современном русском языке (нормативный аспект) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. статей. М., 2006. С. 371–383.

8. Там же. С. 372.

9. Там же. С. 376.

10. Сивова А. А. Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX – начала XXI в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. С. 11.

11. Существует другая точка зрения, идущая от работ М. В. Панова, который рассматривает подобные образования как сочетания двух слов – существительного и неизменяемого прилагательного.

12. См. подробнее: Рацибурская Л. В. Особенности новообразований в современных средствах массовой информации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. Вып. 4. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. С. 111–116.

13. Ярмашевич М. А. Знаковость аббревиатурных единиц // Вестник ОГУ. 2002. № 6. С. 106.

14. Складаревская Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка. М.: Изд-во «Эксмо», 2004. С. 321.

15. Юань Цуй. Коллоквиализация языка современной прессы (на материале словообразования имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 11.

16. Капанадзе Л. А. Номинация // Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973. С. 453.
17. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М.: Изд-во «Индрик», 2001. С. 408.
18. Земская Е. А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М., 2007. С. 188.
19. Капанадзе Л. А. Указ. соч. С. 459.
20. Юань Цуй. О двух типах разговорного словообразования (на материале языка газет) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. статей. М., 2006. С. 647.
21. Подробнее см.: Сивова А. А. Указ. соч. С. 15–16; Земская Е. А. Игровое словообразование... С. 191–192.

О. В. Редькина

Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)

Семантический потенциал субстантивированных форм, предваряющих прямую речь

Рассматривается одна из периферийных моделей субстантивации прилагательных в современном русском языке, характеризуются ее семантические особенности. Предлагается принцип разграничения субстантивата и согласованного определения перед предикативной конструкцией в субстантивном употреблении.

Ключевые слова: субстантивация, периферия, семантика, цитата, прямая речь, интонационно-графический рисунок.

Рассматривая явление субстантивации прилагательных в русском языке [1], можно говорить о продуктивных и малопродуктивных моделях (подробнее об этом см. [2]). На периферии процесса создания субстантивированных форм в современном русском языке находится модель, в соответствии с которой создаются субстантиваты, предваряющие ввод в текст прямой речи или цитаты. Такие образования нерегулярны, контекстуальны, создаются по мере необходимости в письменной речи и не закрепляются в языке. Ср., напр.: Он [Федор Иванович]... увидел сложенный вдвое лист и на нем **размашистое**: «Прочитать немедленно» В. Дудинцев. Белые одежды; **Вспомните знаменитое гумбольдтовское**: «Язык не эргон, но энергейя». Е. Земская. Словообразование как деятельность; Она [Ольга] пыталась расспросить Кирилла об этом французском писателе, но услышала в ответ лишь **шутливо-уклончивое**: «До того изысканный, до того изысканный! Хушь плачь!..» Ю. Нагибин. Дорожное происшествие.

Рассматриваемую модель субстантивации прилагательных, на наш взгляд, следует отличать от субстантивного употребления предикативных конструкций с согласованным определением (ср., напр.: «Он мужик-то недурной, нет, только из круга выбился». Вот это «из круга выбился» поче-

му-то больше всего и возбуждало в Сане интерес к Митяю. В. Распутин. Век живи – век люби; ...А для меня, помню, самым страшным наказанием было родительское «два часа не читать!» Семь дней. 1998. № 26). В многочисленных работах, посвященных анализу субстантивного употребления предикативных конструкций (ср. [3, 4]), такого разграничения не проводится: и те и другие примеры рассматриваются как «позиционная субстантивация коммуникативных единиц». На наш взгляд, в подобных случаях идентифицирующее значение приобретает интонация и ее графическое выражение – знаки препинания. Длительная пауза, обозначенная в примерах первого типа двоеточием, отделяет прилагательное (*размашистое, шутливо-уклончивое, гумбольдтовское*) от следующей за ним прямой речи. Прилагательное оказывается в конце синтагмы и «перетягивает» на себя смысловой акцент: определительная функция отходит на второй план, и адъективная форма начинает осмысляться как эквивалент существительного.

С семантической точки зрения субстантиваты данной модели образуют три подгруппы:

1) субстантиват указывает на субъекта или на источник высказывания, цитаты (ср.: *гоголевское, гумбольдтовское, лысенковское, библейское, Валеркино, обывательское* и т. д.). Прилагательные, подвергающиеся субстантивации, в таких случаях образованы от имен лиц, наименований групп лиц, названий книг, фильмов и т. п. Ср., напр.: *Ну как тут не вспомнить гоголевское*: «...и страшная свинья рожка выставилась, поводя очами...» *Общая газета*. 1999. № 27; *А труба, одна труба чего стоит! Помните мандельштамовское*: «Почему ты дуешь в трубу, молодой человек...» *Новая газета*. 2008. № 88; ...Сын Валерка учит уроки [...] *А в уши сыпалось Валеркино*: «...Дружно и разом напрягли медные груди...» В. Шукшин. Забуксовал;

2) субстантиват указывает на привычность, распространенность высказывания (*неизменное, нетленное, традиционное, общеизвестное, классическое* и т. д.). Ср., напр.: *Он [сторож]... говорит неизменное*: «Сливков нету, хоть и скотный двор». И. Шмелев. Неупиваемая Чаша; – *Там [в Америке] есть электрический стул, а нам нужно традиционное*: «Лоб – зеленой». *АиФ*. 2002. № 36; *Хозяйка со стола прибирала и пела обычное*: «Поедут они хвост морозить. Летом надо рыбалить...» Б. Екимов. Охота на хозяина;

3) субстантиват указывает на характерную особенность высказывания, надписи (ср.: *громовое, загадочное, кокетливое, старинное, резкое, истошное, надрывное, злоеющее, нервное, краткое, несмелое, размашистое, сакральное, загадочное* и т. д.). Ср., напр.: *Еще не успела она [Руна] почувствовать всю силу удара, как раздалось резкое и холодное*: «Нет». А. Грин. Блистающий мир; *Про... лайм я извлекла из всего русскоязычного Интернета лишь пару строк равнодушного описания, которые оканчивались кратким*: «Используется так же, как лимон». *Итоги*. 2000. № 24; *Телеприемников, правда, на тот момент у населения не было, но в газетах уже можно было прочитать пафосное*: «Смотрите! Передает Москва!». *Собеседник*. 2010. № 37.

Все три подтипа характеризуются открытостью, высокой степенью продуктивности и свободно вовлекают в свой состав прилагательные русского языка. Характерной особенностью субстантиватов первых двух подгрупп является наличие в их смысловой структуре компонента, указывающего на известность, распространенность, воспроизводимость высказывания.

Грамматически рассматриваемые субстантиваты приобретают форму среднего рода единственного числа, что свидетельствует об обобщающем, абстрактном характере их семантики. С рассмотрением субстантивированных форм как обобщенных наименований мы связываем перспективу своего исследования.

Примечания

1. См.: Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. М., 1967; Бортэ Л. В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке. Кишинев, 1977; и др. работы.

2. Редькина О. В. Субстантивация как семантическое явление (языковой и функциональный аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2003.

3. Верницкая С. Г. Характеристика типов позиционно субстантивированных коммуникативных единиц // Науч. труды Кубанского ун-та. Вып. 171. Сложное предложение в языке и речи. Краснодар, 1973. С. 16–23.

4. Верницкая С. Г. О свойствах позиционно субстантивированных коммуникативных единиц // Науч. труды Кубанского ун-та. Вып. 216. Единицы различных уровней в языке и речи. Ч. 3. Краснодар, 1976. С. 87–94.

Ю. В. Туфанова

Иркутский государственный технический университет (г. Иркутск)

Извинение как конфликтная коммуникативная ситуация

Статья посвящена коммуникативной ситуации извинения, которая рассматривается как конфликтная ситуация общения. В частности, анализируются ее основные коммуникативные и прагматические характеристики.

Ключевые слова: извинение, коммуникативная ситуация, конфликт, речевое поведение.

Речевое поведение собеседников в реальных ситуациях общения может быть направлено на: 1) сотрудничество, контакт, кооперацию; 2) устранение от активного участия в изменении развития ситуации общения, невмешательство в ход коммуникативного акта; 3) конфликт, конфронтацию [1].

Речевое поведение партнеров в ситуации извинения определяется двумя основными тенденциями – стремлением к кооперации (сотрудничеству) и стремлением к конфликту. Стремление к конфликту характеризует адресата извинения в тех случаях, когда нанесенный ущерб очень велик, вследствие чего он не желает прощать (не может простить) провинившегося человека (адресанта). Другими словами, в такой ситуации происходит столкновение

интенций собеседников (кооперативной со стороны адресанта и конфликтной со стороны адресата).

Конфликт является неотъемлемой частью повседневного межличностного общения. Отметим, что конфликтность может стать свойством личности. В таком случае она начинает проявляться во всех аспектах речевого поведения человека [2]. Конфликтное речевое поведение также тесно связано с появлением когнитивного диссонанса [3], который активизирует сознание человека и может мотивировать возникновение конфликта в ситуации извинения в случае, когда еще до начала диалога диссонанс присутствует в сознании одного или обоих коммуникантов.

В данном исследовании мы рассматриваем конфликт как тип общения, основу которого составляют противоречия во взглядах, установках, интенциях и целях коммуникантов. Одной из основных причин конфликтов является непохожесть людей в плане их жизненных приоритетов, целей и ценностных ориентиров.

Исследователями отмечается различие между конфликтом и конфликтной ситуацией. Конфликт – это процесс, который имеет дискретные характеристики, предполагает начало и конец. Момент реорганизации действий и приобретение ими конфликтного характера считается началом конфликта. Поэтому любая ситуация, фиксирующая конфликтную действительность в любом временном срезе от его начала, и есть конкретная конфликтная ситуация [4]. Конфликтная речевая ситуация характеризуется столкновением целей и интересов партнеров, которое проявляется в их противодействии друг другу [5].

Итак, конфликт – это состояние отношений между коммуникантами, которое: 1) характеризуется столкновением интенций, оценок, мнений, установок и др.; 2) как правило, сопровождается отрицательными эмоциями; 3) имеет формальную структуру: начало конфликта, процесс протекания конфликта и его конец.

Наиболее ярко конфликт проявляется в межличностной коммуникативной ситуации, которая фиксирует его (конфликт между партнерами) на определенном конкретном временном этапе. Такую ситуацию общения мы считаем конфликтной. Речевое поведение партнеров в конфликтной ситуации характеризуется противоборством противоположных интенций, целей, оценок, взглядов или установок собеседников.

К ситуациям, в той или иной степени угрожающим взаимоотношениям коммуникантов, относят такие, как проявление сильных отрицательных эмоций в установившихся отношениях; восстановление отношений после конфликта [6], в частности ситуацию извинения.

Коммуникативная ситуация извинения может являться как конфликтной, так и потенциально конфликтной (то есть содержащей предпосылки будущего конфликта). Во-первых, на сам факт возникновения этой ситуации оказывает влияние реальный или возможный ущерб, который представляет собой конфликтогенное явление: в ситуации ретроспективного извинения

ущерб адресату уже причинен, поэтому на момент разговора собеседники находятся в состоянии конфликта. Ситуация извинения в этом случае является конфликтной (по крайней мере на начальном этапе общения), поскольку фиксирует конфликт на данном конкретном временном отрезке, что, однако, не исключает возможности перерастания ее в кооперативную.

Во-вторых, в ситуации, когда адресату причинен большой моральный или физический ущерб или же когда отношения с собеседником не имеют особой ценности для адресата, его речевое поведение может отличаться «деструктивным содержанием» [7] – он не принимает извинение. Такая позиция неизбежно приводит к усугублению конфликта и нередко к прекращению отношений. В подобной ситуации явно присутствует конфликт целей и интересов собеседников – адресант просит о прощении/извинении, а адресат ему в этом отказывает, следовательно, такую ситуацию общения мы характеризуем как конфликтную.

В-третьих, в случае использования извинения как средства обращения к собеседнику ситуация является, на наш взгляд, потенциально конфликтной, так как адресант отнимает у адресата время и навязывает ему необходимость начать коммуникативный процесс. Извинение в такой ситуации не только выполняет функцию обращения, но и способствует смягчению возможного негативного эффекта от коммуникативного поведения адресанта.

В-четвертых, ситуация проспективного извинения может содержать предпосылки возможного конфликта, то есть также представлять собой потенциально конфликтную ситуацию общения. Этот факт объясняется тем, что адресанту не всегда удается достичь поставленной цели предотвратить при помощи извинения негативный эффект от своих будущих слов или поступков, поэтому ситуация из кооперативной может превратиться в конфликтную, поскольку нередко адресат не удовлетворяется принесенным извинением (в случае, когда будущий ущерб достаточно велик).

Таким образом, в реальных ситуациях общения принесение извинения не является гарантией успеха коммуникативного взаимодействия. Иногда, несмотря на все вербальные и невербальные усилия адресанта, ситуация становится/остаётся конфликтной.

Примечания

1. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2003. 301 с.

2. Гончаров М. А. Основные стратегии поведения в конфликте. Самопродвижение, межличностные коммуникации, лидерство. 2006. URL: <http://www.ipnou.ru/article.php?idarticle=003296> [назв. с экрана]. (Дата обращения: 22.03.2010).

3. Воскобойник Г. Д. Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестник МГЛУ. Сер. Лингвистика. 2004. Вып. 499. 181 с.

4. Хасан Б. И., Сергоманов П. А. Психология конфликта и переговоры: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 192 с.

5. Ильенко С. Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 57–68.

6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 285 с.

7. Гончаров М. А. Указ. соч.

Современные интернет-технологии в социально-культурной сфере

В статье идет речь о современных рекламных интернет-технологиях в социально-культурной сфере. Авторы статьи выделяют сайты отелей как один из видов интернет-рекламы и рассматривают специфические языковые средства, использование которых обуславливает успешное продвижение туристического продукта посредством привлечения максимально большого числа потенциальных туристов.

Ключевые слова: социально-культурная сфера, туристический продукт, интернет-сайт отеля, интернет-реклама.

Сфера туризма и гостеприимства в России сегодня динамично развивается. Все большее количество туристических предложений и услуг появляется в данном секторе, что создает значительную конкуренцию среди туристических компаний. В данных условиях потенциальному клиенту не так легко сориентироваться в большом количестве туристических предложений, а у многочисленных агентов, под которыми в данной статье мы понимаем поставщиков туристических услуг, возникает вопрос: как привлечь к своему туристическому продукту максимальное внимание со стороны последних. Безусловно, существует множество механизмов привлечения клиентов/туристов, но, пожалуй, самым эффективным на сегодняшний день способом является реклама. Агенты с помощью рекламы реализуют систему своих целей и установок, которая заключается в следующем: 1) информирование клиента, благодаря чему как «новички», так и «бывалые» туристы могут ознакомиться с новыми направлениями туризма или предложениями; 2) привлечение внимания клиента к туристической услуге посредством использования невербальных, в частности визуальных элементов, например билбордов, баннеров, эксплицирующих особенности того или иного предприятия сервиса, а также с помощью вербальных способов, например интернет-сайтов предприятий сервиса, туристических проспектов и буклетов, туристических рекламных слоганов; 3) побуждение потенциального клиента к приобретению позиционируемых туристических услуг. В условиях достаточно жесткой конкуренции, существующей на современном туристическом рынке, эту систему установок агентам не всегда просто реализовать. Именно поэтому реклама в туризме должна иметь четкий ориентир на желания, приоритеты и возможности потенциального клиента/туриста, т. е. *целевую установку*.

Сегодня реклама в социально-культурной сфере претерпевает определенные технологические изменения, вследствие внедрения Интернета во все сферы жизнедеятельности человека. В качестве основных причин такого бурного использования сети Интернет можно выделить следующие: 1) пси-

хологические причины – психологический портрет туриста XXI века значительно изменился, к его основным чертам прибавились мобильность, активность, необходимость получить результат своего действия *здесь и сейчас*;

2) социально-культурные причины – потребности современного туриста, как биологические, так и социальные, претерпели определенные качественные изменения, вследствие увеличения межкультурного общения человек все больше стремится познать окружающие его иные лингвокультурные группы;

3) социально-экономические причины – Интернет, как глобальное информационное пространство, представляет собой поле виртуальной деятельности современного человека, который может найти здесь ответ практически на любой вопрос или получить определенную услугу (оплатить счета, совершить покупку, выбрать любой отель или туристическую экскурсию, оплатить все заказы в режиме «online»). Широкое использование Интернета объясняется еще и тем, что в этом виртуальном информационном пространстве система целей и установок агента достигаются в полном объеме и максимально эффективно, так как он получает возможность представить свой туристический продукт или услугу не только в своем регионе, но одновременно во многих странах мира. С прагматической точки зрения интернет-рекламу регламентируют два понятия – удобство и быстрота. С точки зрения лингвистики «неформальное понятие “удобства” определяется как экономия усилий говорящего/отправителя и слушающего/получателя. Отправитель (в данном случае агент) экономит усилия, делая сообщение более кратким, максимально редуцированным, получатель (в данном случае клиент), наоборот, для экономии своих усилий, связанных с декодировкой, нуждается в развернутом, максимально эксплицированном сообщении. Эффективная коммуникация достигается путем балансировки усилий обеих сторон» [3, 55–68]. Иными словами, сегодня совсем не обязательно покупать газету или журнал, чтобы узнать об интересных предложениях для отдыха, тратить свое драгоценное время на походы по городу в поисках туристической фирмы – можно воспользоваться Интернетом и в строке *Поиск* задать интересующее направление. Поэтому сегодня интернет-реклама в социально-культурной сфере стала неотъемлемой частью экономической стратегии любого предприятия сервиса (туристического агентства, отеля, ресторана и т. д.), облегчает организацию продаж туров, оповещение потенциальных туристов о горящих предложениях, ознакомление с новыми туристическими направлениями.

Учеными установлено, что общение как способ социально-психологического взаимодействия людей может протекать в смешанной форме – вербальной и невербальной [8, 10]. В качестве вербальных способов реализации рекламы в социально-культурной сфере мы можем выделить тексты туристических проспектов и брошюр, туристические экскурсионные листовки с дальнейшей детализацией маршрутов для туристов, тексты сайтов предприятий сервиса, в частности отелей, ресторанов, а также интернет-форумы и блоги (последние рассматриваются нами как особый вид туристической ин-

тернет-рекламы, которая представляет собой заметки туристов, обмен их мнениями о том или ином предприятии сервиса и посредством которой многие агенты заявляют о своем туристическом объекте/услуге).

В данной статье мы хотели бы выделить интернет-сайты отелей, которые рассматриваем как один из эффективных способов привлечения клиентов агентом к своему туристскому продукту. В ситуации ознакомления с новой культурой именно отель, как предприятие сервиса, является для потенциального туриста предметом внимания и детального изучения, так как последний относится к выбору места пребывания избирательно, это обусловлено большим количеством современных отелей, которые по качеству и количеству предоставляемых ими услуг способны конкурировать друг с другом. Репрезентации отелей в информационном пространстве Интернет посредством сайтов в значительной степени экономят человеку время, так как предоставляют возможность совершить виртуальное путешествие, не выходя из рабочего кабинета или комнаты. Таким образом, сайт отеля представляет собой своеобразный интернет-продукт, который включает базу данных, механизмы управления информацией, инструменты для размещения собственной информации на сайте. Типичный сайт отеля представляет собой информационное пространство объемом от 6 до 35 веб-страниц, связанных посредством гиперссылок; это и текст, и большое количество графических объектов информационного характера: меню, графических заголовков, логотипа отеля, символов. Все это дает основания рассматривать пространство сайта как *гипертекстовое*, под которым мы понимаем цифровой формат хранения информации. Гипертекстовое пространство сайта отеля представляет собой информационное поле, особенность которого усматривается в ярко выраженном коммуникативно-прагматическом воздействии на потенциального туриста. Это обуславливается тремя параметрами: 1) сайт отеля должен обладать достаточным уровнем информативности, зависящей от степени его социально-культурной адаптации, под которой понимается языковая адаптация контента сайта с учетом социально-культурных особенностей потенциальной туристической аудитории; 2) сайт отеля должен иметь визуальную привлекательность и запоминаемость для туриста с целью формирования у него положительных ассоциаций; 3) структурно-текстовая организация сайта отеля должна отвечать положениям *SEO – Search Engine Optimization* – комплекса требований поисковой оптимизации сайтов [1, 11], которые влияют на конверсионность текстов сайтов и обеспечивают их узнаваемость в сети Интернет, улучшение позиций в поисковых системах Yandex, Google, увеличение их посещаемости туристами. Посредством *Seo*-технологий происходит корректировка текстов и оптимизация веб-страниц сайтов отелей.

В контексте данной статьи мы делаем акцент на влиянии способности участников – агента и клиента – к достижению психологического, когнитивного и эмоционального контакта, обусловливаемой их психологической совместимостью, общностью фоновых знаний и менталитета, на функционировании туристического дискурса. Значительную роль играет позитивная ус-

тановка на общение. Позитивная культурная маркированность данного вида дискурса создается, прежде всего, наличием в нем «культурем» [10, 313], т. е. культурных образцов. Важнейшей культуремой является литературный язык, применяемый в качестве знаковой системы в конкретном процессе общения. При противоположной (негативной) установке дискурс (в данном контексте речь идет о туристическом дискурсе) либо деформируется, либо разрушается (вплоть до полного прекращения) [10, 35].

Как показал материал исследования, сайты отелей демонстрируют различную степень социально-культурной адаптации к потенциальному клиенту в сети Интернет. На этом основании мы можем классифицировать их на следующие виды [6, 7–8]: 1) *оригинальные неанглоязычные сайты*, под которыми мы понимаем сайты, представленные в Интернете на языке титульной нации страны, на территории которой находится позиционируемый отель. Оригинальные неанглоязычные сайты доступны в основном представителям той страны, на языке которой сайт отеля представлен в глобальной сети, т. е. незначительному числу туристов. В этом случае агент сталкивается с проблемой – позиционируемый им отель очень не скоро найдет своего клиента (а возможно, не найдет никогда). Для начинающих туристических компаний использование подобных сайтов не является залогом экономического успеха и процветания; 2) *оригинальные англоязычные сайты*, представленные в Интернете на английском языке, языке межкультурного общения [9, 25], поэтому такие сайты будут информационно релевантными для большинства потенциальных туристов; 3) *глобализованные при переводе сайты*, сайты отелей любых неанглоязычных стран, представленные в Интернете на английском языке как «инструменте глобальной коммуникации» [7, 35]. Они представляют продукт комплексного процесса языковой модификации оригинального неанглоязычного сайта. Они являются информативными, так как языковой код, используемый агентом, является международным (см. выше), а следовательно, доступным для большей части потенциальной туристической аудитории. Большинство неанглоязычных стран мира, например Россия, Чехия, Словения, Хорватия, Турция, Греция и т. д., представляют свои сайты на английском языке; 4) *локализованные при переводе сайты* – сайты, полученные в результате языковой локализации, под которой понимается языковая модификация любого оригинального сайта отеля. Такие сайты имеют «целевую установку» [5, 49], то есть ориентацию на конкретного, а следовательно, немногочисленного адресата. Согласно данным социологических исследований, сегодня большинство туристических компаний неанглоязычных стран, таких, как Турция, Греция, Египет, Испания, предлагают локализованные на русский язык сайты отелей. Главной причиной является огромный интерес и желание россиян посещать именно эти туристические маршруты. Частичной глобализации чаще всего подлежат такие структурные элементы сайтов, как название отеля, виды номеров, система оплаты и некоторые дополнительные услуги, они могут быть представлены как на английском языке, например “*Health*” бар, “*Pizza&Pasta*” (признак глобализации

сайта), так и на языке целевого адресата *сьют, роял сьют, джуниор сьют, делюкс* (признак локализации сайта). Такой способ репрезентации информации на данных сайтах обусловлен намерением агента облегчить клиенту восприятие сообщения посредством упоминания знакомых и легко узнаваемых названий, предоставить ему возможность (на данном этапе только виртуальную) быстрее сориентироваться и составить мнение о данном отеле.

С точки зрения структурно-композиционной организации типичный интернет-сайт отеля содержит следующие части: 1) *презентацию*, которая включает название отеля и его логотип; 2) *описательно-информативную часть*, которая включает сведения о категории отеля и уровне его звездности, информацию о месторасположении отеля по отношению к центральной части города, об условиях размещения и заселения, условиях оплаты и проживания, перечни номеров отеля, сведения о дополнительных услугах отеля, наличии мест и условий для размещения семей с детьми, размещения домашних животных, парковки автомобилей и т. д.; 3) *информативно-оперативную часть*, включающую разделы, предоставляющие потенциальному туристу возможность оформить заказ той или иной услуги или осуществить определенные процедуры онлайн: юридический адрес отеля, адрес электронной почты отеля, контактный телефон, дополнительные возможности для оформления туристической услуги.

Тексты сайтов отелей имеют специфическое лексико-семантическое оформление; обнаруживают лаконичность, языковую выразительность, способствующие положительной настройке клиента/туриста. В силу того, что, несмотря на обширность материала, тексты сайтов должны вмещаться в определенные рамки, встает вопрос об увеличении емкости интернет-сообщений и в то же время сохранения их персуазивной функции, т. е. функции воздействия на клиента. Материал исследования позволяет выделить разнообразные языковые средства, реализующую данную персуазивную функцию: терминологические единицы, метафоры, лексические единицы с мелиоративной (положительной оценкой), фразеологизмы, хрононимы, прецизионная лексика, композиты, заимствования, синтаксические структуры. Проиллюстрируем использование некоторых лексико-прагматических единиц на примерах:

1. *Термины – Suite; Hotel, das.* Установка агентов на общедоступность текстов туристических сайтов обуславливает использование своеобразного *туристического тезауруса*, т. е. употребление известных заимствований, аббревиатур, слов и выражений туристической сферы. Это необходимо для того, чтобы избежать «коммуникативной неудачи» [5, 35].

2. *Метафоризированные единицы – “Media Athens Hotel is Storm of Service”, Harmonie der historischen Bauten genießen [1].* Метафора несет в себе заряд экспрессивности, так как она не описывает существующую реальность, а квалифицирует те или иные качества обозначаемого в соответствии с чувственным восприятием автора (а данном случае агента). Экспрессивные средства обладают большой долей выразительности, маркируют текст,

вследствие чего последний становится ярким и выразительным. Как показывает материал исследования, в текстах сайтов отелей используется большое количество образных средств.

3. *Лексические единицы с мелиоративной (т. е. положительной) оценочной семантикой* [8, 91] – *excellent, wonderful; reizend, abwechslungsreich, paradiesisch* [1]. Лексические единицы с мелиоративной оценочной семантикой используются агентами для положительной настройки клиентов, которая предполагает не только привлечение и удержание внимания, но и побуждение потенциального туриста к приобретению позиционируемой услуги.

4. *Фразеологизмы* – *Ägypten – das Land, in dem der Wetterfrosch das ganze Jahr über lacht* [1]. Фразеологические единицы выступают достаточно частотными и действенными средствами экспрессии, которым присуща языковая образность и выразительность. Фразеологические единицы выполняют ряд языковых функций, как собственно семантических, так и коммуникативно-прагматических. Экспрессивность фразеологических единиц – их релевантное свойство, вследствие которого они функционируют в языке именно как единицы, выполняющие коммуникативно-прагматическую функцию, т. е. функцию воздействия на клиента.

5. *Прецизионная лексика* – *Europa, Ligurische Riviera, Irland* [1]. Под прецизионной лексикой мы понимаем географические названия (страны, города, материки, острова и т. д.), названия фирм, отелей, лайнеров и других мест проведения отдыха, предлагаемых туристическими компаниями.

6. *Хрононимы* – *“The Grand Hotel Europe is over 130 years of excellence. This hotel is a historical landmark dating from 1875”* [2]. Под хрононимами мы понимаем лексические единицы, содержащие конкретное указание на отрезок времени или дату, непосредственно связанную с данным отелем. Использование хрононимов, на наш взгляд, считается одним из эффективных средств реализации агентом (т. е. автором) персуазивной функции текста сайта – отель с долгой и красивой историей обязательно привлечет потенциальных туристов.

Информативно-прагматическая ориентация сайтов отелей обуславливает их композицию и рубрикацию. Под *композицией* мы понимаем строение текста сайта, соотношение и взаиморасположение его структурных частей. Структурные части сайта отеля и образующие их разделы имеют, как правило, несколько информационных окон. Логическая составляющая англоязычного сайта отеля отражается с помощью *рубрикации* текста, определяющей членение текста на составные элементы, графическое отделение одной части от другой, использование заголовков. Рубрикация является внешним выражением композиционной структуры сайта. Простейшей рубрикой является *абзац* – отступ вправо в начале первой строки каждой части текста. Абзац служит показателем перехода от одной темы к другой. Часто во многих текстах исследуемых сайтов основная мысль абзаца выражена в виде тезиса, выделенного подзаголовком. Важным средством рубрикации являются многочисленные заголовки и подзаголовки. Заголовок позволяет в краткой фор-

ме отразить тематику текстового сообщения, а иногда и его основную мысль. Заголовок должен быть адекватным по содержанию, логическим и информационно емким, «заголовкам, очевидно, принадлежит особая роль в структуре релевантности, поскольку именно заголовком можно выделить наиболее важную тему текста» [4, 65]. Композиция и рубрикация англоязычных сайтов отелей обуславливаются следующими факторами: 1) социально-культурными традициями; 2) содержанием; 3) видом текстового сообщения; 4) интенцией адресанта.

Структурно-композиционная организация англоязычных сайтов отелей и вариативность формы ее выражения, продиктованные интенциями адресанта, предполагают наличие обязательных компонентов, к которым относятся: 1) основной заголовок; 2) логотип; 3) корпус текста; 4) прескриптор. Каждый компонент выполняет свои функции, способствующие актуализации системы целей и установок агента.

Коммуникативно-прагматический подход к рассмотрению сайтов отелей позволил нам выделить их как особый вид интернет-рекламы в социально-культурной сфере. Такие дискурсивные признаки, как агент, клиент, наличие персуазивной функции у текстов интернет-сайтов отелей, актуализируемой специфическими языковыми средствами, стали теми точками отсчета, которые легли в основу нашей статьи.

Примечания

1. Ашманов И., Иванов А. Продвижение сайта в поисковых системах. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007.
2. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
3. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2002.
4. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
5. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж, 2000.
6. Лиховидова Е. П. Авторские стратегии построения гипертекстового пространства англоязычных Интернет-сайтов отелей: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
7. Митягина В. А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
8. Ретунская М. С. Английская аксиологическая лексика: монография / Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 1996.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
10. Шамне Н. Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2007.

Ресурсы сети Интернет

1. URL: <http://www.booking-charming-hotels.com>
2. URL: <http://www.grandhoteleurope.com>

ЛИНГВОДИДАКТИКА

С. А. Терехова
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

Лингводидактические принципы обучения контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности

Статья посвящена отбору лингводидактических принципов обучения контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности учащихся основной школы. В статье приведены и обоснованы частнометодические и общедидактические принципы, с учётом специфики работы.

Ключевые слова: контрольно-экзаменационные стратегии, частнометодические принципы, общедидактические принципы.

Проведение образовательных реформ ставит отечественную школу перед необходимостью обновления содержания образования в соответствии с новой целью, разработкой форм и методик контроля – в связи с этим закономерным представляется поиск эффективных методик обучения иностранному языку. Учащимся, сделавшим свой выбор в пользу иностранного языка для сдачи его в качестве экзамена, по окончании основной школы предстоит испытание в новом тестовом формате. Они сталкиваются не только с новой для них структурой заданий, но и с определёнными временными рамками, отводимыми на их выполнение. В этих условиях обучение контрольно-экзаменационным стратегиям при овладении иностранным языком приобретает научно-теоретическое и социально-практическое значение и становится крайне актуальным.

Под *контрольно-экзаменационными стратегиями* в иноязычной деятельности мы понимаем определённый набор скоординированных ментальных и физических действий, планируемых и осознаваемых учащимися при решении образовательных задач в учебно-познавательной деятельности. При выполнении контрольных или экзаменационных работ по иностранному языку учащиеся осуществляют познавательные учебные действия, в число которых входят: поиск и выделение необходимой иноязычной информации; выбор наиболее эффективных способов решения иноязычных коммуникативных задач, рефлексия способов и условий действия, контроль и оценка процесса овладения иноязычной речевой деятельностью. Эти действия реализуются с помощью следующих умений: работать с новой иноязычной информацией, выделяя главное и второстепенное; структурировать лингвистические и страноведческие знания; осознанно и произвольно строить устное

или письменное иноязычное высказывание; выбирать наиболее эффективные способы решения задачи; извлекать необходимую информацию из прослушанных или прочитанных иноязычных текстов исходя из поставленной учебной задачи и т. д.

При разработке эффективной методики обучения контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности особое внимание уделяется отбору и обоснованию принципов обучения данному виду стратегий. Авторская методика обусловлена следующими принципами, под которыми вслед за Н. Д. Гальсковой и Н. И. Гез мы понимаем «первооснову, закономерность, согласно которой должна функционировать и развиваться система обучения предмету» [1].

Мы придерживаемся традиционного разделения всех принципов на общедидактические и методические (специфические) (Н. Д. Гальскова, 2009, М. В. Ляховицкий, Р. К. Миньяр-Белоручев, 1990, А. А. Миролубов, А. Д. Климентенко, 1981, Е. И. Пассов, Е. Н. Соловова, 2009, Г. В. Рогова и др.). К общедидактическим мы отнесли принципы личностно-ориентированной направленности; доступности и посильности; сознательности, активности, самостоятельности; систематичности и последовательности. В свою очередь, к методическим принципам относятся принципы коммуникативной направленности, взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности, аппроксимации.

Однако, принимая во внимание тему нашего исследования, считаем необходимым выделить дополнительные принципы, учёт которых будет способствовать эффективному обучению контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности: выбор стратегии иноязычной речевой деятельности, реализация обратной связи, психологическая комфортность, и модульность. В методической литературе рассматриваются три группы методических принципов: а) общие методические принципы; б) частные методические принципы; в) специальные методические принципы [1].

Таким образом, в соответствии с предложенной классификацией, принципы обратной связи и психологической комфортности относятся к общедидактическим принципам, а выбор стратегии иноязычной учебной деятельности и модульность принадлежат специальным методическим принципам.

Обоснуем выделенные нами общедидактические принципы обучения контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности. Так, первый принцип – это личностно-ориентированная направленность. Данный принцип заключается в «последовательной активизации имеющихся у каждого учащегося интеллектуальных способностей, знаний и речевого опыта, его эмоций и настроений, а также в развитии этих личностных параметров» [2]. Мы убеждены, что учебный процесс должен быть гармонично ориентирован на каждого ученика. Именно поэтому при разработке собственной методики мы посвятили первый модуль проведению диагностики с использованием диагностических методик на выявление индивидуальных особенностей учащихся. Полученные данные были использованы для деле-

ния школьников на группы в соответствии с общей успеваемостью по иностранному языку, уровнем мотивации к изучению данного предмета. При организации занятий по обучению контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности использовались индивидуальные, парные и групповые виды работы. Не конкуренция, а кооперация определяла атмосферу в учебной группе.

Вторым общедидактическим принципом, который важен для организации нашей методики обучения контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности, является принцип доступности и посильности. Доступность выражается в возможности учащихся подросткового возраста понять изучаемые стратегии и умения, необходимые для успешного выполнения контрольных и экзаменационных работ по иностранному языку. Принцип посильности реализуется полнее в том случае, если при овладении определённым видом стратегии преодолевается ограниченное число трудностей, не допускаются грубые ошибки. Следуя этому принципу, мы ранжируем задания по степени сложности.

Третий принцип – сознательности, активности и самостоятельности. В свете теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина сознательность обеспечивается планомерным формированием всего состава входящих в действие ориентировочных и исполнительных операций. Имеются в виду такие компоненты, как создание ориентировочной основы, основные этапы овладения навыками и умениями, контроль и оценка выполненного действия [3]. Согласно специфике нашего исследования, мы полагаем, что учащимся следует сознательно подходить к написанию контрольных и экзаменационных работ, проявлять самостоятельность при отборе стратегий и умений иноязычной речевой деятельности. В основе контрольно-экзаменационных стратегий по иностранному языку лежит деятельность, которая стимулирует умственное развитие учащегося.

Следующий принцип, который мы выделяем, это систематичность и последовательность. Систематичность проявляется во взаимосвязи усваиваемых явлений, в определённой последовательности их предъявления, которая определяется значимостью умений, входящих в состав контрольно-экзаменационных стратегий в иноязычной речевой деятельности.

Ещё один принцип, который нам представляется актуальным и значимым, это реализация обратной связи. Его суть заключается в систематическом контроле деятельности учащихся с целью своевременной координации и коррекции ошибок и отклонений. Вовремя полученная информация о трудностях и проблемах, которые испытывают учащиеся, будет способствовать их скорейшему устранению и достижению положительного учебного результата.

Принцип психологической комфортности – это принцип, который необходимо учитывать при обучении контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности. Ситуация контрольной или экзаменационной работ – это прежде всего стресс, переживание, с которыми не

всем одинаково успешно удаётся справиться. Организуя тренинговые занятия, мы уделяли большое внимание созданию спокойной, доброжелательной атмосферы, применяли приёмы релаксации, реализуя тем самым данный принцип.

Перейдём к описанию методических принципов, исходя из темы и специфики нашего исследования.

Принцип коммуникативной направленности обусловлен коммуникативным контекстом иноязычной речевой деятельности. Обучая контрольно-экзаменационным стратегиям на основе английского языка, мы в первую очередь предлагаем учащимся темы, тексты, задачи, в которых содержится новая для них информация, которые близки им по контексту деятельности. Аппелируя к их опыту, знаниям, эмоциям, мы стараемся создать комфортную атмосферу на занятиях, побуждающую к речевой активности. По мере выполнения заданий по иностранному языку отдельное внимание уделяется оценочным коммуникативным приёмам (речевым и неречевым). Перед учащимися ставятся посильные задачи с содержательными речевыми опорами, учитываются их индивидуальные особенности.

Принцип взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности объясняется невозможностью обучения какому-либо виду речевой деятельности изолированно от других. Одновременно задействуются и формируются все аспекты и виды речевой деятельности. Так, при обучении контрольно-экзаменационным стратегиям в чтении на иностранном языке, одновременно отрабатываются лексические и грамматические умения и навыки. Произнося слова, словосочетания, предложения, учащиеся приобретают определённые фонетические умения и навыки и т. д. Очевидно, что при обучении контрольно-экзаменационным стратегиям в каждом отдельном виде речевой деятельности будут присутствовать как свои особые, так и схожие по характеристикам упражнения и задания, что обусловлено номенклатурой умений.

Принцип аппроксимации «даёт возможность более рационально осуществлять организацию и контроль учебно-воспитательного процесса» [4]. Обучая контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности, целесообразно игнорировать ошибки учащихся на отдельных этапах, если это не противоречит цели занятия и не препятствует правильному пониманию речевого сообщения. В результате реализации данного принципа в группе создаётся благоприятная атмосфера, снижается боязнь ошибок, что способствует осуществлению подлинного общения на иностранном языке.

Обоснуем первый специальный методический принцип – выбор стратегии учебной деятельности. В контексте современного понимания сущности обучения иностранному языку как процесса формирования грамотной, конкурентно способной, самостоятельно мыслящей личности было бы несправедливо игнорировать важность и значимость умения действовать в новой, незнакомой ситуации, рационально распределять время, планировать

свои действия. Человеку всегда приходится что-то выбирать, чем-то жертвовать, поэтому, научившись принимать разумные решения в учебной деятельности, он сможет перенести их на любую другую свою деятельность.

Второй принцип, на который мы опираемся, – принцип модульности. Выделение данного принципа объясняется тем, что, модульная структура является одной из наиболее перспективных среди инновационных форм и методов. Кроме того, принцип модульности предполагает целостность и завершенность, полноту и логичность построения единиц учебного материала в виде блоков-модулей, внутри которых учебный материал структурируется в виде системы учебных элементов [5].

Таким образом, будет справедливым предположить, что, следуя отобранным принципам, можно осуществлять эффективное и качественное обучение учащихся основной школы контрольно-экзаменационным стратегиям в иноязычной речевой деятельности.

Примечания

1. Шамов А. Н. Методика преподавания иностранных языков: Общий курс: учеб. пособие / отв. ред. А. Н. Шамов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ Москва: Восток – Запад, 2008. С. 40.

2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Обучение иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 6-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2009. С. 139.

3. Методика обучения иноязычной устной речи: сб. ст. / редкол.: Е. И. Волкова (науч. ред.) и др. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. С. 36–37.

4. Гальскова Н. Д. Указ. соч.

5. Барбашева С. С. Обучение деловому английскому языку туристического профиля при углубленном овладении языком в старших классах: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Москва, 2007. С. 78.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

П. А. Бородин
Московский городской педагогический университет (г. Москва)

Эдён фон Хорват и его рассказ «Спасенное семейство»

Статья включает в себя биографические сведения об Э. фон Хорвате, литературоведческий анализ рассказа, перевод текста и переводческий комментарий к нему.

Ключевые слова: Эдён фон Хорват, «Спасенное семейство», перевод, комментарий.

Творчество Э. фон Хорвата в России известно мало. Это представляется странным, так как в Австрии его произведения включены в программы учебных заведений, регулярно переиздаются, а пьесы вновь и вновь ставятся на сцене. У нас же пьесы фон Хорвата издавались лишь однажды, более 30 лет тому назад. Новый перевод некоторых пьес недавно осуществлен Э. В. Венгеровой, но, к сожалению, известен только специалистам. Проза Эдёна фон Хорвата на русский язык не переводилась. А ведь она этого заслуживает. Обучаясь на Высших международных курсах при Венском университете, я посещал семинары д-ра К. Кроттендорфера. Одно из занятий он полностью посвятил анализу рассказа «Спасенное семейство». С тех пор меня не оставляла мысль перевести этот рассказ на русский язык, что и было сделано в 2009 г. Перевод публиковался в Интернете под псевдонимом. Но потом я понял, что этого недостаточно. К переводу необходим развернутый, обширный комментарий, состоящий из трех частей:

- сведений об авторе;
- анализа самого рассказа;
- собственно переводческого комментария.

Данная статья представляет собой перевод рассказа и указанный комментарий к нему.

Жизнь и судьба Эдёна фон Хорвата были сложными. Он родился в Фиуме (ныне г. Риека в Хорватии) в 1901 г. в семье небогатого дворянина словенского происхождения, мать была венгеркой. Семья часто переезжала с места на место. Очень любопытным представляется тот факт, что Эдён начал учить немецкий язык только в подростковом возрасте. Всего через 9 лет после этого первые произведения фон Хорвата, написанные на немецком, были опубликованы. Его пьесы, романы и короткие рассказы пользовались успехом у публики, так как в них со злым сарказмом отображалось современное

автору общество и его нравы. Первая мировая война окончилась гибелью Дунайской монархии, и вновь созданная республика воспринималась как нечто временное, зыбкое, непрочное. «Старые добрые времена» миновали навсегда, и «золотые двадцатые» стали временем падения морали, временем хаоса, прологом к ещё более страшной катастрофе. Эдён фон Хорват остро чувствовал атмосферу времени. Особенно в таком городе, как Вена...

Фон Хорват стал известным и даже модным писателем и драматургом. Но когда к власти в Германии пришли нацисты, он подвергся преследованиям, эмигрировал и обосновался в Париже.

Смерть фон Хорвата была странной: в летнюю грозовую ночь на Елисейских полях на него обрушилась ветвь старого дерева. Тогда это многим казалось нелепым и бессмысленным. Но в исторической перспективе смерть писателя выглядит предупреждением, прологом к трагедии Второй мировой войны...

То, что д-р Кроттендорфер выбрал из всего наследия фон Хорвата для анализа со студентами-иностранцами именно «Спасенное семейство», не удивительно. Этот рассказ типичен для автора и дает представление о его творчестве в самой сжатой, концентрированной форме. Рассказ написан от первого лица и очень невелик по объему; по сути, это миниатюра. Но в нем, как и в других, более объемных своих произведениях, фон Хорват обращается к теме современного ему общества и царящих в нем нравов. Проблему он видит в разложении морали, в том, что стирается грань между дозволенным и недозволенным, в растущем цинизме. Репрезентации авторской идеи в тексте рассказа нет. Она остается за ним – в самом факте его написания. Сюжетно-композиционная схема рассказа проста и построена по принципу нарастания напряжения. Сначала маленький пролог, в котором главный герой рассказывает о своей мимолетной связи с некоей Элизабет Томашек. Первая же фраза, построенная парадоксально, с указанием точной даты и места, задает тон всему повествованию. Читателю сразу же становится ясно, что речь идет о мимолетной интрижке, и не более того.

Немаловажно и указание на место действия – восьмой район Вены, Йозефштадт, где жили «сливки общества» – известные политики и деятели искусства. Фон Хорват говорит этим, что именно им присущи такие аморальные черты, как адюльтер.

В следующем абзаце действие переносится на шесть лет вперед. К главному герою приходит муж Элизабет, Виктор Томашек, рассказывает о скандале с женой и о том, что она призналась ему в измене. Герой-рассказчик вынужден действовать, чтобы избежать скандала. Он действует хитро и расчетливо, разговаривая с Элизабет Томашек. В финальной сцене, где сходятся все три персонажа, страсти накаляются до предела. За неожиданным, почти детективным финалом – последняя фраза, по сути, резюмирующая всё и возвращающая читателя к самому началу. Эта фраза не просто ключ к смыслу произведения, но и важнейший элемент его изящной кольцевой композиции.

Система персонажей пародирует традиционный любовный треугольник. Герой-рассказчик, от чьего лица ведется повествование, никак не назван. Его внешность не описывается, за исключением одной выразительной детали – модных ботинок. Этому персонажа характеризуют его действия, говорящие о хитрости, беспринципности и умении манипулировать людьми, а также своеобразный внутренний монолог, как бы комментарий к этим действиям.

Внешность Элизабет тоже никак не описывается. Ее поведение говорит не только о легкомыслии, но и о способности испытывать настоящие чувства.

Виктор Томашек производит отталкивающее впечатление. Он описывается автором почти исключительно через речевое поведение, и Э. фон Хорват использует свой любимый прием: речь персонажа разоблачает его. Томашек пытается выразиться изящно, но постоянно сбивается на просторечие, а то и просто ругается. Что касается внешности, то автор опять использует только одну, но очень выразительную деталь: Виктор Томашек подает герою «липкую руку».

Интересно, что персонаж, остающийся за кадром (маленький сын Томашеков), очень сильно влияет на ход событий. Автор намекает на то, что вопрос, кто отец этого ребенка, открыт...

В рассказе отчетливо видно мастерство фон Хорвата-стилиста, прекрасно владеющего языком. В частности, персонажи постоянно используют в разговоре частицу “halt” («только лишь, всего лишь»), наречие «grad» («как раз, только что») и усеченные формы глаголов («hätt’», «hab’», «geb’»). Это характерно для австрийского варианта немецкого языка, особенно в разговорной речи. Таким образом создается эффект естественности, спонтанности действия.

Речь Томашека, как уже было сказано выше, характерна прежде всего своей двойственностью: венское просторечие (“Hascherl” – «дурочка») и бранные слова (“Luder” – «стерва») комически сочетаются в ней с выражениями высокого стиля: (“Grundübel, die personifizierte Sünd’, das Laster in Persona” – «изначальное зло, воплощение греха и порока»).

Персонаж-рассказчик использует яркое, чисто австрийское идиоматическое выражение “Einen Schmarren weisst du!” – «Ни черта ты не знаешь!»; причем “Schmarren” – название традиционного австрийского блюда.

Для создания напряженной, взрывоопасной атмосферы фон Хорват использует на двух страницах рассказа одиннадцать эмоциональных, экспрессивных эпитетов, например:

- hemmungslos («безудержный»),
- erregt («взволнованный»),
- kramphaft («судорожный»),
- fürchterlich («ужасный»),
- unheimlich («жуткий»).

Автор также активно использует глаголы, характеризующие поведение персонажей:

- jmdn. anschreien («закричать на кого-либо»),
- jmdn. unterbrechen («перебить кого-либо»),

- brüllen («рычать»),
- sich stürzen auf jmdn. («броситься к кому-либо»),
- zittern («дрожать»).

Наконец, ключевым словом рассказа является слово “Verfall” – «разрушение, распад, гибель», точно и ёмко характеризующее атмосферу, в которой происходит действие. Таким образом, последняя фраза миниатюры полна злого сарказма.

Я отдаю себе отчет как в несовершенстве моего перевода рассказа «Спасенное семейство», так и в неполноте комментария к нему. Свою задачу я вижу лишь в том, чтобы лучше ознакомить российского читателя с творческим наследием Эдэна фон Хорвата. Искренне надеюсь на продолжение исследований в этой области.

Приложение

Эдэн фон Хорват Спасенное семейство

Седьмого августа 1922 года я был очень влюблен в госпожу Элизабет Томашек из 8-го района. Господин Томашек как раз тогда был в отъезде и, таким образом, на пути у моих чувств почти ничего не стояло. Сейчас я вполне допускаю, что, если иметь в виду мораль, это было некрасиво с моей стороны. Но с точки зрения, так сказать, естественной, это было очень даже недурно. Природа ведь несправедлива и, кроме того, я был тогда довольно необузданным человеком, а война только-только закончилась.

12 ноября 1928 года господин Томашек, к которому я тогда стал испытывать уважение, вдруг пришел ко мне. Он был взволнован и сказал: «Я только что пережил скандал!» А потом он рассказал мне, что скандал начался с перепалки между ним и его супругой по поводу того, должен ли их мальчик получить гуманитарное образование, или его следует отправить в высшую реальную школу. Жена была полностью за реальную школу, потому что она расположена совсем рядом, но он питал слабость ко всему непрактичному. Он энергично защищал ценность гуманитарного образования. При этом у него, к величайшему сожалению, вырвалось вполне обычное ругательство. Жена ответила в том же духе, и так они переругивались, пока жена...

Вполне может быть, что для нее все эти дебаты были только поводом, чтобы излить накопившуюся с 1920 года злость...

«А теперь – скандал! – закричал на меня Томашек. – Эта стерва заявила, что 7 августа 1922 года у нее что-то с тобой было!» «Вот как, – сказал я. – Я считаю, это просто неслыханно!»

«Я всего лишь хотел бы узнать, – продолжал Томашек, – правда ли это; потому что если это правда, я с ней разведусь. Никому не позволительно даже думать, что я буду продолжать жить с особой, которая спуталась с тобой! Просто скажи мне: это не помешает нашей дружбе! Я не сержусь на тебя, ведь ты ни в чем не виноват. Душа моя, бабы – это первопричина всякого зла, воплощение греха и порока!»

Пока он говорил, я судорожно соображал, что мне делать. Я не хотел разрушать семью – это было бы против моих принципов. Вообще-то мне не хотелось и обманывать славного Томашека; я чувствовал себя просто омерзительно при мысли о том, что мне придется злоупотребить его доверием ко мне.

Наконец победил мой альтруизм: двух человек, которых законным образом соединила судьба, сказал я себе, нельзя взять и оторвать друг от друга. Этого нельзя делать прежде всего потому, что тогда расстанутся родители милого малыша. И тогда я ответил Томашеку: «Я считаю, что твоя дорогая супруга весьма легкомысленно хочет втянуть меня в эту историю только для того, чтобы позлить тебя. Конечно же, всё это ложь!»

Мой тон успокоил его, и он подал мне липкую руку. «Мне ещё нужно в “Континенталь”», – сказал он. «Итак, ты мне веришь?» – спросил я. «Я верю всему», – сказал он, и в его голосе была слышна покорность судьбе. Едва он ушел – я побежал к его жене. «Элизабет! – накинулся я на нее. – Виктор только что был у меня и спрашивал...» «Я уже знаю!» – перебила она меня. «Ни черта ты не знаешь!» – взревел я в соответствии со своим планом. «Конечно, я признался ему, что у меня с тобой что-то было – ведь речь зашла о моей чести! И теперь он непременно хочет развестись с тобой!» «Наконец-то!» – сказала она и села. Этого я не ожидал, так как хотел прямо противоположного. Я думал напугать ее своим выдуманым признанием, но теперь я видел, что ей явно стало легче. В тот момент я совершенно не знал, что сказать.

«Ты совсем не знаешь...» – вдруг произнесла она в тишине. «Чего же?» – спросил я вполголоса. «Как хорошо он и я друг другу подходим», – сказала она, разглядывая с издёвкой мои модные ботинки.

«Я бы никогда не связалась с тобой, – продолжала она, – если бы не знала, что он пугается со всякими потаскухами». Она стояла у окна. Это выглядело так, как будто она хотела уйти от всего. И от себя тоже. «А мальчик?» – вдруг спросил я как бы между прочим, потому что это был мой последний козырь. «Если Виктор теперь подаст на развод, ты, конечно, окажешься виновной стороной, а мальчик наверняка достанется Виктору». Это очень сильно подействовало на нее. «Что за противоестественные законы!» – закричала она в страшном отчаянии. Если хочешь чего-нибудь добиться от матери, нужно начинать с ребенка. В этот момент, и опять неожиданно, вошел Томашек. «Что это ты здесь делаешь?» – спросил он меня недоверчиво. Но она не позволила мне ответить, а бросилась к нему и обняла, истерически рыдая. Она снова и снова невнятно просила у него прощения и даже поцеловала ему руку. Он посмотрел на меня вопросительно. «Я только упрекнул ее: как же она может утверждать, что у меня с ней что-то было, ведь это же совсем не правда».

Едва ли когда-нибудь раньше мои слова производили такое действие. Она резко отшатнулась от Томашека, дрожа, как побитая собака. А потом посмотрела на меня с такой ненавистью, что у меня по спине пробежали мурашки. Но Томашек только рукой махнул. «Она просто несчастная дурочка!» – сказал он.

Так я спас их семью от распада.

Список использованных источников

1. URL: googol.ru
2. URL: literaturhaus.at
3. URL: gutenberg.spiegel.de

Е. А. Жиндеева, А. А. Тюлякова

Мордовский государственный педагогический институт (г. Саранск)

Сновиденческая традиция в современной русской литературе

В статье предложены наблюдения, касающиеся функций изображения сновидений в художественном произведении, и дан анализ способов воспроизведения психологической составляющей в изображении персонажей Л. С. Улицкой, В. Пелевина.

Ключевые слова: сон, сновидение, структуристика, композиционное решение, разнофункциональность, синтез, гипнография.

Сновидения – универсальный концепт для всех культур, независимо от территориальной, темпоральной или религиозной дифференциации.

Целостной общепринятой теории сновидений не существует, так как изучение феномена ведется в различных направлениях, актуализирующих тот или иной аспект сложного и многогранного явления. Сновидение осмысливается в рамках этнографии, истории культуры, философии, медицины (сновидения выступают в качестве средства диагностики различных заболеваний), экспериментальной психологии, физиологии и других отраслей науки. Сновидение и близкие ему проявления бессознательного являются неотъемлемой частью художественной реальности целого ряда русских прозаиков. Отчасти мы разделяем точку зрения ряда специалистов-психологов и психиатров на то, что специфика сна или его отсутствия (бессонница) может быть объяснена кризисностью ситуации, катастрофичностью ее восприятия личностью. Безусловно, писатель, как транслятор чувств и помыслов персонажей, обращается к изображению сновидений в целом ряде случаев. Укажем только на несколько функциональных обоснований введения сновидений в структуру художественного произведения: сон выступает как предварение дальнейших событий. Это, пожалуй, самый распространенный вариант использования сна, отмеченный во всех известных отечественных учебниках по теории литературы; сон как бегство от действительности. Встречается чаще всего как защитная реакция организма на внешние раздражители, имеет большое значение для изображения внутреннего мира героя, его переживаний и устремлений. Защитная/восстановительная функция сна позволяет понять действительность или «убежать» от нее. В зависимости от этих двух вариантов и возникает принятое решение; к особому разряду нам хотелось бы отнести провидческую функцию сновидений, позволяющую писателю изобразить следствие смещения границы между явью и сном. Чаще всего это делается не для того, чтобы показать болезненно-приглушенное состояние индивида, – это, скорее всего, характерологическая детализация исключительности героя. Особым видом нам представляется бестиарный сон. «Бестиарий (от лат. *bestia*, “зверь”) – литературный жанр, каталогизированное описание внешнего вида и повадок некоторых животных». Такой вид повествования, как правило, подчинен изображению рассуждений о вещах путем аналогий, а это, по сути, близко художественному мышлению, оперирующему образами. Практически всегда в связи с этим мы можем говорить об опосредованной характеристике человека посредством изображения зверя.

Мотив сна – это один из важнейших и старейших мотивов в мировой литературе. Через него авторы выражают свои философские взгляды, литературную концепцию личности.

Сама структура современного художественного произведения зачастую является подвластной онейросфере. Благодаря видениям, галлюцинациям, снам читателю открывается иное пространство, иная жизнь героя. С помощью снов можно связаться не только с Богом, но и с потусторонним миром, что говорит о влиянии онейросферы на художественный мир.

В этом отношении яркое тому подтверждение – творчество Людмилы Степановны Улицкой, одного из самых известных прозаиков в России. Ро-

ман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» стал новой ступенью в ее творчестве. Этот роман – история одной семьи российских интеллигентов. Это своеобразная сага, рассказывающая о несправедливой судьбе профессора Павла Кукоцкого, который теряет двух самых любимых женщин – жену и дочь.

Павла Петровича окружают по сути своей свободные женщины. Свободна в своём выборе Елена: замужняя женщина, она когда-то полюбила его и пошла за ним без раздумий. И была счастлива. Пока не почувствовала, как этот очень свобододлюбивый человек грубо лишает её права отстаивать свою точку зрения. И тогда она ушла в мир своих пророческих снов, в иллюзорный мир, где всегда счастье и справедливость. Вторая часть романа воспринимается как частичка Елены, ее внутреннего разломленного мира, самоощущения, дебри сознания, здесь показан ее собственный способ укрыться от реальности, от болезненности всего происходящего, от осознания того, что она больше не полноценная женщина. И Елена потихоньку умирает: уходит из жизни реальной в другую, воображаемую. Сны Елены как бы открывают скрытый смысл предназначения каждого из членов семьи Кукоцких. Во вставных частях, связанных с Еленой, описаны и сны, и любовь с женщиной, и даже ощущения плода в утробе матери. Все это вместе бессистемно, отчасти наивно-парадоксально, отчасти вероломно.

Блуждания Елены по ту сторону сознания сливаются со сном в единое пространство. Для нее, как и для всех героев романа, «истина лежит на стороне смерти», как сказано в эпиграфе к роману.

Понимание сна Л. Улицкой весьма своеобразно. В ее повествовании мы можем встретить и ложь, объясненную как рассказанное сновидение («Сквозная линия»), и сон разума – болезнь (сборник рассказов «Девочки»). Есть и прямые сопоставления, например сна и чтения. «Сонечкино чтение, ставшее легкой формой помешательства, не оставляло ее и во сне: свои сны она тоже как бы читала. Ей снились увлекательные исторические романы, и по характеру действия она угадывала шрифт книги, чувствовала странным образом абзацы и отточия. Это внутреннее вмещение, связанное с ее болезненной страстью, во сне даже усугублялось, и она выступала там полноценной героиней или героем, существуя на тонкой грани между осязаемой авторской волей, заведомо ей известной, и своим собственным стремлением к движению, действию, поступку...» [1].

Мир, созданный В. Пелевиным, зачастую эквивалентен сну, поскольку для него характерны сказочность, мистичность, возможность выхода в другую реальность. Мир сна оказывается открытым и в обыденном «дневном» сознании трактуется как сверхъестественное.

Автор стирает границы между сном и явью, реальностью и нереальностью, герои зачастую не могут отличить, происходит ли это на самом деле или им просто снится кошмар. В изображенных В. Пелевиным видениях смещается граница между вымышленным и реальным: исторические лица, писатели, друзья автора соседствуют в сновидениях героев с порождениями инфернального мира, определенно фантастическими существами. Вторже-

ние сна в явь становится конститутивным признаком повествования В. Пелевина, чье творчество с данной точки зрения практически не изучено.

По нашему мнению, в связи с вышеизложенным необходимо обратить внимание на несколько составляющих функционирования сна в произведениях В. Пелевина:

– на образный ряд снов влияет материальная среда, обстановка реально существующих комнат, детали одежды знакомых герою людей, увиденные некогда картины природы. Однако в сновидениях деструктурируется пространство, перестающее быть исключительно трехмерным; предметы, в действительности статичные, существующие по законам физики, в многомерном пространстве сна обретают некую текучесть, изменчивость;

– в воплощенных В. Пелевиным снах деструкции подвергается и категория времени, движение которого принято определять как векторное, однонаправленное. В некоторых миниатюрах фиксируется время года и суток, однако законы логики в определении времени, которому должна сопутствовать соответствующая атрибутика, смещены;

– разложение временного потока, его дискретность и обратимость в пространстве сновидения объясняются особой функцией ночных видений, являющихся в понимании автора посредниками временных пластов, а кроме того, связующим звеном мира мертвых и мира живых, мира человека и мира животного, обыденного, реального и ирреального, существующего только в сознании героя;

– заснувший человек у В. Пелевина как бы переступает невидимую границу двух противопоставленных друг другу сфер, разделенных не только принадлежностью к пластам прошлого и настоящего, но и границей бытия и небытия. В онейрическом пространстве герой входит в непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира и, прежде всего, со своими умершими родственниками. Сон оказывается одним из главных каналов вневременной связи между миром живых и миром мертвых, соотносительность и связь которых отрицается бодрствующим разумом, довлеющим над более зоркой душой;

– вневременной контекст сновидений поддерживается фольклорными мотивами и связью с мифотворчеством;

– цвета, занимающие значительное место в снотолковательной символике, отражают эмоциональный подтекст ночных видений писателя;

– синкретичны не только образы, но и семы различных слов, их фонетические оболочки, сопровождающие изображение сновидения героев В. Пелевина.

Таким образом, можно сделать вывод о разнофункциональности использования сновидения.

Примечания

1. Улицкая, Л. Казус Кукоцкого: роман. М.: Эксмо, 2008. С. 8.

Авторский субъективизм книги А. Полторака «Нюрнбергский эпилог»

Субъективизм А. Полторака в книге «Нюрнбергский эпилог» интересует нас как условие продуцирования лирического произведения, авторской творческой рефлексии и читательской рецепции.

Ключевые слова: «Нюрнбергский эпилог», автор, субъективизм, нравственность, мораль.

Вопрос субъективности и объективности остается одним из самых актуальных вопросов рецепции художественного произведения и рассматривается как характеристика и авторского, и читательского сознания. Ю. М. Брюханова считает, что «чем объективнее для современников содержание текста, тем адекватнее он воспринимается, т. е. количество вариантов его понимания сводится к минимуму» [1, 62].

Литературным приговором нацизму считал «Нюрнбергский эпилог» сам А. И. Полторака. Председатель Верховного Суда РСФСР, бывший помощник главного обвинителя от СССР на процессе Л. Н. Смирнов так писал в предисловии к «Нюрнбергскому эпилогу»: «Книга А. И. Полторака не может, конечно, заменить специальных исследований, посвященных деятельности Международного военного трибунала. Хочется надеяться, что читатель, ознакомившись с ней, обратится затем к стенограммам процесса, изданным в Советском Союзе... Эта книга очень современна. Она призывает к бдительности в отношении поджигателей новой войны, напоминает о неизбежности возмездия для любого агрессора» [2, 10].

Как известно, в литературном произведении часто присутствует «олицетворение мотивов» (закрепление за героем определенного нравственного содержания), и тогда персонаж воспринимается читателем как «олицетворенный комплекс мотивов» [3, 218].

В описании подсудимых Полторака обращает внимание на их внешние данные, особенности поведения на процессе и даже на читательские предпочтения: «Подсудимым без ограничения давали из тюремной библиотеки книги. Риббентроп читал мало, и преимущественно Жюль Верна. Один из теоретиков и практиков антисемитизма Штрейхер увлекался немецкой поэзией. Бальдур фон Ширах, бывший руководитель гитлеровской молодежи, переводил на немецкий язык стихи Теннисона. Франц фон Папен, бывший вице-канцлер, углубился в религиозную литературу. Бывший министр внутренних дел Фрик не читал ничего, он любил поесть» [2, 34–35].

Напомним, что в советской этической литературе существовали различные определения понятий морали и нравственности: «В одних определе-

ниях мораль раскрывается как форма сознания, а нравственность – как область практических поступков, обычаев, нравов. Согласно другой точке зрения мораль – это регуляция поведения посредством строго фиксированных норм, внешнего психологического принуждения и контроля, групповых критериев, общественного мнения. Нравственность же рассматривается как сфера свободного выбора личностью общечеловеческих ценностей» [4, 92].

Наше время отмечено повышенной тягой к поискам нравственных основ человеческой жизни. Этим во многом объясним массовый рост интереса к реальным историческим фактам и криптоисторическим литературным произведениям.

XX век, с двумя мировыми войнами, характеризуется глобальным стремлением к власти – как на политическом, так и на экономическом, социальном, культурном, бытовом уровнях. В Нюрнберге и прокуроры, и адвокаты говорили о том, что жизнедеятельность человечества невозможна без выбора из желаемого и должного. Нельзя считать полноценной личность, лишенную желаний и целей. Не случайно И. П. Павлов писал: «Жизнь перестает привязываться к себе, как только исчезает цель» [5, 245].

Нравственность отдельно взятой личности возникает на стыке общественной практики человека и моральных принципов общества. В условиях политической диктатуры и безнравственности личность человека может измениться быстро, вплоть до прямой противоположности.

Субъективизм автора «Нюрнбергского эпилога» интересует нас не как качественный критерий литературы, но как условие продуцирования лирического произведения, авторской творческой рефлексии и читательской рецепции. А. И. Полторак, бывший в Нюрнберге секретарем советской делегации, не оставляет читателям своей книги ни малейшей надежды на «очеловечивание» подсудимых. Все они – от Геринга до фон Папена – патологически извращенные личности, лишенные раскаяния, обреченные на наказание и всячески стремящиеся уйти от него.

Примечания

1. Брюханова Ю. М. Об онтологических основах лирической субъективности // Чтение: рецепция и интерпретация: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: Т. Е. Евтухович (отв. ред.) [и др.] / ГрГУ им. Я. Купалы. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 62.

2. Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М.: Воениздат, 1969. С. 10, 34–35.

3. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 218.

4. Гримак Л. П. Общение с собой: Начала психологии активности. М.: Политиздат, 1991. С. 92.

5. Павлов И. П. Полн. собр. трудов. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 245.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амридинова Назира Шамсидиновна – соискатель (науч. рук. – д. ф. н., проф. Т. А. Бушуй), преподаватель кафедры вторых иностранных языков, Самаркандский институт иностранных языков (г. Самарканд, Узбекистан)

Белютин Роман Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, старший научный сотрудник, Смоленский государственный университет (г. Смоленск, Россия)

Бережных Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Бородин Павел Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (г. Москва, Россия)

Вдовиченко Лариса Владимировна* – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры (г. Сургут, Россия)

Добрынин Сергей Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский государственный педагогический университет им. В. П. Чкалова (г. Оренбург, Россия)

Ерофеев Юрий Викторович* – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Самарский государственный экономический университет (г. Самара, Россия)

Ефремова Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал) (г. Нижний Новгород, Россия)

Жаровская Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет (г. Благовещенск, Россия)

Жиндеева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы и методики обучения литературе, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия)

Журавлева Вероника Юрьевна – аспирант кафедры иностранных языков (науч. рук. – к. ф. н., проф. Л. К. Кондратюкова), Омский государственный технический университет (г. Омск, Россия)

* Знаком * отмечены авторы, которые на момент выхода сборника успешно защитили кандидатские диссертации, но еще не утверждены приказом ВАК.

Звонарева Юлия Васильевна – аспирант кафедры немецкого языка (науч. рук. – д. ф. н., проф. Е. Н. Азначеева), Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия)

Иванова Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия)

Игнашов Александр Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара, Россия)

Каверина Оксана Анатольевна – аспирант кафедры теоретической лингвистики (науч. рук. – д. ф. н., проф. Т. И. Семенова), Иркутский государственный лингвистический университет (г. Иркутск, Россия)

Киселёв Дмитрий Анатольевич* – старший преподаватель, и. о. зав. кафедрой французской филологии, Самаркандский государственный институт иностранных языков (г. Самарканд, Узбекистан)

Копачева Александра Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия)

Костерина Юлия Евгеньевна – аспирант кафедры иностранных языков (науч. рук. – к. ф. н., проф. Л. К. Кондратьюкова), Омский государственный технический университет (г. Омск, Россия)

Куркина Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков, Самарский государственный медицинский университет (г. Самара, Россия)

Лиховидова Елена Петровна – старший преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин, Российский государственный университет туризма и сервиса (филиал) (г. Волгоград, Россия)

Лунькова Лариса Николаевна – доктор филологических наук, доцент, кафедра английского языка, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (г. Коломна, Россия)

Мартынова Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал) (г. Нижний Новгород, Россия)

Молчкова Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики перевода, Международный институт рынка (г. Самара, Россия)

Павленко (Васильева) Елена Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, доцент кафедры английского языка экономики и права, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)

Плотникова Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Белгородский государственный университет (г. Белгород, Россия)

Полекаускас Марина Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания (науч. рук. – д. ф. н., проф. Н. А. Максимчук), Смоленский государственный университет (г. Смоленск, Россия)

Попова Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Московский городской педагогический университет (г. Москва, Россия)

Редькина Ольга Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров, Россия)

Терехова Светлана Александровна – соискатель кафедры английской филологии (науч. рук. – д. пед.н., проф. Л. А. Милованова), Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград, Россия)

Туфанова Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, Иркутский государственный технический университет (г. Иркутск, Россия)

Тюлякова Алёна Анатольевна – студентка V курса филологического факультета, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия)

Шамне Николай Леонидович – доктор филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия)

Янькова Нина Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия)

Готовится к печати

Сборник научных статей
«Язык в меняющемся мире»

Проблематика сборника:

- современные языки (все аспекты изучения);
- активные процессы в современных языках;
- язык СМИ;
- история языка;
- диалектология, социальные варианты языка;
- межкультурная коммуникация, лингвокультурология;
- вопросы преподавания языков.

Статьи принимаются *до 14 декабря 2012 г.*

Выход сборника из печати и рассылка – *февраль 2013 г.*

Информационное письмо на сайте: <http://univers-plus.ru>

Дополнительную информацию можно получить

по электронной почте: univers.nauka@gmail.com

Готовится к печати

Сборник научных статей
**«Жанр. Стиль. Образ.
Актуальные проблемы
теории и истории литературы»**

Приглашаются к участию кандидаты и доктора наук,
преподаватели вузов, аспиранты и соискатели.

Статьи принимаются *до 14 декабря 2012 г.*

Выход сборника из печати и рассылка – *февраль 2013 г.*

Информационное письмо на сайте: <http://univers-plus.ru>

Дополнительную информацию можно получить
по электронной почте: univers.nauka@gmail.com

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Актуальные вопросы современной филологии

*Материалы публикуются в авторской научной редакции.
Авторы несут полную ответственность за точность фактического материала
в статьях и достоверность предоставленных сведений о себе*

Компьютерная верстка Л. А. Кислицыной

Оформление обложки А. Ю. Чепурных

Подписано в печать 04.10.2012 г.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 8,5.

Тираж 300 экз.

Заказ № 252.

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674